

Цена 92 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ РУСИ

К. В. ГОРШКОВА

ОЧЕРКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ
РУСИ

К. В. ГОРШКОВА

ОЧЕРКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ РУСИ

(ПО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1968

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

7-1-2
95-67

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование ставит задачей описание фонологической системы древнерусского языка в ее функционировании и развитии на протяжении XI—XV вв. на северной территории распространения древнерусского языка (Псковская, Новгородская и Ростово-Суздальская земля). Исследование включает вопрос о становлении фонологической системы русского (великорусского) языка на данной территории.

Автор понимает, что проблема формирования и развития русских диалектов должна решаться не только на основе фонологических описаний, но и по данным грамматики, словообразования, лексики и фразеологии.

Однако в настоящее время исследование обобщающего характера по исторической диалектологии древнерусского и русского (великорусского) языков может быть осуществлено прежде всего в результате фонологической интерпретации значительного материала, накопленного по исторической фонетике русского языка. По исторической грамматике предстоит еще проделать предварительную работу, связанную с разграничением основных этапов развития грамматического строя диалектов и языка письменного с последующей территориальной характеристикой грамматических фактов.

Развернувшаяся лексикографическая работа по составлению диалектных и исторических словарей древнерусского и русского языков позволит в ближайшем будущем включить лексический материал в общие работы по исторической диалектологии.

Но и вне зависимости от разработки отдельных научных дисциплин и накопления соответствующих фактов, обобщающие работы по исторической фонологии диалектного языка должны предшествовать подобным работам по исторической морфонологии и грамматике ввиду особой важности именно фонологических явлений как для общей характеристики сложной системы диалектного языка, так и для характеристики диалектной дифференциации языка.

Таким образом, выбор материала исследования определен не только научными интересами автора, но и рядом объективных условий.

В исследовании собраны как факты, накопленные автором в результате изучения письменных текстов XIV—XV вв. ростово-суздальского происхождения и современных русских говоров Владимирской и Вологодской областей, так и большой фактический материал из исследований по исторической фонетике русского языка А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, Л. Л. Васильева, Н. М. Каринского, Б. М. Ляпунова, В. В. Виноградова, Р. И. Аванесова, В. И. Борковского, П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова, В. Г. Орловой, из кандидатских диссертаций Л. П. Жуковской, О. А. Князевской, Т. Н. Кандауровой, С. К. Пожарицкой, В. В. Иванова и других.

Для интерпретации данных письменных памятников привлекается как материал описательной диалектологии русского языка, так и данные карт опубликованного «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957) и северо-западного и северного томов «Атласа русских народных говоров», хранящихся в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР.

Данная работа относится к числу фонологических описаний конкретных языков; автор не исследует проблем теоретической фонологии и ограничивается лишь выяснением необходимых понятий и методов, которыми он пользуется при решении конкретных задач исторической фонологии русского языка. В своей исследовательской практике автор опирается главным образом на работы по общей и исторической фонологии Н. С. Трубецкого, А. Мартине и на работы Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова и С. Б. Бернштейна по фонологии русского и других славянских языков.

Ограничение исследования территорией северной Руси не является случайным. Оно определено спецификой развития диалектной структуры русского (великорусского) языка в XII—XIV вв. История диалектов древнерусского языка, на основе которых складывается язык русской (великорусской) народности, в течение XIII и до рубежа XIV—XV вв. — это история развития и взаимодействия прежде всего двух диалектов: древненовгородского и древнеростово-суздальского. История диалектной структуры русского (великорусского) языка, включающая акающие говоры южной территории, начинается с рубежа XIV—XV вв. Поэтому для древнейшего периода, включая рубеж XIV—XV вв., следует подготовить отдельные очерки исторической диалектологии северной Руси и очерки исторической диалектологии акающих говоров.

Предлагаемое исследование, охватывая период XI—XV вв., относится к исторической диалектологии северной Руси.

Определенную роль в этом ограничении играет и характер языковых источников истории русского (великорусского) языка северных и южных частей территории его распространения. История северновеликорусских диалектов может базироваться не только на данных современных говоров и воссоздаваться путем ретроспективного изучения этих данных, но и на фактах ранних письменных памятников: новгородские тексты известны с XI века, псковские — с XIV века, ростово-суздальские — с XIII—XIV вв. История южновеликорусских говоров не имеет письменных источников вплоть до XVI века, и поэтому реконструкция системы акающих диалектов в ранние эпохи их существования может опираться лишь на внутреннюю реконструкцию современных диалектных данных.

При изучении временного и территориального варьирования фонологической системы древнерусского языка обращено внимание на внутренние факторы развития, на то, как связаны в своем функционировании и развитии единицы речи и единицы системы языка. В результате намечились конкретные выводы о взаимно обусловленных и необусловленных в своем развитии звеньях фонетической системы, об определяющих, главных и второстепенных фактах системы в каждую историческую эпоху, о влиянии фонетических изменений на фонематические отношения и роль последних в протекании самого фонетического изменения. В то же время оказалось, что сфор-

мулировать и обосновать вывод о причинах фонетических изменений, изучая лишь внутренние факторы развития, не представляется возможным. Для освещения общей проблемы причинности развития необходимо рассмотреть и внешние факторы развития: междиалектные и межъязыковые контакты, вопрос о субстрате, о территориальном объединении и разъединении носителей языка и подобные. Так, несомненно, важным внешним фактором развития фонологической системы древне-новгородского и древнепсковского диалекта были длительные межъязыковые контакты новгородцев и псковичей с неславянскими языками. Но вопросы о внешних факторах развития не включены в данное исследование. Это не означает, что автор понимает развитие языка, его фонетической системы лишь как спонтанное развитие.

Развитие языка — сложный процесс, в котором взаимодействуют внутренние и внешние факторы. Но в любом случае, какого бы происхождения ни было то или иное звено системы — результатом ли спонтанного развития или результатом междиалектных или межъязыковых контактов, его следует рассмотреть в контексте системы, определить его место в системе, условия функционирования и тенденции развития. Такое рассмотрение системы и принято в работе.

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОД

1. ПРЕДМЕТ

§ 1. О предмете описательной и исторической диалектологии русского языка

Системность и изменяемость — важнейшие характеристики языка как средства общения и выражения мыслей. Этими признаками обладает язык как в форме литературной, так и диалектной. Система диалектного языка может получить и территориальную характеристику. Стилистическое варьирование, обязательное для литературного языка, в пределах территориальных диалектов обычно связано с обиходно-бытовым, нейтральным стилем и более высоким, «литературным» стилем произведений фольклора. Но диалектологи отмечают, «что различительные черты этого «высокого» стиля и различительные черты собственно диалектные (в нейтральном стиле) часто обладают различной территорией своего распространения: специфические особенности языка фольклора в ряде случаев имеют более широкое территориальное распространение, чем черты собственно диалектные»¹.

Для диалектологии первенствующее значение имеет нейтральный стиль, т. е. диалектолог изучает территориальные диалекты вне стилистического варьирования.

Если при изучении и описании территориальных диалектов исключить фактор времени, то их две основные характеристики: структурная и территориальная — и составят предмет особой научной дисциплины — описательной диалектологии.

В зависимости от этих двух основных характеристик диалектов описательная диалектология пользуется двумя методами исследования и описания диалектов: структурно-мографическим и лингвогеографическим.

С помощью монографического изучения диалектов при равном внимании ко всем фактам, различительным и общим,

¹ «Вопросы теории лингвистической географии». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 10.

достигается понимание диалекта как одной из разновидностей языка, характеризующейся территориальной ограниченностью и относительно узкой сферой функционирования. При этом устанавливаются не только различительные признаки диалектов, но и те общие черты, которые и позволяют говорить о совокупности русских говоров не как о простой сумме их, а как о структурном целом. Монографическое описание диалекта — это как бы описание изнутри, с точки зрения найденных в нем и установленных исследователем закономерностей и категорий. Система диалекта, полученная в результате монографического описания, не дана исследователю непосредственно. Она устанавливается исследователем на основе реальных фактов диалектной речи с помощью теории синхронного описания языковых явлений. Установленная система может относиться к отдельному говору одного населенного пункта и может быть сложной, отнесенной к значительной территории распространения русского языка. Такая сложная система является как бы системой систем с общими и различительными чертами.

Различительные черты могут быть соотносительными, противопоставленными и непротивопоставленными. Противопоставленные явления могут быть простыми и сложными².

Лингвогеографическое изучение диалектов позволяет определить территориальное размещение диалектных черт. При лингвогеографическом описании диалектов основное внимание уделяется специфически диалектному, различительному явлению, так как только такое явление может дать изоглоссу. Изоглосса — это проекция фактов диалектного языка на территорию его распространения. Картографируемое явление может быть как изолированным, так и регулярным элементом системы.

В лингвогеографическое изучение территориальных диалектов входит и та часть описательной диалектологии, которая решает вопросы о диалектном членении языка, о группировке диалектов. Для решения последней группы вопросов исследователи выбирают такие изоглоссы, которые выделяют компактные территории, противопоставленные друг другу по ряду черт. Проблема диалектного членения языка не может оставаться только лингвистической: диалектология объединяет свои данные с данными социальной и культурной истории носителей языка, со многими внелингвистическими факторами.

В соответствии с двумя характеристиками и методами изучения и описания территориальных диалектов описатель-

² Автор согласен с тем пониманием системы диалектного языка, которое подробно изложено в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (гл. 1).

ная диалектология имеет два отдела: 1) учение о диалектном языке, его системе и 2) учение о диалектах³.

Предметом первого отдела является описание микро- и макросистем (при включенной территории и выключенном времени), предметом второго отдела — создание лингвистических карт и как один из результатов интерпретации изоглосс в синхронном плане — построение группировки говоров.

Как уже было сказано, описательная диалектология, имея отношение к структурному и территориальному варьированию диалектов, безразлична к их варьированию во времени, точнее, она интерпретирует все диалектные факты в одном временном плане, хотя в действительности эти факты диахронически различны (ср. оканье — аканье, [r] — [y] и т. п.).

Задача описательной диалектологии и состоит в том, чтобы диахронически различные диалектные факты осмыслить с синхронической точки зрения.

Предмет и задачи исторической диалектологии усложняются тем, что включается фактор времени.

Развитие сложной системы диалектного языка, изменение группировки русских территориальных диалектов во времени, историческое изменение лингвистической карты русского языка, временные изменения в диалектном членении русского языка и составляют предмет научной дисциплины — исторической диалектологии русского языка.

Историческая диалектология имеет два отдела. Историческая грамматика как отдел исторической диалектологии изучает историю системы диалектов. Ее основной категорией является хроноизоглосса, пучки хроноизоглосс. Историческая лингвогеография как отдел исторической диалектологии изучает «диалекты в их территориально-временной динамике и сменах». Категорией исторической лингвогеографии «должна явиться лингвистическая хроно-география с ее двумерными хроно-топо-изоглоссами»⁴.

II. ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ПО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

§ 2. Современные говоры

Надежная интерпретация фактов, извлеченных из письменных памятников прошлых эпох, оказывается возможной лишь при соотнесении этих фактов с данными современных говоров. Поэтому и в настоящее время оказывается справедли-

³ См. Р. И. Аванесов. Описательная диалектология и история языка. В сб.: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 293—318.

⁴ Р. И. Аванесов. Ук. соч., стр. 312.

вым утверждение акад. А. А. Шахматова о том, что главным и надежнейшим источником истории языка являются живые говоры.

Современные говоры могут быть использованы не только в соединении с фактами письменности, но и как единственный материал внутренней реконструкции. Можно назвать проблемы исторической фонетики русского языка, которые ставятся главным образом на диалектном материале, как, например, история безударного вокализма русского языка.

Если при монографическом описании современного состояния диалектов диахронные факты представляют синхронно, то при воссоздании фонетической системы прошлой эпохи путем внутренней реконструкции сосуществующие во времени диалектные факты представляют диахронно.

Для решения важнейшей современной задачи исторической диалектологии — воссоздания истории системы русского языка, нужно совершенствовать описание современных говоров; для исторической фонетики необходимы фонологические описания современных русских говоров на широком лексическом материале с равным вниманием ко всем фактам в их реально существующих отношениях.

Необходимость именно данного типа описания подчеркивается потому, что приемы фонологического исследования в русской диалектологии еще недостаточно развиваются, в то время как без них невозможно или во всяком случае весьма затруднено решение проблемы о развитии фонетической системы русского языка как целого. В 1949 году вышла книга проф. Р. И. Аванесова «Очерки русской диалектологии», в которой впервые было дано фонологическое описание русских говоров и поставлена задача дальнейшего совершенствования этого типа описания.

В книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» (Изд-во МГУ, 1956) на материале русского литературного языка разработана общая теория фонем, применимая и к материалу русских диалектов⁵.

В книгах: «Вопросы теории лингвистической географии» (М., Изд-во АН СССР, 1962) и «Русская диалектология» (М., Изд-во АН СССР, 1964) дано описание наиболее общих черт фонологической системы русских говоров. Но все еще мало монографий, в которых было бы дано подробное описание фонологических систем, типичных для русских диалектов на разной территории распространения русского языка.

Для понимания русской фонологической системы в ее развитии важно описать не только инвентарь фонем и отдельные звенья системы (например, типы безударного вокализма), но

⁵ Диалектологи могут, конечно, руководствоваться и другими фонологическими концепциями. Важно, чтобы принятая теория проводилась последовательно.

и функционирование фонем как в словоформе, так и в морфеме. После падения редуцированных все русские говоры развили два типа позиционной мены звуков: параллельный и перекрещивающийся. Это привело к различному функционированию кратчайших звуковых единиц в словоформе и морфеме. Одни звуковые единицы способны выполнять различительную функцию только в словоформе, другие дифференцируют как звуковой состав словоформ, так и звуковой состав морфем. На этом основании разграничиваются фонемы, сильные и слабые, в словоформе и фонемный ряд в морфеме⁶.

Кроме того, многие диалектные фонетические признаки закрепились в пределах словоформы, т. е. фонетическая модель, вызванная действующими в диалекте звуковыми законами или прекращением этих законов, закреплялась как модель словоформы (ср. в юго-западных курских говорах арханчское диссимильативное яканье при неразличении под ударением фонем [δ] и [o] и фонем [ê] и [e], говорят: *у сядбѣ старухи, но сидбѣ старик, сядбѣ, но силѣм*, закрепление модели типа *на стиклѣ* в предложном падеже в говорах с умеренным яканьем и др.). Усвоение слов в их литературной звуковой форме происходит также как усвоение отдельных словоформ.

Поэтому весьма важно изучать не только фонологическую структуру морфемы, но и фонологическую структуру слова в его конкретной форме.

Применение теории фонем открывает перед диалектологами новые несомненные перспективы и позволяет включить диалектологические описания в круг работ, решающих важнейшие проблемы науки о структуре русского языка.

Известно, как важно при описании диалектного материала и в синхронном, и в диахронном плане установление типа изучаемого явления, включение тех или иных индивидуальных звуковых фактов в один тип или выделение нового типа на основании других фактов, установление отклонений от типа, закономерных или случайных и т. п.

Фонологическое описание на уровне дифференциальных признаков⁷ позволяет вскрыть существенные признаки среди случайных. Например, позволяет определить, все ли колебания в произношении предударных гласных существенны для разграничения типов предударного вокализма. Так, если аканьющий говор знает противопоставление в первом предударном слоге после ларных мягких согласных трех единиц: [y], [и], [Λ], причем это [Λ] является заменителем трех сильных фонем нижнего и среднего подъема (п'ат' — п'Λт'и, п'Λтáк; н'ос — н'Λсú, н'Λс'и; с'ем — с'Λмѡй, с'Λм'и), то дифференциальными

⁶ Подробно об этом разграничении см. в указанной книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка». Изд-во МГУ, 1956.

⁷ Далее сокращенно: ДП.

признаками слабых (безударных) фонем оказывается верхний или неверхний подъем, а для гласных верхнего подъема — отсутствие или наличие лабиализации. В этом случае колебания в произношении от [ʌ] до [e] можно интерпретировать как разновидности одной и той же фонемы и включать в один и тот же тип вокализма. Появление же гласного [и] меняет структуру вокализма, так как в этом случае предударный гласный [и] оказывается заместителем 4-х сильных гласных фонем, и степень подъема перестает быть дифференциальным признаком предударной гласной фонемы.

При сравнении северновеликорусского ёканья и средневеликорусского или южновеликорусского умеренного яканья обычно обращается внимание на их сходство: зависимость качества предударного гласного от твердости или мягкости последующего согласного. Но между этими типами безударного вокализма важное фонологическое различие: при ёканье частная система безударного вокализма перед твердыми согласными не имеет слабых фонем, безударные гласные фонемы в этом положении в качестве дифференциальных признаков имеют три степени подъема и лабиализованность — нелабиализованность, т. е. в этой частной системе безударного вокализма различается как и под ударением пять гласных фонем со следующими ДП: /и/ — верхний подъем, нелабиализованность; /у/ — верхний подъем, лабиализованность; /е/ — средний подъем, нелабиализованность; /о/ — средний подъем, лабиализованность; /а/ — нижний подъем, нелабиализованность, например, в словах [л'исá], [сл'удá], [л'есá], [пл'овáт'], [пл'ʌсáт']. В частной системе безударного вокализма перед мягкими согласными оказывается слабая гласная фонема /е/, эквивалентная двум сильным гласным фонемам: /е/ и /о/ (ср. [р'ек] — [р'ек'и] или [р'е"к'и] и [з'ел'он'е"н'кой] — [з'ел'ен'ёл] или [з'е"л'е"н'ёл]). Но и в этой системе вокализма различается три степени подъема, но отсутствует противопоставление по лабиализованности — нелабиализованности у гласных среднего подъема. При сведении этих частных систем в общую систему предударного вокализма после мягких согласных мы имеем основание выделить четыре гласных фонемы со следующими ДП: /и/ — верхний подъем, нелабиализованность; /у/ — верхний подъем, лабиализованность; /е, о/ — средний подъем, /а/ — нижний подъем, нелабиализованность.

Общая система умеренного яканья состоит из слабых гласных фонем и перед парными твердыми и перед парными мягкими согласными фонемами. Эти слабые гласные фонемы в частной системе предударного вокализма перед твердыми согласными характеризуются противопоставлением двух степеней подъема и противопоставлением по лабиализованности — нелабиализованности; оказывается три слабых гласных фонемы: /и/ — верхнего подъема, нелабиализованная,

/у/ — верхнего подъема, лабиализованная, /а/ — неверхнего подъема, нелабиализованная. Частная система вокализма перед мягкими согласными уже не имеет противопоставления гласных фонем по степени подъема, она состоит из двух слабых гласных фонем: /и/ — верхнего подъема, нелабиализованной, /у/ — верхнего подъема, лабиализованной. Общая система предударного вокализма после мягких согласных при умеренном яканье состоит из двух фонем: нелабиализованной верхнего подъема и лабиализованной верхнего подъема. Разновидностями первой фонемы являются предударные гласные [и], [ʌ], разновидностями второй — предударные [ý], [y]. Поэтому вряд ли оправданно постоянное типологическое сближение этих разновидностей безударного вокализма в описательной и исторической диалектологии русского языка. Генетическая связь между этими типами убедительно прослежена для определенной группы средневеликорусских говоров в работах В. Н. Сидорова⁸.

Еканье как отдельное звено системы безударного вокализма будет описано одинаково для северновеликорусского и средневеликорусского говора, оканье и аканье — как различные звенья системы безударного вокализма. Общие системы безударного вокализма, совмещающие ёканье с оканьем и еканье с аканьем, характеризуются как различные типы безударного вокализма в той же мере, как и системы, совмещающие еканье с оканьем и еканье с аканьем. Однако между этими системами есть более принципиальное различие, чем просто фонетическое, физиолого-акустическое. Дело в том, что общую систему предударного вокализма с аканьем и еканьем можно определить как одну систему слабых фонем: /и/, /у/, /а/; общую систему предударного вокализма с оканьем и ёканьем также как единую систему, но систему сильных гласных фонем: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/, а систему предударного вокализма с оканьем и еканьем нельзя определить как единую систему сильных или слабых фонем: она представляет собою соединение двух систем — частной системы сильных гласных фонем после парных твердых согласных: /и/, /у/, /о/, /а/ и частной системы слабых гласных фонем /и/, /у/, /а/ после парных мягких согласных. Таким образом, хотя материальное изменение (возникновение еканья) затронуло лишь гласные после мягких согласных, оно преобразовало всю систему безударного вокализма. Этот пример важен в историческом плане: он показывает, что чисто фонетические, физиолого-акустические изменения, материально затронув частную систему вокализма или консонантизма, могут в то же время вызвать изменение всей фонологической системы, хотя в других частных системах эти изменения не

⁸ В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья в средне-русских говорах. «Изв. ОЛЯ», 1951, т. 10, вып. 2.

нашли материального выражения. Возможно и противоположное явление — возникшие материальные, физиолого-акустические изменения не приводят к изменению фонологической системы (ср. системы с предударными [Λ] и [e] и [Λ] и [и⁰]).

Таким образом, различия и сходства в функционирующих системах одного синхронного среза, а также изменения в системе на протяжении определенного исторического периода могут быть исчерпывающе определены, если не довольствоваться физиолого-акустическим описанием явлений диалектной речи, а устанавливать фонологические факты системы диалектного языка.

Фонологический подход к описанию диалектной речи позволяет увидеть существенные линии в развитии фонетической системы диалектов в современных условиях и проверить предположение о тенденциях развития в эпохи предшествующие.

Диалектологи, занимающиеся лишь чисто физиолого-акустическим аспектом в установлении изменений, отмечают специфические явления в развитии северновеликорусского ёканья, южновеликорусского диссимильативного яканья, в установлении ассимильативных типов вокализма и т. п. и не обращают достаточного внимания на появление общих черт в вокализме русских говоров. Между тем это общее есть. Оно состоит, во-первых, в уменьшении различительной способности безударных гласных, что происходит и в случае установления произношения: [н'есу́], [р'ека́], [п'ата́к] и далее [н'есу́], [р'ека́], [п'ета́к] и в случае появления: [н'осу́], [р'ока́], [п'ата́к]. Такое уменьшение различительной способности гласных будет и в результате различных процессов обобщения в произношении предударной гласной [а] или [e], или [и] при разрушении более древних типов диссимильативного яканья.

Вторая общая тенденция состоит в установлении позиционной зависимости предударного гласного от твердости или мягкости предшествующего согласного, в объединении предударных гласных после твердых и мягких согласных, обладающих общими дифференциальными признаками и, следовательно, одинаковой различительной способностью, в одну слабую фонему.

Осуществление этой тенденции (полное или частичное) мы наблюдаем в северновеликорусских говорах с оканьем и еканьем, в средневеликорусских акающих говорах с еканьем, при установлении ассимильативно-умеренного яканья и при установлении сильного яканья на основе жиздринского диссимильативного.

Заметим, что именно эти свойства характеризуют безударный вокализм нормализованной формы русского национального языка.

Изучение современных процессов развития диалектов позволяет с большим основанием принять или отвергнуть от-

дельные утверждения, относящиеся к развитию диалектов в прошлые эпохи.

Фонологические описания важнейших русских диалектов важны для развития русской исторической диалектологии как основа внутренней реконструкции. Фонологический метод описания может во многих случаях дать гораздо больше для реконструкции исторических судеб диалектного языка, чем распространенный этимологический приём описания фактов. Последний лишь создает видимость историзма, в действительности же он не только не позволяет дать синхронное описание диалекта, но и создает весьма условный исторический аспект восприятия фактов. При этимологическом подходе оказывается, что каждое звено системы диалекта характеризуется детально с этимологической стороны, устанавливаются все его соответствия звукам древнерусского языка, причем сам древнерусский язык понимается как нечто условное, вне времени и пространства, как собрание известных из истории языка элементов: [ъ], [ь], [ы], [и], [о] (под новым акцентом), [ѣ] и т. п.

Установление более тесных, необходимых, и менее тесных связей между отдельными звеньями системы обогатит изучение диалектов по данным письменных памятников.

Установление одного звена на основании анализа письменных фактов позволит в этом случае с большей определенностью и убежденностью говорить о наличии в изучаемую историческую эпоху и других звеньев, связанных с установленным необходимой и закономерной связью. В настоящее время круг таких фактов еще невелик. Так, мы устанавливаем [г] взрывного образования по написанию результатов оглушения [г] в [к] типа *друк*, *сапок* и т. д.

Пока это только отдельные замечания. Для построения исторической диалектологии необходимо правильно соотнести между собой отдельные языковые явления как звенья одной системы и определить для этой системы историческую эпоху ее существования или разграничить эти явления как факты диахронных систем.

Например, при изучении материалов курских говоров устанавливается, что отступлениями от архаического типа диссимильативного яканья являются и распространение произношения гласного [и] на месте гласных неверхнего подъема, независимо от качества ударной гласной, и произношение гласного [а] перед [о] и [e] из [ъ], [e], [ь]⁹. Очевидно, что эти явления как активные процессы хронологически различны. Процесс, приведший к появлению произношения типа [с'ало́м], [д'ар'ёви'а], [б'ар'о́м], проходил раньше и, очевидно, был связан с изменениями ударного вокализма, и в современных го-

⁹ К. Ф. Захарова. Архаические типы диссимильативного яканья. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 6—55.

ворах результаты этого процесса сохраняются в виде произношения типа [с'алом], а распространение произношения типа: с'илб, с'илбм, т'ил'эга, д'ир'эвн'а, н'ис'у, цв'иты, н'ис'у — активный процесс в современных говорах, связанный с влиянием литературного языка, с усвоением носителями диалекта соответствующей лексики в икающем произношении.

Таким образом, фонологическое описание диалектной системы, не отрицая тщательного отбора всех многообразных диалектных фактов и других приемов их изучения, позволяет сделать изучение диалектов более глубоким и результативным как для описательной, так и для исторической диалектологии.

§ 3. Письменные памятники

Успехи науки об эволюции звуков русского языка тесно связаны с совершенствованием методов изучения основных источников исторической фонетики: современных диалектов и письменных памятников. Для научного построения исторической фонетики в первой половине XIX века большое значение имели успехи палеографии. Издание рукописей, описание их внешнего облика, исследование эволюции буквенных форм и орфографических колебаний в работах А. Х. Востокова, С. М. Строева, К. Ф. Калайдовича, А. В. Горского и К. И. Невоструева дали необходимый материал для историков русского языка. Но еще не были разработаны методы, пользуясь которыми можно было бы за мертвой буквой увидеть живой звук. Интерес к народному быту, фольклору в конце XIX века сопровождается интересом к народному языку, начинается изучение русских говоров.

Дальнейшее развитие сравнительного языкознания требовало создания определенных и достаточно точных методов исследования письменных источников в связи с построением сравнительной истории родственных славянских языков.

Усилиями Ф. И. Буслаева, П. А. Лавровского, М. А. Колосова расширяется область палеографических наблюдений и использование диалектного материала. И. И. Срезневский в «Мыслях об истории русского языка» рядом с палеографией ставит и диалектологию. Но многочисленные данные из памятников и живых говоров в этих работах еще не давали возможности представить цельную картину истории звуков русского языка в его говорах.

Решительным сторонником органического слияния диалектологических наблюдений с данными письменных памятников выступил А. А. Потебня, сказав, что вся история русского языка, «основанная на свидетельствах памятников, имеет диалектологический характер и есть история русских наречий». А. А. Потебня ставил и вопросы о методах извлечения фонетических фактов из орфографического материала памят-

ников письменности. Та же задача интересовала и представителей казанской лингвистической школы, созданной усилиями И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Изучение проф. В. А. Богородицким малограмотных написаний имело немаловажное значение для разработки исторической фонетики по данным рукописей.

В конце XIX в. вопрос о методах изучения письменных памятников как источника истории языка стал предметом горячих споров в русской лингвистике. Эмпирический подход к фактам письменных памятников, представленный в работах акад. А. И. Соболевского, сопровождался одновременно и зависимостью автора от власти графических представлений при интерпретации этих фактов. Но обширный, тщательно документированный материал, собранный в исследованиях и пособиях А. И. Соболевского из важнейших древнерусских рукописей, делает его работы ценными и в настоящее время.

В отличие от А. И. Соболевского, акад. А. А. Шахматов стремился воспроизвести во всех подробностях фонетический строй говора писцов, оживить мертвые знаки буквенных обозначений, сопоставляя орфографические черты со звуковыми явлениями соответствующих народных говоров. Развивая свои мысли о методах изучения рукописей, А. А. Шахматов вначале делает слишком смелые выводы на основе показаний светских памятников, относящихся к периоду после XIV века.

Последователь А. А. Шахматова — проф. Б. М. Ляпунов почти приравнивает орфографию изучаемых памятников к фонетической транскрипции. В связи с этим Б. М. Ляпунов страстно отстаивал интенсивное изучение каждой из рукописей, взятой в отдельности. Защиту «интенсивного» метода мы найдем, например, в ответе Б. М. Ляпунова А. И. Соболевскому, который, наоборот, придавал большое значение собиранию интересных фактов и форм из разных памятников¹⁰.

Преувеличение роли «интенсивного» метода и противопоставление его методу «экстенсивному» не соответствовало взглядам самого А. А. Шахматова, который не считал возможным на основании одного лишь «интенсивного» метода строить общие выводы о хронологии и разветвлении какого-либо языкового процесса. Лишь соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов изучения рукописей может, по мнению А. А. Шахматова, в связи с данными диалектологии и истории родственных языков, обеспечить изучение исторического развития языка. Таким образом, в работах А. А. Шахматова, начиная с его «Исследования о языке новгородских грамот», мы находим решительный отказ от принципов старой палеографической школы и формулировку основных методологиче-

¹⁰ См. Б. Ляпунов. Несколько слов по поводу замечаний проф. А. И. Соболевского. «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, ноябрь, стр. 247—263.

ских вопросов, связанных с построением исторической фонетики русского языка путем отвлечения звуковых явлений от графики рукописей с помощью диалектологии¹¹.

Благодаря глубокому знанию фактов, исключительно большому «объему сознания» — этой характернейшей черты таланта А. А. Шахматова, по выражению акад. Л. В. Щербы¹², акад. А. А. Шахматов создал авторитетную лингвистическую школу, влияние которой сильно и в настоящее время.

Тесными были взаимоотношения А. А. Шахматова и Л. Л. Васильева, «который поставил задачей своей научной деятельности реабилитацию фонетической достоверности памятников, не уступающей, по его мнению, данным современной диалектологии, путем отыскания отражений в них... фонетических процессов»¹³.

Работы Л. Л. Васильева с их тонким анализом письменных источников, приводящим к интересным и глубоким выводам, оказали большое влияние на ученых, ищущих новые приемы изучения рукописей для реконструкции древних периодов истории языка.

Современные задачи построения исторической фонологии как части исторической диалектологии русского языка делают необходимым дальнейшее совершенствование методов изучения рукописей, поиски новых связей между графико-орфографическим и диалектологическим описанием письменных источников.

Поиски нового необходимо сочетать с осмыслением традиционных приемов исследования, которые дали несомненные положительные результаты, хотя часто складывались стихийно, без достаточного теоретического осознания.

Очевидно, совершенствование приемов исследования, описания и интерпретации данных письменных памятников как лингвистического источника должно идти путем конкретизации общей идеи о системности языка. Эта идея должна отразиться уже в приемах описания графики и орфографии изучаемых текстов. В настоящее время преобладает этимологическая характеристика графики и орфографии текста с типичными формулировками: «употребление буквы *e* (или *u*) на месте этимологического *ъ*», «употребление *ъ* на месте этимологического *e* (или *u*)» и т. п., что ставит в центре внимания исследователя графемы и судьбу праславянских звуков, а не ту звуковую систему, на которой базируется письменный текст. Это приво-

¹¹ Подробное изложение эволюции взглядов А. А. Шахматова найдем в статье В. В. Виноградова «Методы изучения рукописей как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях акад. А. А. Шахматова». «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1922, т. XXV, стр. 142—157.

¹² Л. В. Щерба. Методы лингвистических работ А. А. Шахматова. «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1922, т. XXV, стр. 94—99.

¹³ В. В. Виноградов. Методы изучения рукописей..., стр. 183.

дит к сближению фактов разных эпох и к разрыву фактов одной и той же эпохи; невольно складывается представление лишь о тождественных явлениях предшествующего и последующего состояний языка. Для выявления принципиальных различий в двух состояниях языка, отделенных друг от друга исторической эпохой, принцип тождества — нетождества оказывается недостаточным. С другой стороны, описание древнерусских текстов часто строится так, что система, на которой базируется текст, не соотносится с возможными системами живых говоров, а наше представление о системах современных говоров привносится уже в само описание древних текстов.

Первоначальное описание текста, когда историк языка, диалектолог является и палеографом или сотрудничает с палеографом, заканчивается установлением графем и правил графики, как они могут быть представлены для эпохи изучаемых текстов, характеризую писцов как представителей определенной школы письма.

После того, как некоторое разнообразие букв с помощью палеографического анализа сведено к определенному числу графем и установлены основные правила графики, начинается собственно лингвистическое изучение древнеписьменного текста. Лингвистическое изучение главным образом связано с установлением правил орфографии и отступлений от этих правил с последующей их фонетической интерпретацией. Считаем, что лучшим приемом описания орфографии древнерусских текстов является тот, который соответствует основному принципу древнерусской орфографии.

Как известно, ни в одну историческую эпоху этимологические написания не были основными в русской орфографии. Уже в тексте Остромирова Евангелия (1056—1057 гг.) употребляются буквы *ж* и *оу* с одинаковым звуковым значением, так как этимология [y] не обозначается; правила употребления букв *л*, *п* в древнерусских текстах также свидетельствуют о неэтимологическом древнерусском правописании.

Основным принципом древнерусской орфографии был принцип фонематический, который для этой эпохи можно определить и как морфологический, так как из-за ограниченности изолированными случаями перекрещивающегося типа позиционной мены звуков сохранялось тождество фонемного состава морфем при формо- и словообразовании.

Поэтому описание орфографии древнерусского памятника следует дать как перечень встретившихся в рукописи возможных орфограмм для одних и тех же морфем: корневых, аффиксальных и флективных. Например, корневая морфема /с'ѣн~/ может иметь для своего обозначения в письменных текстах орфограммы: *сѣн-*, *сен-*, *син-*; флексия дательного падежа единственного числа у слов женского рода с основой на мягкий согласный — орфограммы: *ѣ*, *е*, *и* и т. д. Под орфограммой по-

нимается обозначение на письме морфемы с помощью определенного набора графем. Представляется, что такой прием описания орфографических фактов, для которых мы предполагаем фонетическое содержание, позволяет посмотреть на них как на звенья одной системы, как на текст, который соотносится с фонологической системой определенной исторической эпохи.

Еще важнее применить общую идею о системности языка при фонетической интерпретации орфографических данных.

Орфография как факт языка письменного, в любую историческую эпоху не может отразить непосредственно все богатство фонетических форм живой речи. Но в то же время графика и орфография письменных памятников — единственный путь к данным живого языка. В начале этого пути исследователь должен отделить факты чисто графико-орфографические от таких, которые могут получить фонетическую характеристику. Для этого исследователь должен знать и постоянно учитывать историю самой орфографии, считаться с наличием орфографических школ, с возможностью влияния других культурных центров на орфографические приемы писцов. В отдельных случаях эти задачи решены однозначно: объяснение написаний типа *моа*, *първаа...*, разграничение в употреблении букв *ѡ*, *ѡ*, *ѡ* и *ѡ* в грамотах XIV—XV вв. и др.

Но есть и такие явления, которые до сих пор получают весьма различное, порой исключаящее друг друга объяснение.

Так, употребление буквы *оу* под ударением, а буквы *у* без ударения, разграничение *ѡ* и *ѡ* под ударением и замена буквы *ѡ* буквой *ѡ* без ударения в Уложении 1649 года проф. П. Я. Черных относят к фактам письменной речи¹⁴. В. В. Колесов в сходной орфографии первой части Академического списка XVI в. IV Новгородской летописи («безударный *у* последовательно изображается буквой *у*, ударный *у* — буквой *оу*, безударный *и* изображается буквой *и*, ударный — буквой *і*, *о* безударное передается буквой *о*, ударное — буквой *ѡ*, буквами *ѡ* и *ѡ* соответственно ударный и безударный *ѡ*») видит отражение фонетического различия по длительности ударных и безударных гласных¹⁵.

Написания *ѡрѡ*, *ѡлѡ*, *ѡръ* не только в закрытых, но и в открытых слогах в русских письменных памятниках XI—XIII вв. до сих пор имеют весьма различное объяснение. А. А. Потебня предполагал для этих написаний историко-диалектологическое объяснение, считая, что они обозначают свойственное северновеликорусским говорам второе полногласие.

¹⁴ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., Изд-во АН СССР, 1953.

¹⁵ В. В. Колесов. О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье. «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 70.

И. В. Ягич (как и Шмидт, М. А. Колосов) «признает в написаниях *ѡрѡ*, *ѡръ*, *ѡлѡ* искусственную комбинацию русского произношения с церковнославянским правописанием»¹⁶. К объяснению И. В. Ягича и М. А. Колосова А. А. Шахматов прибавляет соображение о возможности отражения книжного, искусственного произношения. «Доказательством того, что действительно в церковном чтении и пении произносились «полногласные» формы и там, где живой язык их не знал, служат наши древнейшие стихирари, снабжающие крюковыми знаками оба глухие в словах, как *ѡлѡсви*, *пърѡсть...*»¹⁷. В новой книге по истории русского языка П. С. Кузнецов приводит все три мнения, считает достоверным мнение И. В. Ягича, но допускает и объяснение А. А. Шахматова¹⁸.

Для характеристики современного состояния методов фонетической интерпретации фактов письменности весьма примечательна история изучения употребления букв *ѡ* и *ѡ* в русских текстах XV—XVII вв.

Обзор выводов о произношении *ѡ* в московском говоре XV—XVIII вв. дал в 1923 году акад. В. В. Виноградов¹⁹, а через тридцать лет — в 1953 году — проф. П. Я. Черных²⁰. За это время увеличилось число вариантов ранее известных выводов, но противоположность предложенных решений сохранилась.

Как известно, в 1905 году Л. Л. Васильев в результате изучения 142 московских грамот (с 1520 по 1625 год) установил, что замены буквы *ѡ* буквой *ѡ* в этой группе памятников имеют закономерность: эта замена наблюдается лишь в безударных слогах. Статья Л. Л. Васильева заканчивалась вопросом: «С чем же мы имеем дело, с искусственной ли орфографией московских дьяков или орфографией, основанной на фонетическом явлении?»²¹. В работе 1910 года²² Л. Л. Васильев дал ответ на поставленный вопрос: он видел зависимость различия между *ѡ* и *ѡ* от качества предшествующего согласного и оставил открытым вопрос о качественном различии самих гласных, обозначенных буквами *ѡ* и *ѡ*.

¹⁶ А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. СПб., 1903, стр. 36.

¹⁷ Там же, стр. 37.

¹⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 56—57.

¹⁹ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, вып. 1. Пг., 1923, гл. V.

²⁰ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года, стр. 209—215.

²¹ Л. Л. Васильев. К истории звука *ѡ* в московском говоре в XIV—XVII вв. «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1905, т. 10, кн. 2.

²² Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѡ* сравнительно с буквой *ѡ* в памятниках XVII в. «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1910, т. 15, кн. 3.

Акад. А. А. Шахматов также дал фонетическое и историко-диалектологическое объяснение этим фактам: он предложил рассматривать *ѣ* под ударением в московском говоре как севернорусское по происхождению, которое «перешло в слогах неударяемых в *e*, а под ударением сохранялось в виде *ѣѣ* или *іѣ*»²³.

В. В. Виноградов, в основном соглашаясь с мнением А. А. Шахматова, считает, что дифтонгическое произношение *ѣ* в Москве XVI—XVII вв. было чертой диалекта «высших классов» и связывает вытеснение звука [ѣ] звуком [e] под ударением с общим процессом демократизации русского литературного языка. Фонетическая и диалектологическая трактовка описанной орфографии дается во многих последующих работах. Заслуживает внимания исследование В. В. Иванова об истории волоколамских говоров XV—XVIII вв.²⁴ Тщательно исследовав большой рукописный материал XV—XVIII вв., В. В. Иванов пришел к правильному выводу о том, что уже в XVI веке, во всяком случае в середине XVI в., особая фонема /ѣ/, обозначаемая буквой *ѣ*, в системе волоколамских говоров утратилась.

Но автор не мог не считаться с единодушным мнением исследователей, что фонема /ѣ/ в московском говоре сохранялась в положении под ударением до XVIII в.

В результате он относит завершение процесса утраты особой фонемы /ѣ/ в волоколамских говорах к концу XVII в., хотя и подчеркивает, что уже в конце XVI в. эта фонема в данных говорах была неполноценной. Более раннюю утрату фонемы /ѣ/ в волоколамских говорах в сравнении с московским В. В. Иванов объясняет более интенсивным влиянием южновеликорусских диалектов на волоколамские говоры.

Проф. П. Я. Черных, примыкая к А. И. Соболевскому, склонен толковать эти данные, «как явление не устной, а письменной речи»²⁵. Ссылаясь на частую замену буквы *ѣ* буквой *e* под ударением в частных грамотах и письмах московских людей, П. Я. Черных приходит к выводу, что «москвичи произносили *ѣ* как *e*»²⁶.

Фонетико-диалектологическую интерпретацию правописания букв *ѣ* и *e* дает С. И. Котков²⁷. Рукописные южновеликорусские памятники XVI—XVII вв., исследованные автором, «свидетельствуют о довольно последовательном написа-

²³ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, изд. 2. СПб., 1911—1912.

²⁴ В. В. Иванов. Из истории волоколамских говоров XV—XVIII вв. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1960, т. XIX, стр. 203—287.

²⁵ П. Я. Черных. Ук. соч., стр. 215.

²⁶ Там же.

²⁷ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., Изд-во АН СССР, 1963.

нии *ѣ* под ударением и *e* на месте *ѣ* в безударном положении».

В сходстве орфографии южновеликорусских текстов с орфографией московских документов С. И. Котков видит дополнительное подтверждение фонетического основания той или иной реализации на письме «гласного» *ѣ*. «Сравнение данных из памятников и соответствующих говоров склоняет к предположению, что в XVII столетии коренная южновеликорусская область имела *ѣ* преимущественно дифтонгического образования»²⁸. Соглашаясь с А. А. Шахматовым в фонетической трактовке написаний *ѣ* и *e* в московских текстах, С. И. Котков не принимает определение данной черты как северновеликорусской в составе московского говора XVI в. «Это *ѣ* генетически не северновеликорусское или южновеликорусское, а в известной мере, можно сказать, общевеликорусское»²⁹.

Таким образом, обсуждение вопроса, поставленного Л. Л. Васильевым в 1905 году, не привело еще к единодушному мнению исследователей, нужны новые соображения, чтобы тот или иной вывод сделать более убедительным.

Основным недостатком историко-диалектологического объяснения является то, что для подтверждения фонетико-диалектной основы орфографической нормы ссылаются на существование особой фонемы /ѣ/или /іѣ/ как на изолированное явление, вне характеристики всей системы, в которой функционирует данная фонема /ѣ/, противопоставленная /e/. Нет характеристики и реконструированной фонемы /ѣ/ или /іѣ/, так как не определяются ее ДП. С. И. Котков связывает свой вывод с говорами, различающими предударные гласные в зависимости от происхождения ударного [e], т. е. с фактами типа [т'ал'ѣга], но [д'ир'ѣвн'а]. Но этой ссылки недостаточно для утверждения, что во всех говорах исконной южновеликорусской территории в XVII в. была особая фонема типа /іѣ/. Известно, что современные говоры, восходящие к исконным южновеликорусским, характеризуются и диссимиллятивным яканьем суджанского типа, и ассимилятивно-диссимиллятивным кидусовского типа, и умеренным яканьем, и некоторыми другими типами, которые не позволяют непосредственно сказать, что вплоть до XVII в. эти говоры сохраняли под ударением противопоставление /ѣ/—/e/.

Как это будет подробно прослежено в главе III, представление о характере системы вокализма диалектов ростово-суздальского типа в XIV—XV вв., к которым относился и древнемосковский говор, и о тенденциях ее дальнейшего раз-

²⁸ С. И. Котков. Ук. соч., стр. 49.

²⁹ С. И. Котков. Там же, стр. 52.

вития не позволяет сделать вывод о наличии особой фонемы /ê/ или /ie/ как единице фонологической системы московского говора XVI—XVII вв.³⁰

Очевидно, для правильного освещения этих орфографических фактов необходимо учитывать и возможность книжного произношения. Есть основания считать, что не только в древнерусскую эпоху наряду с живым диалектным произношением было искусственное книжное произношение, но и в эпоху развития языка великорусской народности (XIV—XVII вв.) в новых русских культурных центрах на северо-востоке, во Владимире, а затем в Москве, также имело место произношение книжное.

Церковно-книжное произношение в отличие от живого языка не имело системного характера, а характеризовалось наличием ряда норм. Можно думать, что во Владимир как новый культурный центр Руси церковно-книжное произношение вместе с другими культурными традициями было перенесено из Киева. Среди полученных по традиции норм было и произношение буквы *ѣ* как [e] в составе книжной лексики и книжных форм слов. Написание *е* вместо *ѣ* в формах типа: *ис монастырские земли* характеризует и ростово-суздальские акты.

Но в новых культурных центрах (Владимир, Москва) развиваются и новые нормы. Различение /ê/, /e/ под ударением, утратившись в диалектной системе многих говоров, могло закрепиться с XVI века в качестве произносительной нормы. Эта норма существовала, очевидно, наряду с отсутствием результатов изменения [e] в [o], тоже свойственного церковно-книжному произношению.

Нормами церковно-книжного произношения владели люди, прошедшие школу письма и чтения. Новые данные подтвердили и ранее известные сведения о том, что обучение в школах того времени проходило по богослужебным книгам. Первоначальное обучение производилось по Азбуке. За Азбукою шла Псалтырь. Затем переходили к Апостолу, далее следовало Евангелие³¹.

«Что обучение письму в Новгороде происходило посредством церковнославянской азбуки и церковных книг, — это ярко демонстрируют найденные А. В. Арциховским 13 и 14 июля 1956 г. «берестяные грамоты мальчика Онфима»³².

³⁰ Не считаю достаточно обоснованной и фонетическую интерпретацию орфографии одного из новгородских памятников XVI века в статье В. В. Колесова (см. ссылку 15 Введения). Такая орфография новгородского памятника XVI в. может быть связана с влиянием московской орфографической школы.

³¹ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1901, стр. 11.

³² В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 24, прим. 43.

Нормами книжного произношения писцы владели в разной степени, что зависело от степени грамотности, начитанности писца. Проведение книжной нормы произношения в орфографии зависело и от жанра памятника, от его назначения.

Поэтому в разных текстах мы обнаружим различное соотношение народной и книжной струи и в области произношения.

Отнеся различие *ѣ* и *е* в московских текстах XVI—XVII вв. к явлениям языка письменного (литературного), мы не считаем эти факты лишь чертой историко-орфографической и не можем поставить их в один ряд с такими орфографическими явлениями, как употребление букв *ou* и *у* в Уложении 1649 года. Правило разграничения *ou* и *у* относится всецело к графике.

Орфографические правила употребления букв *ѣ* и *е* в текстах XVI—XVII вв. московского происхождения имели и историко-фонетическое содержание, но оно относится не к исторической диалектологии, не к проблемам развития русской фонологической системы, а к истории русского письменного (литературного) языка, к проблеме возникновения и истории его норм в области произношения.

Что касается такой же орфографии в южновеликорусских текстах XVII в., то решить вопрос, в каких случаях это диалектное явление, а в каких — использование нормы московского письменного языка, можно, лишь соотнеся данные письменности с представлениями исследователя о состоянии системы изучаемого диалекта в разные исторические эпохи и о возможных путях ее развития.

Приступая к построению исторической фонетики по данным письменных памятников, весьма полезно заранее представить, какие фонетические явления способны отразиться в орфографии, а какие явления принципиально не могут найти обозначение в ней. Наблюдения над орфографическими ошибками писцов прошлых эпох и над ошибками современников показывают, что комбинаторное варьирование звуков до известных пределов безразлично для носителей языка, так как не мешает языковому общению. Речевой слух говорящих и слушающих, как правило, обращает внимание на те позиционные изменения, которые затрагивают и парадигматические отношения противопоставления, т. е. связаны с различительной функцией фонемы. Поэтому позиционная мена звуков перекрещивающегося типа широко отражается в орфографии. При различении звуков [a] и [o] под ударением и их неразличении в безударном положении, т. е. при произношении [вѣды], [трáвы], но [вΛдá], [трΛvá] мы можем найти написания типа: *вода, трава, вада, трова*, при постоянном *вѣды, трáвы*. На основании таких написаний мы вправе сделать фонетический вывод о том, что звуки, обозначаемые буквами *а* и *о*, разли-

чаются под ударением и не различаются, совпадают в безударном положении.

Конкретный вид неразличения звуков, обозначаемых буквами *a* и *o*, в безударном положении нельзя вывести из анализа орфограмм типа *вада, вода, трава, трова*.

Лишь соотнеся письменные факты с фонетикой современных говоров, мы делаем вывод об «аканье». Современные говоры подсказывают нам, что написания типа *вада* являются прямым отражением аканья, а написания типа *трова* — косвенным указанием на него. Позиционная мена перекрещивающегося типа позволяет судить и о качестве звуков, связанных этой меной.

Так, по написанию типа *д̄руга, друк, лука, лук, корова, короф, дрофа, дроф* мы можем определить не только наличие мены *g//k, v//f*, но и взрывной характер заднеязычного звонкого согласного и губно-зубное образование звука [в] в говоре писца, отразившемся на письме.

Позиционная мена параллельного типа, как правило, неспособна проявиться в орфографии.

Поэтому утверждения некоторых авторов о том, что последовательное написание буквы *ю* после букв для смягченных шипящих звуков при параллельном написании буквы *a*, а не буквы *я* в памятниках старославянской письменности (т. е. *шю, жю, чю* при *ша, жа, ча*) свидетельствует об изменении гласного заднего ряда [y] в гласный переднего образования [ý] и что, следовательно, написания типа *шю, жю, чю* передают слоги [ш'ý], [ж'ý], [ч'ý], не может быть обосновано только фактами письменности, так как слоги типа [ш'у], [ж'у], [ч'у] будут также передаваться буквами *шю, жю, чю*, если писец будет обозначать мягкость шипящих.

Вывод о позиционном продвижении в более переднюю зону образования гласного [ý] после смягченных шипящих может быть построен как логический на основании обобщения соответствующего материала фонетики современных славянских языков.

В отдельных случаях, когда характер внутриморфемной позиционной мены параллельного типа в словоформе совпадает с такой же позиционной меной на стыке служебного и знаменательного слова в пределах одного фонетического слова, на стыке приставки и корня в пределах словоформы, такая позиционная мена может найти орфографическое отражение. Примером может служить позиционная мена звуков [и] и [ы] в русском языке. Отношения типа [д'има], [дыма], т. е. звук [и] постоянно после мягкого согласного, звук [ы] — после твердого согласного — в отдельных словоформах совпадают с меной [и] на [ы] на стыке предлога, приставки на твердый согласный и самостоятельного слова или корня с начальным гласным [и], т. е. будет [иван] — [с-ываном], [играт'] — [сыграт'], [с'има],

[сына]. И в памятниках мы найдем написания типа: *иной, в-ыную*.

В связи с тем, что среди фонетических явлений есть всегда такие, которые не могут найти орфографическое выражение, и такие, которые принципиально могут быть обозначены орфограммами, возникает вопрос, можно ли, а если можно, то как реконструировать факты первого рода?

Такая реконструкция возможна, если мы начнем сопоставлять данные письменности и явления живых диалектов не как изолированные факты, а как звенья системы, закономерно связанные между собой. Так, известно, что позиционная мена звуков [и], [ы] отражается в русской письменности, начиная с XIV века. Одновременно мы можем утверждать, что все русские говоры, знающие мену *и//ы*, обязательно имеют мену типа *a//a//ä//ä, o//o//ö//ö, y//y//ý//ý*, мену, которая принципиально не может отразиться в орфографии. Поскольку мена *и//ы* и мена *ä//a, ö//o, ý//y* обязательные звенья одной и той же системы, мы вправе считать, что если для системы русского языка XIV века мы можем восстановить мену *и//ы* по данным письменных текстов, то мы можем для этой системы восстановить и мену *ä//a, ö//o, ý//y*, хотя она и не нашла отражения в изученных памятниках письменности.

Несомненно, число и достоверность таких реконструкций зависит от изученности частных фонетических систем диалектного языка, историю которого мы изучаем, от развертывания типологических исследований.

Ссылки на систему диалектов в целом, а не только на отдельные ее звенья, нужны и при объяснении замены одной буквы другой в орфограммах при обозначении на письме одной и той же морфемы.

Орфограммы письменных памятников — не транскрипция писцами отдельных слов. Если опираться не только на происхождение (этимологию) отдельных звуков и их последующую судьбу (хотя эти сведения об исходных и конечных ступенях в эволюции звуков необходимы, полезны и важны), но и соотнести орфографические факты с нашим представлением о возможной звуковой системе в целом, то можно дать и иное объяснение тем же фактам.

Если бы мы не знали современных русских аканьющих говоров, то написания типа *вада, вода, трава, трова* могли нам лишь подсказать, что при звуковой реализации фонемы /o/, /a/ имели общую разновидность. Но только опираясь на знание систем русского безударного вокализма, мы утверждаем, что написание *вада* — прямое отражение аканья, а написание *трова* — результат сложных отношений между буквой и звуками у писцов и является косвенным указанием на аканье.

Точно так же в написаниях типа *озеро, озѣро, села, сѣла, сѣль, селѣ, сѣно* и подобных нельзя видеть непосредственного

отражения произношения или утраты одной из фонем; такое употребление букв прежде всего свидетельствует лишь о том, что в фонетической системе, лежащей в основе письменного текста, возникла такая позиционная мена звуков, при которой в определенных позициях противопоставление фонем /ê/—/e/ нейтрализуется. В результате у писцов складываются новые связи между звуками и буквами, которые отличаются от традиционных правил орфографии.

Чем больше таких позиций нейтрализации, чем чаще совпадение фонем, тем прочнее связи двух букв с одной и той же звуковой единицей и больше оснований для употребления этих букв в одних и тех же орфограммах.

Тщательное изучение всех орфограмм с буквами *e* и *ѡ* с учетом морфологической, слоговой и фонетической структуры слова позволит установить позиции противопоставления звуковых единиц, обозначенных буквами *ѡ*, *e*, и позиции, где противопоставление не сохраняется.

Окончательному выводу помогает знание систем русских говоров.

При построении исторической фонологии следует разграничивать не только правила графики и правила орфографии, но и установление самих фактов орфографии и их фонетическую интерпретацию как в аспекте речевого потока, так и в аспекте системы.

Иллюстрацией данного утверждения может служить правописание буквы *e* и буквы *o* после букв для шипящих *ш*, *ж*, *ч* и свистящей *ц*.

Сопоставление фактов письменных текстов разных эпох с изолированными явлениями живых говоров, исторически связанных с этими текстами, позволяет установить графемы и их разновидности.

Так, встретив в древнем тексте написание типа *жона* и поставив его в связь с известным в русских говорах произношением [жона], можно прийти к выводу, что данное написание в древнем тексте передает сочетание звука [ж] и лабиализованного гласного [o]. В этом случае и написание *жена* мы будем понимать как обозначение начального сочетания [ж'о], а буквы *o*, *e* после шипящих перед буквами твердых согласных считать аллографами (разновидностями) одной и той же графемы.

Отдельные случаи употребления буквы *o* после буквы для шипящих и *ц* обнаружены в достаточно ранних древнерусских текстах разного происхождения: в Сборнике Святослава 1073 года: *чоловъка* 179; в Слове Ипполита об антихристе XII в.: *съкажомъ* 22, *блажонъ* 99, *мужомъ* 21, *бывъшомъ* 24, *звъздочтьцомъ* 5 и др.³³

³³ Список примеров из древнейших текстов дан в книге А. И. Соболевского «Лекции по истории русского языка», изд. 4. М., 1907, стр. 59—67.

Такое употребление буквы *o* после букв для шипящих и *ц* довольно часто в ростово-суздальских праматах XIV—XV вв., привлеченных для исследования (см. главу III). Таким образом, при изучении текстов разного времени и разной территории могут быть установлены одни и те же орфографические факты: в данном случае употребление буквы *o* наряду с буквой *e* в одних и тех же орфограммах после букв для шипящих и *ц*. Очевидно, этим орфографическим фактам можно дать одинаковую фонетическую интерпретацию, если иметь в виду реконструкцию фонетического текста, т. е. одинаково интерпретировать факты в аспекте речевого потока. Аргумент можно сказать, что и в древнерусской речи звуки подвергались различным комбинаторным изменениям, среди которых были изменения, безразличные для системы языка. Таким комбинаторным изменением, несущественным для системы, могла быть и лабиализация [e] перед твердым согласным после шипящих.

Это фонетическое изменение могло в отдельных случаях отразиться в орфографии писцов, более внимательных к звуковой стороне текста. Если согласиться с Д. С. Лихачевым в том, что в работе древнерусских писцов имел место «внутренний диктант», проговаривание переписываемого текста, то такое предположение вполне возможно³⁴.

Итак, до тех пор, пока мы установленный орфографический факт интерпретируем в плане фонетического текста, мы отождествляем древнерусские факты XI—XII вв. разных территорий и ростово-суздальские факты XIV—XV вв.

Но интерпретация этих же фактов в аспекте системы будет принципиально различаться для древнерусского языка XI—XII вв. и для ростово-суздальского или древненовгородского диалекта XIV—XV вв. Наше общее представление о фонологической системе древнерусского языка XI—XII века не позволяет нам предположить фонетическое изменение [e] в [o] перед твердыми согласными после парных мягких согласных и установление новых фонологических отношений между [e] и [o] (см. об этом в главе I).

Понимание ростово-суздальской фонологической системы приводит нас к возможности интерпретировать орфограммы с буквами *o* и *e* после шипящих и *ц* и в плане системы, видеть в этой орфографии отражение новых отношений между [e]—[o], превращение их в разные фонемы /e/—/o/ после парных мягких согласных с ДП: «нелабиализованность — лабиализованность». Отсутствие *o* после букв для парных мягких согласных объясняется ограничениями, накладываемыми самой орфографией — отсутствием специальной графемы для обозначения гласного [o] и мягкости предшествующего согласного.

³⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

Внешним проявлением именно такой системы является достаточно большое число орфограмм с буквами *o*, *e* после шипящих, их разнообразие: они обозначают разные морфемы — корневые, аффиксальные, флексивные — морфемы разной фонетической структуры (см. гл. III).

Метод изучения материала письменных памятников тесно связан с задачами лингвистического исследования (язык одного текста, изучение истории письменного языка разных типов, изучение истории системы языка без учета его территориального распространения, изучение истории системы языка с учетом как фактора времени, так и территории и т. д.).

Простое соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов, а также сопоставление с отдельными фактами современного живого диалектного языка еще не приводит само по себе к определению системы языка, отразившейся в памятнике, еще не открывает действительного исторического движения звуков и форм языка: исследование может сводиться к перечислению фактов, носить фактографический характер³⁵.

Каждый письменный памятник содержит по крайней мере два ряда фактов. С одной стороны, сохраняет в написаниях уже отжившие элементы фонетической и грамматической системы, звуки и формы, давно исчезнувшие из языка, но продолжающие сохраняться в письменном обозначении по традиции вследствие преемственности между различными эпохами существования книжного языка в любой его разновидности, в том числе и в деловой письменности. С другой стороны, в каждом памятнике письменности имеются факты, в той или иной мере отражающие звуки и формы живого языка своего времени, среди которых могут быть как черты общенародного языка, так и диалектов.

Среди этих последних фактов также следует разграничивать явления, относящиеся к разным эпохам, звуки и формы, унаследованные системой данной исторической эпохи от предшествующих эпох, и наиболее актуальные черты системы, складывающиеся именно в данную историческую эпоху.

Жанр письменного памятника и связанный с ним тип письменного языка небезразличен для исследователя. Так, деловая письменность, различного рода акты имеют орфографию более свободную от церковно-письменной традиции канонических текстов. Орфография деловой письменности при отсутствии установившихся единых орфографических норм может лучше отражать областные тенденции и, следовательно, способна на письме отразить местные особенности речи.

Канонические церковные тексты могут также отразить факты живого языка, но для их извлечения требуется более

³⁵ См. об этом рецензию К. В. Горшковой на работу Х. Станга «La langue du livre. «Учение и хитрость ратного строения...» (Oslo, 1952). «Вопросы языкознания», 1954, № 2, стр. 134—141.

сложная работа, так как традиция, влияние других культурных центров, влияние орфографии оригинала всегда сложно переплетается в орфографии такого рода памятников. Но церковно-славянские тексты, тексты летописи имеют богатую и разнообразную лексику, лексика же грамот ограничена. Лексический состав памятника важен и при построении исторической фонетики. Поэтому для исследования по исторической фонетике важно привлекать данные письменных памятников разных жанров.

§ 4. Характеристика письменных текстов — материала исследования

А. Памятники ростово-суздальского происхождения

1. Изучены 174 грамоты из архивов Кириллова Белозерского монастыря, Ферапонтова монастыря и Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря по изданию: «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси» (т. II, М., Изд-во АН СССР, 1958). В данном издании все тексты до 1505 года (подлинники и копии) воспроизводятся с возможно точной передачей графики и орфографии рукописных текстов, для чего введены в современный алфавит древнерусские буквы: *ѡ*, *ѣ*, *ѥ*, *ѧ*, *Ѩ*, *ѩ*, *Ѫ*, *ѫ*, *Ѭ*, *ѭ*, *Ѯ*, *ѯ*, *Ѱ*, *ѱ*, *Ѳ*, *ѳ*, *Ѵ*, *ѵ*, отмечаются курсивом выносные надстрочные буквы, а буквы, восстановленные в словах при раскрытии титл, заключаются в круглые скобки; кинноварные, крупные инициальные и жирные заглавные буквы рукописи отмечаются жирными буквами, отмечает-ся конец строки.

Подлинники акты Кириллова Белозерского монастыря и их отдельные древние копии от 1380 года до 1505 года сохранились в значительном числе — до 130 актов. Архив Ферапонтова монастыря за XV век не сохранился. По другим архивам и публикациям собрано для настоящего издания около 20 актов, из них до 1505 года — 16. Архив Спасо-Евфимьева монастыря беден актовым материалом за первую половину XV века, всего оказалось в издании 63 акта, из них подлинных актов до 1505 года — 24, древних списков до 1505 года — 7. Нумерация актов, привлеченных к исследованию, дается по данному изданию. Акты из архива Кириллова Белозерского монастыря за 1380—1505 гг.: № 1, 8, 32, 46, 47, 51, 53, 54, 63, 68, 69, 70, 72, 73, 84, 90, 97—99, 101, 102, 104, 106—113, 115—119, 121—123, 152, 155, 156, 158—162, 165, 167—172, 174—178, 180—185, 188—190, 192—198, 201—210, 232—238, 249, 250, 252, 253, 255, 257, 258, 261, 263, 266, 268, 270, 271, 273, 277—281, 283—291, 294, 297—299, 302—304, 306—309.

Акты Ферапонтова монастыря за 1437—1505 гг.: № 322—331, 333—338.

Акты из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря за 1417—1505 гг.: № 434, 436, 440—442, 444, 446, 450, 453, 455, 462—464, 467, 467а, 470—472, 474, 476, 481, 484, 487, 490, 491, 495, 496.

По своему содержанию изученные акты являются грамотами разных видов: данными, купчими, меновными, духовными, отводными, разделными и другими деловыми документами. Многие акты содержат замечательные образцы русской народной речи XIV—XV вв.

Все перечисленные письменные тексты характеризуются единой графической системой. Графическая система — это совокупность правил графики. Под правилами графики понимаем правила употребления букв сходного или тождественного начертания для обозначения определенных звуков как разновидностей фонем. Основной единицей графики является графема. Графема — это буква или несколько букв, соотношенных с одной и той же звуковой единицей или сочетанием звуковых единиц. Эти буквы могут быть сходного или различного рисунка. Буквы, объединенные в одной графеме, можно определить как аллографы одной графемы.

Изученные тексты характеризуются следующими правилами графики:

Если в грамотах используются две буквы: **ѡ** и **Ѡ**, то буква **ѡ** пишется после букв для гласных, после букв **ѡ**, **ѣ** и в начале слова: *ѡзѣ, моѡ, братьѡ*, а буква **Ѡ** — после букв для согласных: *мѠть, зѠть*. В этом случае буква **Ѡ** обозначает гласный [а] и мягкость предшествующего согласного, а буква **ѡ** — сочетание [ја].

Многие грамоты знают лишь одну из этих букв: **ѡ** или **Ѡ**, чаще **Ѡ**. В таких грамотах одна буква **ѡ** или **Ѡ** обозначает как сочетание [ја], так и гласный [а] после мягкого согласного.

В ряде грамот буквы **Ѡ** и **ѡ** употребляются без разграничения. Следовательно, если иметь в виду все тексты, то буквы **ѡ**, **Ѡ** можно рассматривать как аллографы одной графемы. Поэтому при записи примеров из грамот в тексте исследования эта графема передается современной буквой *я*. Если под графемой понимать буквенную единицу, соотношенную с одной звуковой единицей, то в данном случае следует признать явление омонимии в графике и графемы //я//, соотношенные с [а] после мягкого согласного и с [ја], считать омографами.

Во всех грамотах есть буква **ѣ**, которая относится к особой графеме //ѣ//. Согласно правилам графики эта графема соотносится с особой звуковой единицей.

Правописание буквы **ѣ** при обозначении на письме отдельных морфем в соответствии с орфографией, а также отступления от принятой орфографии под влиянием живого языка рассматриваются в главе III. При передаче этой графемы в

древнерусских примерах в тексте работы используется буква **ѣ**.

Если грамоты имеют две буквы: *е* и *ѣ*, то буква *е* пишется после букв для согласных: *се, ѡеуменѣ*, а буква *ѣ* после букв для гласных, букв **ѡ**, **ѣ** и в начале слова: *ѣ смѣ, д(у)ш(ѣ)анов*. В таком же употреблении вместо буквы *ѣ* может писаться буква **ѣ**.

Буква *е* обозначает гласный [е] и мягкость предшествующего согласного, буква *ѣ* или буква **ѣ** — сочетание [је]. Но в ряде грамот употребляется лишь буква *е* в обоих звуковых соотношениях: для обозначения [е] после мягкого согласного и для обозначения [је]. Поэтому можно считать, что в графической системе ростово-суздальских текстов буквы *е*, *ѣ*, **ѣ** были аллографами графемы //е//. Как и в случае с //я// можно говорить об омографах //е//. Полного параллелизма в употреблении букв **ѡ**, **Ѡ** и *е*, **ѣ** и *ѣ* в грамотах нет.

В тексте работы графему //е// передаем буквой *е*.

Буквы *и*, *ї* были аллографами одной графемы, которая соотносилась с тремя звуковыми единицами: гласной [и] после мягких согласных, сочетанием [ју] и звуком [ј] после гласных. Определенных правил употребления каждой из букв не было. Передаем эту графему буквой *и*. Здесь также можно говорить о явлении омографии.

Буква **ѡ** в очень редких случаях являлась аллографом графемы //е//: *зѡмѡми, семѡнѣ*. Обычно она не соотносится со звуковой единицей, употребляется по традиции или обозначает мягкость согласного. Передаем ее современной буквой *ѡ*.

Буква **ѣ** не была соотношена с какой-либо звуковой единицей. Употребление буквы определялось письменной традицией. Передаем современной буквой **ѣ**.

Буквы *оу*, *у*, **ѣ**, редко **ѡ** не имеют четкого разграничения в употреблении: ср. *дѣховнѣю, мѣжа, Трифонѣ, Наѣмовѣ, ѣреки; сухого, дубровы, послуѣи; оуспен(ѡ)ѣ*; лишь в отдельных грамотах принято писать *оу* в начале слова и слога, а **ѣ** после буквы для согласного, однако это правило не выдерживается на протяжении всего текста.

Есть основание считать буквы *оу*, *у*, **ѣ** аллографами одной графемы //у//, которая соотносилась с гласной /у/. Передаем ее современной буквой *у*.

Из двух букв: *о* и **ѡ**, как правило, буква **ѡ** употребляется для обозначения [о] в начальном сочетании [от]: **ѡ**, но иногда может употребляться и для обозначения гласного [о] после согласного: *зѡдѡу на гѡдѡ*.

Эти буквы были аллографами одной графемы //о//, которая соотносилась с гласной /о/, а в отдельных морфемах и с /ѡ/. В работе передается современной буквой *о*.

Буквы *ѣ* и *ѥ* относились к одной графеме, которая соотносилась с согласной /ф/, передаем ее буквой *ф*.

Остальные буквы как аллографы тех или иных графем употреблялись по правилам графики, которые не отличаются от правил графики современного русского письменного языка и не нуждаются в особых замечаниях (см. употребление букв: а, б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, х, ц, ч, ш, ы, щ, ю).

2. Московские грамоты XIV—XV вв. изучены по изданию «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950). Нумерация грамот дана по изданию. Грамоты XIV в.: №: 1—13, грамоты XV в.: № 15—56. Взяты лишь подлинники грамот, при издании которых достаточно переданы графические и орфографические особенности рукописей. Графическая система московских грамот XIV—XV вв. соответствует охарактеризованной выше графической системе ростово-суздальских текстов XIV—XV вв.

3. Материал Переяславского Евангелия 1354 года Московской Синодальной библиотеки № 67 дан по исследованию П. С. Кузнецова «К исторической фонетике ростово-суздальских говоров» (Доклады и сообщения Ин-та русск. яз. АН СССР, М.—Л., 1948, вып. 2).

Примеры приводятся так, как они даны в тексте исследования.

4. Материал рукописи Московского Евангелия 1358 года дан по исследованию О. А. Князевской «К истории русского языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.)» (Тр. Ин-та языкознания АН СССР, М., 1957, т. 8). Примеры приводятся в том виде, в каком они даны в исследовании.

Описание графики рукописи показывает, что графическая система рукописи Московского Евангелия 1358 года не отличалась от графической системы деловой письменности ростово-суздальского происхождения. Некоторые правила лишь проведены более последовательно.

5. Материал рукописи Галичского Евангелия 1357 года дан по исследованию Л. П. Жуковской «Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV века. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского Евангелия 1357 г.)» (Тр. Ин-та языкознания АН СССР, М., 1957, т. 8). Примеры даны в том виде, как они приводятся в исследовании.

Б. Памятники новгородского происхождения

1. Изучены тексты новгородских грамот XIV—XV вв. по изданию А. А. Шахматова, которые даны как приложение к исследованию «О языке новгородских грамот XIII и XIV ве-

ка» (в кн. «Исследования по русск. яз.», т. I. СПб., 1885—1895). Нумерация дана по исследованию А. А. Шахматова.

2. Тексты новгородских грамот XV века (подлинники), не вошедшие в издание А. А. Шахматова, изучены по изданию «Грамоты великого Новгорода и Пскова» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947). Взяты лишь те тексты XV века, при издании которых переданы основные черты графики и орфографии рукописей, как об этом можно судить, соотнося эти грамоты с изданием А. А. Шахматова и с описанием графики новгородских грамот в исследовании А. А. Шахматова. Нумерация грамот сохранена по указанному изданию.

3. Двинские грамоты XV века изучены по изданию А. А. Шахматова, которое дано как приложение к «Исследованию о двинских грамотах XV в.» (в кн.: «Исследования по русск. яз.», СПб., 1903, т. 2, вып. 3) и в работе М. Сибирцева и А. А. Шахматова «Еще несколько двинских грамот XV века» (в кн.: «Исследования по русск. яз.», СПб., 1909, т. 2, вып. 5). Нумерация сохранена по изданию А. А. Шахматова.

4. Двинские грамоты XV века, не вошедшие в издание А. А. Шахматова или М. Сибирцева и А. А. Шахматова, изучены по изданию «Грамоты великого Новгорода и Пскова» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947). Взяты те грамоты в подлинниках, при изучении которых переданы основные черты графики и орфографии рукописей, как об этом можно судить, сопоставляя с исследованием А. А. Шахматова. Сохраняется нумерация издания.

5. Новгородские грамоты на бересте по изданиям: а) А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1958; б) Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., Изд-во АН СССР, 1955; в) А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1963; г) А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 года). М., Изд-во АН СССР, 1963.

Графическая система письменных текстов новгородского происхождения в основном совпадает с графической системой ростово-суздальской письменности. Отличие касается употребления букв *ц* и *ч*, которые в новгородских текстах являются аллографами одной графемы, соотношенной с фонемой /цʰ/. Поэтому при передаче соответствующих примеров из новгородских грамот XIV—XV вв. и двинских грамот XV века в тексте работы приняты те же обозначения с помощью современных букв, что и для примеров из ростово-суздальских грамот (см. об этом выше).

В. Памятники псковского происхождения

1. Материал рукописи Псковского пролога 1383 года дан по исследованию Т. Н. Кандауровой «К истории древнепсковского диалекта XIV века. (О языке Псковского пролога 1383 года)» (Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957, т. 8).

2. В работе обобщается материал псковских памятников, известный по работе А. И. Соболевского «Очерки из истории русского языка» (ч. 1. Киев, 1884). Эта работа включает материал следующих памятников XIV—XV вв.: 1) Апостол 1307 г. (Моск. Син. биб-ка № 722), 2) Апостол 1309—1312 гг. (Моск. Син. биб-ка № 15), 3) Параклитик 1369 года (Моск. Син. биб-ка № 837), 4) Пролог 1383 года, 5) Параклитик 1386 года (Моск. Син. биб-ка № 838), 6) Типографская Псалтырь XIV в. (Моск. Типогр. биб-ка № 34), 7) Типографская Псалтырь № 35, XIV век; 8) Отрывок Евангелия XIV в. (Моск. Типогр. биб-ка № 15), 9) Лукино Евангелие 1409 года (Моск. Син. биб-ка № 71).

3. Использован материал псковских текстов по исследованию Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПб., 1909). В этом исследовании привлекается материал следующих псковских памятников XV—XVI вв.: 1) Палея 1494 года (Собр. Румянцева № 453); 2) Палея 1477 года (Моск. Син. биб-ка № 210); 3) Сборник Синодальной библиотеки № 154; 4) Погодинский список Псковской летописи (список второй половины XVI в.); 5) Псковская судная грамота (по изданию Мурзакевича, Одесса, 1868); 6) Сборник Синодальной библиотеки № 68/270 (из рукописей Чудовского монастыря); 7) Сборник Синодальной библиотеки № 53/255; 8) Сборник Софийской библиотеки № 1262.

Графическая система псковских текстов отличается большой сложностью, о чем свидетельствует научный спор А. А. Шахматова с Н. М. Каринским³⁶. Однако не все вопросы о правилах графики псковской письменности имеют отношение к данному исследованию (необходимые замечания даны в соответствующих местах работы). Примеры из псковских памятников приводятся в том виде, в каком они даны в соответствующих исследованиях.

III. МЕТОД

§ 5. Вопросы диахронической фонологии

Изучение предшествующего опыта научных исследований позволяет сказать, что до последнего времени в работах по

³⁶ См. А. А. Шахматов. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. «Журнал Министерства народного просвещения», 1912, № 7.

исторической фонетике русского языка основное внимание уделялось синтагматическому плану фонетической системы, позиционным и комбинаторным изменениям звуковых единиц. Поэтому в данной работе для решения поставленной задачи основное внимание обращено на парадигматический план системы: характеризуются звуковые противопоставления, поведение звуков в контексте системы, различительная функция звуковых единиц.

В основу исследования положена теория московской фонологической школы в том виде, как она в последнее десятилетие разрабатывается профессором Р. И. Аванесовым. Выбор исходной теории фонем определился тем, что фонологическая концепция московской школы с её последовательно функциональной точкой зрения на фонему позволяет ввести парадигматику в историческое изучение звукового строя, и в то же время эта теория располагает достаточно простыми и экономными правилами, определяющими взаимодействие парадигматики и синтагматики, т. е. позволяет, разграничивая, не отрывать фонему от звуковой материи языка, дифференциальные признаки фонем от конститутивных признаков звуков речи, что так важно для историка языка.

Применение теории фонем московской школы при построении диахронической фонологии русского языка встретилось с трудностью, связанной с недостаточной разработкой в этой концепции теории дифференциальных признаков фонем.

В работах проф. Р. И. Аванесова фонема определяется через конститутивные признаки (независимые от позиции звуковой единицы). Однако не все конститутивные признаки звуков могут быть реализациями дифференциальных признаков фонем. Кроме того, такое определение ведет к неразграничению признаков звуков речи и признаков фонем.

В работах проф. П. С. Кузнецова основой для разграничения дифференциальных и избыточных признаков фонем выдвигается принцип нейтрализации. Дифференциальные признаки — это нейтрализуемые признаки. Действительно, можно сказать, что нейтрализуемые признаки — это обязательно дифференциальные признаки. Но, очевидно, есть дифференциальные признаки, которые не подвергаются активной нейтрализации. Иначе набор ДП будет минимальным, недостаточным для определения места фонемы в системе, особенно для древнерусского языка со слабой нейтрализацией фонем.

В данном исследовании нельзя было воспользоваться и дихотомической теорией фонем Г. Фанта, М. Халле, Р. О. Якобсона с ее набором универсальных ДП. Эта теория исходит из дифференциального признака как кратчайшего элемента фонологической системы, а фонема определяется как пучок дифференциальных признаков. В исследовании же основополагающей является теория, которая исходит из фонемы

как кратчайшей звуковой единицы системы, которая определяется с помощью дифференциальных признаков, но имеет и избыточные признаки. Кроме того, имеющийся опыт применения универсальных ДП фонем при построении истории фонетических систем конкретных языков показывает, что при введении универсальных ДП описание материала лишается национально-исторической специфики. Поэтому, используя общую идею проф. Н. С. Трубецкого о противопоставлении (оппозиции) языковых единиц и принцип бинарности, применяемый при создании фонологических и грамматических теорий, автор работы определяет ДП как признак, характеризующий фонему в бинарной оппозиции при тождестве других признаков противопоставляемых единиц.

Синтагматика и парадигматика в исторической фонологии

Кратчайшей единицей фонетического членения речевого потока является звук речи во всей совокупности своих признаков: конститутивных, независимых от фонетического положения и переменных, позиционно обусловленных. Позиционная мена звуков, вызванная комбинаторными и позиционными условиями, происходит в пределах более крупных единиц фонетического членения речи: в слоге или в фонетическом слове. Отношение позиционной мены к слогу и фонетическому слову исторически меняется.

При постоянном и устойчивом слогоразделе в парадигмах формообразования и словообразования, когда слог характеризуется значительной самостоятельностью, автономностью, позиционная мена ограничивается главным образом слогом, межслоговое фонетическое взаимодействие как и явления, вызванные воздействием sandhi, почти отсутствуют³⁷.

Звуковая структура слога, вопрос о слогеделении, зависимость структуры слога от темпа речи, как и некоторые другие вопросы относятся к изучению слога как синтагматической единицы. Слог и определяется как единица речи³⁸. Многие вопросы о слоге как произносительной единице в истории языка не рассматриваются. Но в слоге как произносительной единице реализуются единицы языка. Поэтому есть вопросы структуры слога русского языка, которые относятся и к изучению фактов языка: отношение слогеделения к морфологической структуре слова, сочетаемость фонем в слоге, слоговая структура слова. Слог функционирует в пределах фонетического

³⁷ С. Б. Бернштейн. К истории слога в праславянском языке. В сб.: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1963.

³⁸ Проф. Н. И. Жинкин в статье «О кодовых переходах во внутренней речи» («Вопросы языкознания», 1964, № 6) пишет, что экспериментальное изучение речи подтверждает положение о том, что «слог — речевая единица».

слова. Фонетическое слово как единица членения речевого потока характеризуется ударением с его выделительной функцией и диэремой как позиционной единицей, сигнализирующей о слогеделении в речевом потоке³⁹.

На фонологическом уровне диэрема относится к супraseгментным единицам.

Звуковые единицы в речевом потоке характеризуются отношениями контраста⁴⁰.

Парадигматические единицы и отношения определяются наличием противопоставления тождественных единиц в системе, «члены которой мыслятся как присутствующие не в одном и том же речевом отрезке, а, в лучшем случае, в двух параллельных гипотетических отрезках»⁴¹.

Характер фонетических единиц, составляющих парадигматический план системы, зависит от типов позиционной мены. При наличии только или преимущественно параллельного типа позиционной мены кратчайшая единица фонетической системы имеет одинаковую степень различительной способности во всех позициях и одинаково функционирует в морфеме и словоформе.

В системе, покоящейся на параллельном типе позиционной мены, достаточно выделить одну кратчайшую единицу — фонему, которая способна различать как звуковую оболочку морфем, так и звуковую оболочку словоформ.

При наличии двух типов позиционной мены: параллельной и перекрещивающейся, кратчайшая единица в одних позициях обладает максимальной различительной способностью, а в других имеет ослабленную различительную способность. Первые позиции являются позициями максимального различения кратчайших единиц системы — сильными позициями. Вторые позиции — слабые позиции разных степеней.

Различительная роль кратчайшей единицы в слабых позициях ослаблена. Различительная роль единиц сильных и слабых позиций неодинакова в словоформе и морфеме. Поэтому в системе, покоящейся на этих двух типах позиционной мены, параллельном и перекрещивающемся, целесообразно выделять две кратчайшие единицы: одну — функционирующую в словоформе, вторую — в морфеме. Первая — фонема, в зависимости от позиции — сильная или слабая, вторая — фонемный ряд, представляющий собой чередование сильной фонемы с эквивалентными ей слабыми фонемами⁴².

³⁹ М. В. Панов. О разграничительных сигналах в языке. «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 3—19.

⁴⁰ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. Перевод с франц. А. А. Зализняка. М., ИЛ, 1960, стр. 41.

⁴¹ Там же.

⁴² Эта теория фонем развивается проф. Р. И. Аванесовым в книге «Фонетика современного русского литературного языка». Изд-во МГУ, 1956.

Если сохранить при описании фонологической системы второго типа одну кратчайшую единицу — фонему, учитывая ее функционирование только в морфеме, то необходимо для этой системы различать две принципиально различные разновидности фонемы: вариации и варианты⁴³.

Синтагматические единицы речи и парадигматические единицы системы языка находятся в сложных взаимоотношениях⁴⁴. Поэтому, «чтобы понять, как фонология может способствовать объяснению фонетических изменений, необходимо ясно осознать, что происходит в каждой точке речевого отрезка как в аспекте речевого потока, так и в аспекте системы»⁴⁵. Это осознание важного «для понимания приемов диахронической фонологии, а также для классификации явлений фонетической эволюции» противопоставления между парадигматическим и синтагматическим планами различно у авторов работ по теоретической и исторической фонологии.

Проф. А. Мартине видит задачу историка-фонолога в том, чтобы «определить, что следует ожидать от данной фонемы, если ее поместить в ту или иную систему»⁴⁶. Подчеркивая значение парадигматического плана, А. Мартине в то же время не считает, что предметом диахронической фонологии являются только различительные факты. «Изучение так называемых «обусловленных» изменений (т. е. изменений частично определяющихся влиянием речевого потока) вполне закономерно составляет часть диахронической фонологии»⁴⁷. Но поскольку в изучении комбинаторных изменений уже получены положительные результаты в предшествующее время, постольку же все свое внимание А. Мартине уделяет структурно-функциональным факторам, а комбинаторные, насколько это возможно, удаляет из поля зрения.

Такое же преимущественное внимание к структурно-функциональным факторам (при учете и комбинаторных) найдем в работах по исторической фонологии русского языка⁴⁸.

Проф. С. Б. Бернштейн, анализируя связь между фонетическими изменениями и фонематическими отношениями, подчеркивает, что фонетические изменения синтагматичны, а «ис-

⁴³ Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. М., Учпедгиз, 1945.

⁴⁴ М. В. Панов. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии). «Вопросы языкознания», 1963, № 1.

⁴⁵ А. Мартине. Ук. соч., стр. 41.

⁴⁶ Там же, стр. 44.

⁴⁷ Там же, стр. 57.

⁴⁸ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестн. Моск. ун-та», 1947, № 1; Л. Э. Калнынь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1956, т. XIII.

точник этого изменения находится вне языка... Системные отношения в языке могут сдерживать фонетические процессы. Но... эти процессы сильнее коррелятивных связей... В результате физиологических изменений постепенно происходит перестройка самой системы. Устанавливаются новые корреляции».

«Итак, историк языка имеет дело прежде всего не с фонемами, а со звуками. Однако ему приходится постоянно вступать в область фонологии. Вот почему с одинаковым вниманием он должен относиться как к истории фонетических процессов, так и к истории фонематических отношений»⁴⁹.

Проф. С. Б. Бернштейн, сформулировав теоретическое положение о том, что историк языка имеет дело прежде всего со звуками, а не с фонемами, должен одновременно подчеркнуть и тот известный факт, что «фонетические изменения в языке не осознаются говорящим на данном языке. Он начинает осознавать их только тогда, когда в результате фонетического процесса происходят в языке функциональные изменения»⁵⁰.

Хотя во многих местах проф. С. Б. Бернштейн отмечает возможность лишь фонологического аспекта в истории языка, он подчеркивает важность изучения фонетических процессов в языке, «так как эти процессы обычно определяются физиологическими условиями, разными в различных языковых коллективах, разными в различные исторические периоды»⁵¹.

О важности изучения именно фонетических изменений писал и проф. П. С. Кузнецов. В одной из своих статей⁵² на вопрос: «возможно ли вообще, чтобы фонологические отношения были причиной фонетических изменений?» он дает отрицательный ответ: «Обычно чисто фонетические изменения, происходящие на протяжении истории языка и сами по себе не обусловленные фонологией, являются причиной перестройки фонологических отношений, а не наоборот». Правда, автор допускает, что само фонетическое изменение может быть, «осложнено в деталях некоторыми фонологическими отношениями».

Авторы подчеркивают важность чисто фонетического аспекта, поскольку с ним связывают и общую проблему причинности фонетических изменений. О том, что «все изменения, которые можно подчинить идее «фонетического закона», происходят незаметно...», что «всякая обусловленная комбинация, которая может подпасть под понятие «за-

⁴⁹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 127, 128.

⁵⁰ Там же, стр. 128.

⁵¹ Там же.

⁵² П. С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 37.

кона», принадлежит к области невидимых, микроскопических различий», — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ⁵³.

Понимая всю важность аспекта речевого потока, его связь с проблемой причинности изменений, автор данной работы основное внимание уделяет аспекту системы, хотя постоянно имеет в виду и звуковые изменения в речи.

Такое направление работы объясняется не только тем, что в исторической фонетике русского языка структурно-функциональные факторы еще мало выяснены и описаны, в то время как многие комбинаторные и позиционные изменения определены, но и главным образом тем, что историк русского языка по характеру своего источника имеет дело прежде всего с единицами и изменениями фонематического плана и только путем интерпретации этих данных может восстановить изменения, происходящие в речи. Это объясняется тем, что сами позиционные изменения становятся существенными для языка как средства общения и обращают внимание носителей языка лишь тогда, когда они затрагивают отношения противопоставления, различительную функцию фонемы. По характеру древнерусской орфографии именно эти изменения отражаются в «ошибках» писцов, в их отступлениях от традиционной орфографии.

Так, мы можем судить об изменении фонемы «ять» в русском языке с того времени, когда это изменение по говорам затронуло противопоставление «ять» и /и/ или «ять» и /е/, и писцы стали путать в написании буквы *ѣ* и *и* или *ѣ* и *е*. Только определив эти конечные, «видимые» результаты позиционных изменений, мы можем, если это соответствует целям исследования, восстановить и первоначальные, микроскопические, «невидимые» позиционные изменения. Через очевидные макроскопические изменения к постепенным переходам и изменениям микроскопического порядка — таков путь исследователя.

Таким образом, историк русского языка по характеру своего источника часто прежде всего имеет дело с фонемой, а затем уже с ее позиционными разновидностями. Он может проникнуть к происходящему в речевом потоке через установление фактов системы, вызванных этим синтагматическим преобразованием.

Состояние диахронической фонологии еще не позволяет сформулировать выводы о причинах фонетических изменений, но ряд фактов истории русского языка уже позволяет отвергнуть категоричность заявления о том, что фонетические изменения не обусловлены фонематическими отношениями. Так,

⁵³ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Фонетические законы. В кн.: «Избр. труды по общему языкознанию», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 204.

изучение истории русских гласных среднего и верхнесреднего подъема по данным ростово-суздальской письменности позволяет сказать, что после падения редуцированных в результате комбинаторных изменений гласного [e] в [e̞] перед мягкими согласными и в [o] перед твердыми согласными и в результате морфологических процессов аналогии, приведших к появлению слога со звуковой структурой типа [c'ò], [c'òc'], установились новые отношения между фонемами /e/ и /o/ и фонемами /ò/ и /e/, и именно эти новые фонематические отношения вызвали в этом диалекте замену /è/ на /e/ перед твердыми согласными. Таким образом, причиной утраты гласной фонемы верхнесреднего подъема, нелабиализованной, ее изменения в гласную фонему среднего подъема в данном диалекте были не внеязыковые факторы и не комбинаторные или позиционные условия, а сложившиеся в результате комбинаторных изменений /e/ новые фонематические отношения. Поэтому а priori исключать фонематические отношения из числа причинных факторов не следует.

По словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «действительные «законы», законы причинности скрыты в глубине, в запутанном узле самых различных элементов»⁵⁴. Среди этих элементов несомненно находятся и фонематические отношения.

Важность парадигматического плана в диахронической фонологии определяется и тем, что из всех функций фонемы самой существенной для истории языка оказывается различительная функция, так как она является единственно постоянной функцией, оказывающей заметное влияние на развитие.

Подчеркивая роль парадигматических отношений при изучении исторического развития языка, следует обратить внимание и на то, что только включение парадигматики языка в его историю позволяет охарактеризовать отношение звукового изменения к развитию звукового строя. С точки зрения синтагматических отношений в речи все изменения равноправны. И не случайно все звуковые изменения во многих работах описываются как изолированные, равноправные факты. Например, в древнерусском языке XIV века происходит отвердение шипящих и изменение [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и], и как изменения они равноправны. Лишь в плане системы становится ясно, что отвердение шипящих было безразлично для фонетической системы, для различительной функции фонем. В то же время появление среднеязычных мягких согласных [к'], [г'], [х'] наряду с заднеязычными оказалось связанным с развитием системы, различительной функцией фонем, то есть с центральным процессом — становлением корреляции парных твердых и мягких согласных фонем.

⁵⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ук. соч., стр. 208.

Дифференциальные признаки фонемы

Фонема — кратчайшая звуковая единица системы языка, различающая звуковые оболочки морфем и словоформ. Фонемы выполняют различительную функцию путем противопоставления друг другу в тождественных позициях. Следовательно, для функционирования в качестве различительных единиц фонемы должны различаться между собою, и каждая фонема должна иметь определенные дифференциальные признаки. Дифференциальные признаки являются постоянными признаками фонемы, они не определяются позицией и, следовательно, одна и та же фонема имеет одинаковый набор ДП.

Фонема в своей различительной функции образует с другими фонемами оппозиции разных типов⁵⁵.

Полный набор ДП фонемы устанавливается с учетом всех оппозиций, в которых участвует данная фонема как единица системы. Так, с учетом всех возможных оппозиций, которые включают сильную гласную фонему /o/ в современном языке, а именно: /o/ — /e/: [ól'ъ] — [él'ъ]; /o/ — /y/: [ól'ъ] — [úl'ъ]; /o/ — /и/: [сон] — [сын]; /o/ — /a/: [сон] — [сан] мы устанавливаем два ДП этой фонемы: лабиализованность, средний подъем.

В каждой оппозиции фонема может характеризоваться не полным, а частичным набором своих ДП. Так, в оппозиции фонем /o/ — /e/ в современном русском языке каждая из фонем характеризуется одним ДП: лабиализованность — нелабиализованность, а в оппозиции фонем /o/ — /a/ — двумя ДП: 1) лабиализованность — нелабиализованность и 2) средний подъем — нижний подъем.

Поскольку ДП фонемы обязательно связаны с теми или иными оппозициями фонем, они всегда релевантны. Поэтому трудно согласиться с разделением дифференциальных признаков на релевантные и нерелевантные⁵⁶.

Опираясь на указанное разделение, проф. Т. П. Ломтев видит различие между единицей [с] в слове [сон] и единицей [с] в слове [стол] в разном соотношении релевантных и нерелевантных дифференциальных признаков, но отождествляет эти единицы как фонемы. Он пишет: «Например, фонема с имеет четыре дифференциальных признака — переднеязычность, щелинность, глухость и твердость — в положении перед гласной фонемой /o/, ср. сон и те же четыре дифференциальных признака в положении перед фонемой /t/, ср. стол»⁵⁷.

⁵⁵ Учение об оппозициях фонем изложено в книге проф. Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (Перевод с нем. А. А. Холодовича, М., ИЛ, 1960). Этим учением руководствуется автор данного исследования.

⁵⁶ Т. П. Ломтев. Классы позиций согласных фонем в современном русском языке, различающиеся по соотношению релевантных и нерелевантных дифференциальных признаков. «Славянская филология», вып. V. Изд-во МГУ, 1963, стр. 5—39.

⁵⁷ Т. П. Ломтев. Ук. соч., стр. 7.

В действительности же, эти единицы: /с/ в словах сон и стол можно, пренебрегая некоторыми различиями, отождествить в речевом потоке, на физиолого-акустическом уровне, но невозможно отождествить как единицы фонологической системы, если последовательно проводить функциональную точку зрения, постоянно учитывать различительную роль фонемы, для чего и нужно само понятие дифференциального признака.

Дифференциальные признаки фонемы не могут быть реализованы в позиционно обусловленных признаках звуков речи. Но не каждый позиционно обусловленный признак звука речи реализует дифференциальный. Например, звук [б] в современном русском языке имеет следующие признаки, обусловленные позицией в любом фонетическом тексте: взрывность, лабиальность, неназальность. Однако, не все эти признаки реализуют дифференциальные признаки фонемы /б/. Неназальность мы можем отнести к числу ДП этой фонемы, так как с этим ДП фонема /б/ является членом оппозиции /б/ — /м/. Но из двух остальных признаков лишь один является дифференциальным. Можно считать вторым ДП лабиальность /б/, если выделять многочленную оппозицию по месту образования: /б/ — /в/ — /д/ — /г/, т. е. включать противопоставление по лабиальности — лабиодентальности. Тогда (поскольку все лабиальные согласные в русском литературном языке — взрывные, а лабиодентальные — фрикативные) противопоставление по взрывности — фрикативности не осуществляется.

Но если мы объединим лабиальные и лабиодентальные согласные в один ряд лабиальных, то в этом случае взрывность /б/ и фрикативность /в/ могут быть квалифицированы как дифференциальные признаки. В этом случае определяется оппозиция лабиальных согласных /б/ — /в/ по взрывности — фрикативности.

Одновременно иначе определяется оппозиция по месту образования, она включает противопоставление по лабиальности — дентальности — гуттуральности и не имеет лабиодентального члена оппозиции.

Разграничение дифференциальных и избыточных признаков фонемы легко провести при наличии нейтрализации. Так, в оппозиции *n—б, n'—б', с—з, с'—з'* и т. д. в современном русском языке ДП фонем несомненно является «глухость — звонкость», так как на конце слова и перед шумными согласными происходит нейтрализация оппозиции именно по «глухости — звонкости».

Поэтому, как уже было сказано, отдельные ученые связывают выделение ДП фонемы с наличием нейтрализации⁵⁸.

⁵⁸ П. С. Кузнецов. О дифференциальных признаках фонем. «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

Мы не считаем возможным делать эту связь необходимой, хотя и понимаем, что наличие нейтрализации делает выделение ДП однозначным. Выделение ДП в работе проводится во всех случаях, когда можно найти общее основание для противопоставленных в тождественных условиях фонем и установить их различительные признаки.

Так, например, выделяется ДП «назальность — неназальность» в оппозиции фонем $b-m$, $b'-m'$, $d-n$, $d'-n'$, «взрывность — фрикативность» для $d-z$, $d'-z'$, $t-c$, $t'-c'$ и под.

В работе большое внимание уделяется ДП фонем каждого синхронного среза и изменению ДП фонем с развитием системы, что обусловлено вниманием к различительной функции фонем. Это не означает, что избыточные признаки не играют роли в функционировании и развитии языка.

Кроме того, автор допускает возможность, что в работе не всегда удалось правильно разграничить дифференциальные, релевантные, и избыточные, нерелевантные признаки.

Стремясь разграничить фонетический и фонологический уровень в описании и транскрипции, автор в то же время понимает, что между этими уровнями есть закономерная связь.

Фонема как единица системы языка реализуется в речи в своих разновидностях. Каждая разновидность фонемы сочетает конститутивные признаки, реализующие дифференциальные и относящиеся к фонеме в целом, и переменные, позиционно обусловленные признаки, относящиеся к конкретной разновидности фонемы. Кроме того, она может иметь такие конститутивные признаки, которые реализуют избыточные признаки фонемы. Например, сильная гласная фонема /o/ в современном русском литературном языке имеет два ДП: средний подъем и лабиализованность. Эти признаки характеризуют любую разновидность фонемы /o/. Конкретная разновидность фонемы /o/ — звук [ö] между мягкими согласными характеризуется сочетанием указанных признаков и переменного — переднее образование.

Разновидности одной и той же фонемы определяются с помощью принципа дополнительной дистрибуции⁵⁹ и с учетом различительной силы позиции, в какой функционирует та или иная разновидность фонемы. Все разновидности одной и той же фонемы должны обладать одинаковой различительной способностью и иметь одни и те же дифференциальные признаки.

О синхронии в диахронии

Введение парадигматики в историю языка имеет своим обязательным следствием включение синхронии в диахронию.

⁵⁹ Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. Перевод с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М., ИЛ, 1959.

Отсюда понятие синхронного среза в работе, причем содержанием этого понятия является не статичное, а динамичное синхронное состояние системы с её продуктивными и непродуктивными элементами.

Включение синхронии в диахронию связано и с самим характером исторического изменения языка. Изменение языка происходит непрерывно, т. е. бесконечно малыми шагами. «При рассмотрении же непрерывных изменений нам часто пришлось бы сравнивать бесконечно малое с бесконечно малым или определять, что получится при сложении бесконечно большого числа бесконечно малых, — вопросы, отнюдь нелегкие для ответа»⁶⁰.

Воспользуемся советом математиков и «примем, что изменения происходят конечными шагами во времени и что всякое различие также конечно. Мы примем, что изменение происходит измеримым скачком..., мы ничего не теряем, ограничиваясь рассмотрением конечных различий.

Ибо установив с достоверностью, что происходит в случае, когда различия имеют данную величину, мы можем рассмотреть случай, когда они значительно меньше»⁶¹.

Историк языка, ставя своей целью изучение непрерывного изменения системы, достигает ее с помощью ряда синхронных срезов. Он устанавливает состояние системы для каждого такого среза и путем сопоставления получает возможность судить о прошедших изменениях и тенденциях развития системы.

Введение синхронии не мешает понять развитие языка, а помогает разрешению этой важнейшей проблемы, так как позволяет для каждой исторической эпохи функционирования языка разграничить факты актуальные, продуктивные и явления непродуктивные, звенья системы, изменение которых вызывает перестройку всей системы или её части, и такие единицы, которые в своем изменении замкнуты, не затрагивают других элементов.

Выбор времени для синхронного среза определяется целью и характером исследования.

Предварительное изучение истории отдельных явлений позволяет судить о характере временных изоглосс (хроноизоглосс) и о пучках таких хроноизоглосс. В зависимости от пучков хроноизоглосс можно наметить точки синхронных срезов. Для исторической фонетики древнерусского языка такими периодами могут быть: X в. — система после утраты носовых гласных, до появления согласных вторичного смягчения; рубеж XI — начала XII в. — система после появления согласных вторичного смягчения, до падения редуцированных; рубеж

⁶⁰ У. Росс Эшби. Введение в кибернетику. Перевод с англ. Д. Г. Лахути. М., ИЛ, 1959, стр. 23—24.

⁶¹ Там же.

XII—XIII вв. — система с активным процессом падения редуцированных и рубеж XIV—XV вв. — система, формирующаяся после падения редуцированных.

Выбор времени для синхронного среза может мотивироваться не только задачами изучения системы языка, но и требованиями общей истории языка в связи с историей народа — носителя языка.

Так, начало развития трех восточнославянских народностей и их языков обычно определяется рубежом XIII—XIV вв. В связи с общей проблемой формирования языка великорусской народности возникает необходимость охарактеризовать исходную систему этого языка, т. е. дать синхронный срез развивающейся системы для XIV в.

В предлагаемой работе выделяются два исторических периода: эпоха рубежа XI—XII вв., т. е. система после утраты носовых гласных, появления согласных вторичного смягчения, но до активного процесса падения редуцированных. Эта система принимается за исходную.

Второй синхронный срез отнесен к рубежу XIV—XV вв. и связан с основной задачей исследования — представить формирование новой системы русского языка после падения редуцированных.

Выбор этого исторического периода может быть мотивирован как с историко-структурной, так и с общелингвистической точки зрения. На основе уже полученных результатов в ряде исследований о языке русских письменных текстов XIII—XV вв. можно сказать, что к рубежу XIV—XV вв. во всех диалектах русского языка определились многие новые черты фонологической системы. Рубеж XIV—XV вв. относится к начальному периоду истории языка великорусской народности, уже отличного от языков украинской и белорусской народностей. Выделение этого времени весьма важно для понимания начальных этапов в формировании сложной системы русского национального языка.

§ 6. Вопросы исторической лингвогеографии

В соответствии с предметом второго отдела исторической диалектологии — исторической лингвогеографии — в данном исследовании реконструируется и территориальное варьирование фонетической системы языка великорусской народности на рубеже XIV—XV вв. с учетом Псковской, Новгородской и Ростово-Суздальской земли. Эта реконструкция опирается на материал двух источников: письменных памятников и на карты Атласа русских народных говоров. Последовательное воссоздание истории лингвистического ландшафта русского языка требует сочетания в интерпретации сведений обоих источников. В предлагаемой работе автор опирается главным об-

разом на данные письменных памятников, а лингвистические карты привлекаются неполно⁶².

Анализ письменных текстов позволяет создать обобщенную картину территориального варьирования. Факты, извлеченные из памятников письменности, дают возможность определить время появления отдельных диалектных различий, которые могут быть основанием для диалектного членения языка и группировки говоров. Но провести более или менее точно топоизоглоссу по данным письменных памятников невозможно или во всяком случае очень трудно: даже при анализе очень большого числа дошедших текстов, исследователь не может предпринять сплошного обследования территории, и кроме того, даже хорошо приуроченные ко времени и месту тексты не имеют необходимой для проведения топоизоглоссы точности. Исследователь должен считать факт достаточно точным, если его можно отнести к числу новгородских, а не ростово-суздальских, к области диалекта древнего Пскова и т. д.

Поэтому так интересны историку языка уже первые работы по исторической интерпретации современных изоглосс⁶³. Они позволяют сформулировать некоторые общие методические положения:

1. Расположение изоглосс, выбор изоглосс для членения говоров изучаемой территории, группировка говоров по данным лингвистической географии исторически меняется и в своем конкретном виде принадлежит данной исторической эпохе.

Из этого следует, что диалектные различия, не существенные для членения русских говоров в настоящее время, как, например, наличие или отсутствие различия гласных фонем верхне-среднего и среднего подъема: /ê/ — /e/, /ô/ — /o/, так и их конкретное качество, могли быть важными для диалектного противопоставления в другие исторические эпохи. Так, указанное фонетическое различие было одним из главных в XIV—XV веке при противопоставлении ростово-суздальского диалекта древненовгородскому.

2. При выборе изоглосс, способных диалектно дифференцировать язык, оказывается несущественной их структурная значимость. Но среди изоглосс, способных членить территорию распространения языка, структурно значимые изоглоссы

⁶² Построение исторической диалектологии русского языка путем последовательной исторической интерпретации лингвистических карт современного русского языка ведется коллективом ученых сектора диалектологии Института русского языка АН СССР под руководством доктора филологических наук В. Г. Орловой.

⁶³ «Вопросы теории лингвистической географии»..., гл. IV; К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии. «Вопросы языкознания», 1963, № 6; В. Г. Орлова. К вопросу об интерпретации изоглосс. «Вопросы языкознания», 1961, № 1; Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

обладают бóльшим значением, являются более существенными.

Генетическая оценка диалектного различия, его принадлежность к архаизмам или новообразованиям также важна при определении его места на лингвистической карте. Это связано с тем, что архаизмы часто сохраняются как отдельные разбросанные острова, недостаточно определенные по своим очертаниям. В таком случае ареалы архаизмов не имеют настоящего типологического значения. Примером может служить распределение современных говоров с фонемой /ð/ в отдельных словах или формах слов. Это распределение фонемы /ð/ не дает изоглоссы, способной выделить компактную территорию говоров, различающих фонемы /ð/ и /o/, противопоставленную другой территории с говорами, которые в соответствии с /ð/ — /o/ имеют одну фонему — /o/.

Однако это противопоставление архаизмов и новообразований при диалектном членении языка не является абсолютным. Среди архаических диалектных различий могут быть и такие, которые обладают определенностью очертаний и совмещаются в своем распространении с другими диалектными различиями, в том числе и новообразованиями. Таким образом, для проводимой с синхронной точки зрения группировки говоров как определенной структуры территориальных противопоставлений существенным является весь круг тех ареалов, которые обладают достаточной определенностью очертаний и выделяются пучками изоглосс независимо от их связи с разными сторонами структуры и от оценки явлений с точки зрения их генезиса⁶⁴.

Интерпретация изоглосс в синхронном плане в сочетании с уже известными положениями истории языка позволяет проверить отдельные гипотезы и сделать их обоснованными. Диалектологи, создавшие новую группировку говоров современного русского языка, пришли к выводу, что кроме выделения диалектных групп и диалектных зон имеет весьма своеобразное значение еще один тип распределения изоглосс, который позволяет выделить территорию центра с включением в него Москвы и противопоставить его по определенному кругу черт всем окружающим говорам русского языка⁶⁵.

Историка языка не может не привлечь перечень этих черт, так как многие из них, важные в фонологическом плане, характеризуют реконструируемый ростово-суздальский диалект уже на рубеже XIV—XV веков. Это: 1) результаты последовательного перехода [e] в [o] перед следующими твердыми согласными; 2) последовательное различие аффрикат [ч'] и [ц]; 3) наличие [в], фонетически чередующегося с [ф] в конце

⁶⁴ К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Ук. соч.

⁶⁵ К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Ук. соч., стр. 28—29.

слова и слога; 4) различие [л], [л']. Историко-диалектологическое изучение выделенной территории поможет восстановить реальный процесс распространения ростово-суздальского диалекта как центрального диалекта русского языка.

Не менее интересно для историка русского языка выделение на основе группировки изоглосс двух диалектных зон: западной и восточной.

Ареалы явлений общезападной (северо-западной и юго-западной) локализации могут быть объяснены той значительной ролью, которую играло объединение определенной части восточных славян в пределах Литовского государства, на что найдем указания и в исторических, и в языковедческих работах.

Обращает внимание сходство ряда изоглосс общезападного ареала с изоглоссами на территории северо-восточной периферии. Это: 1) утрата различия твердых-мягких губных согласных на конце слова, 2) мена [л] на [ʎ] в конце слога и слова (эта мена в некоторых говорах западной зоны ограничена определенными морфемами), 3) [ʎ] или [w] в соответствии с [в] на конце слога и слова, 4) формы дательного падежа единственного числа типа *к жены*, 5) окончание родительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода — *оуо — оо*.

Эти изоглоссы, которыми, с одной стороны, противопоставляются периферийные северо-восточные говоры северновеликорусского наречия говорам центра, а, с другой стороны, они же характеризуют западную диалектную зону, позволяют обосновать восстанавливаемую систему древненовгородского диалекта XIV—XV вв.

Лингвистические карты русского языка являются не только важнейшим, а порой и единственным источником реконструкции лингвистического ландшафта русского языка в предшествующие исторические эпохи, но и делают достоверными многие предположения о фонологической системе русского языка в начальные периоды его формирования, в эпоху, прилегающую к падению редуцированных.

При интерпретации изоглосс стало особенно ясно, какую ценность представляют карты, показывающие территориальное размещение языковых явлений, взятых как элементы системы. Эта особенность русского лингвистического Атласа была подчеркнута при его составлении, и именно эта специфика Атласа делает его ценнейшим источником истории языка. Уже получили новое освещение такие важнейшие стороны русской фонологической системы, как «аканье», отсутствие перехода [e] в [o], различие в качестве фонем /г/, /г'/ в работах проф. Р. И. Аванесова⁶⁶. Внимательный учет данных о тех

⁶⁶ Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

соотношениях, которые наблюдаются в территориальном распространении разновидностей явления, уже дал свои результаты и при изучении генезиса употребления аффрикат⁶⁷. Сопоставление изоглоссы цоканья с изоглоссой изменения *чн > сн* помогло сделать вывод об отсутствии структурной зависимости этих явлений.

Новые выводы о генезисе явлений может получить историк языка при сопоставлении изоглосс таких явлений, как изменение [а] в [е] между мягкими согласными в корнях слов и в случаях типа *дышѣт*, *кричѣт*⁶⁸.

Используя оба источника — письменные памятники и лингвистические карты — историк языка может восстановить структурную и территориальную характеристику языка в прошлые эпохи. Но вопрос о диалектном членении языка не является только лингвистической проблемой; он лежит в той области, где языковедение смыкается с другими историческими научными дисциплинами: исторической географией, археологией, этнографией, общей историей материальной и духовной культуры народа. Структурные различия или структурная близость разной степени сами по себе не определяют, имели ли мы дело с языковыми или диалектными границами.

⁶⁷ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959.

⁶⁸ «Вопросы теории лингвистической географии», гл. IV.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУБЕЖЕ XI—XII вв.

В предлагаемом исследовании за исходную систему принимается система эпохи древнейших письменных памятников русского языка: период XI — начала XII века.

Эта система сложилась после восточнославянского изменения носовых гласных [q] в [y] и [e] в [ä] и после появления согласных вторичного смягчения. Система эпохи древнейших письменных памятников русского языка содержала черты переходного состояния от вокалистической системы предшествующей эпохи к системе консонантной, развившейся после падения редуцированных (после рубежа XII—XIII вв.).

I. СОСТАВ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ

Состав звуковых единиц как звуковых типов древнерусского языка по данным древнейших письменных текстов определен в ряде специальных исследований по исторической фонетике русского языка и описан во всех общих курсах истории русского языка: А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, Г. О. Винокура, П. С. Кузнецова, П. Я. Черных, Л. В. Якубинского, Н. Н. Дурново.

§ 7. Состав согласных

п, п', б, б', в, в' м, м', т, т', д, д', с, с', з, з', н, н', л, л', р, р', ш', ж',
ц', ч', ш'т'ш', ж'д'ж', ј, к, г, х.

§ 8. Физиолого-акустическая классификация согласных

Таблица 1

Место	Губные		Переднеязычные зубные		Переднеязычные нёбные		Среднеязычные		Заднеязычные		
	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	
Смычные	тв.	п	б	т	д					к	г
	м.	п'	б'	т'	д'						
Фрикативные	тв.		в	с	з						х
	м.		в'	с'	з'	ш'	ж'		й		
Аффрикаты				ц'		ч'	ж' д' ж'				
				ш' т' ш'							
Смычно-проходные	тв.		м	н	л		р				
	м.		м'	н'	л'		р'				

§ 9. Состав гласных

и, ы, ъ, у, ё:, е, ь, ъ, о, а, а.

§ 10. Физиологическая классификация гласных

Таблица 2

Подъем	Ряд	Передний		Непередний	
		нл	л	нл	л
Верхний		и	ъ	ы	у
Верхне-средний		ё:			
Средний		е	ь		ь о
Нижний		а		а	

II. ПОЗИЦИОННАЯ МЕНА ЗВУКОВ

§ 11. Звуковая структура слога

Звуки речи подвергались позиционным и комбинаторным изменениям в пределах слога. Ограниченность основных позиционных изменений слогом определялась закономерностями построения слога в древнерусском языке XI — начала XII в. Расположение звуков в слоге подчинялось двум основным законам: закону открытого слога и закону слогового сингармонизма. Согласно первому закону все слоги строились по восходящей звучности, оканчиваясь наиболее звучным — слоговым звуком. В начале слова и слога перед гласными развивались протетические [j] или [v]. Нарушением этого закона была утрата протезы перед начальным [e], что повлекло замену [e] на [o], а также перед [y] с заменой [y] на [y].

По закону слогового сингармонизма звуки одного слога были однородной артикуляции и относились к передней или задней зоне образования. Очевидно, этот закон был выражением тех ассимилятивных процессов, которые возникали в сочетаниях согласных с гласными в слоге. Можно думать, что говоры древнерусского языка эпохи древнейших памятников переживали такие же ассимилятивные изменения звуков в слоге, какие восстанавливает Г. Конечна для древнепольского языка. Она пишет: «Факты памятников письменности северозападнославянских языков, изучение фонетики современного польского языка, а в большей степени также и диалектологические исследования свидетельствуют, что, видимо, уже в пралехитскую эпоху появилась тенденция к дифтонгоидальному произношению всех гласных, причем гласным переднего ряда предшествовала быстро ослабевающая прейотация, а гласным заднего ряда — такая же лабиализация: $\overset{i}{i}$, $\overset{i}{i}$, $\overset{i}{e}$, $\overset{i}{e}$, $\overset{i}{e}$; $\overset{i}{c}$, $\overset{i}{c}$, $\overset{i}{y}$, $\overset{i}{b}$, $\overset{i}{b}$ (именно такой дифтонгоидный характер сохранился до сегодняшнего дня в русском языке в гласных *e* и *o*)¹. Только гласный *a*, очень широкий и лишь в незначительной степени оттянутый назад, не подвергался ни лабиализации, ни прейотации, хотя в абсолютном начале слова, вследствие смешения с $\overset{i}{a}$, восходящим к $\overset{i}{e}$, этот гласный мог приобретать вторичный палатальный элемент».

«Резко дифтонгоидальный характер гласных пралехитской эпохи должен был повлиять на произношение предшест-

¹ Как показывает экспериментально-фонетическое исследование вокализма русских говоров, не во всех русских говорах известны [o] и [e] дифтонгоидного типа. Есть севернорусские говоры с монофтонгами [o] и [e], которые характеризуются тембральной однородностью, отсутствием в их составе начальных элементов верхнего подъема. См. Р. Ф. Пауфощина. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного севернорусского говора. Автореф. канд. дисс. М., 1965.

вующих согласных»². При таком звуковом строении слога позиционная мена, связанная с высотой тона звуков, затрагивала слог в целом. Позиционная мена как результат межслоговой ассимиляции, очевидно, ограничивалась воздействием интервокального [j] на предшествующие гласные [и], [ы], [ь], [ъ] и меной редуцированных в сильном и слабом положении.

Сочетания гласных в слоге, а также межслоговые сочетания гласных отсутствовали. Перед начальными гласными слога развивались протетические согласные [j] или [в]: [моја], [моји], [мојѹ], [ж'енојѹ], [род'ивон]. В начале слова могли быть гласные [о] и [у]: [ос'енъ], [ол'енъ], [утро], [унъ].

Под воздействием последующего [j], гласные [и], [ы] и [ь], [ъ] позиционно изменялись в напряженные гласные звуки [й] и [ы̆], в результате возникала позиционная мена: и//й, ь//ы̆; ы//ы̆, ь//ы̆: [п'ит'и]//[п'йју]; [б'ит'и]//[б'йју]; [с'ин'ь]//[с'ин'йъ]; [с'ин'и]//[с'ин'йјѣ]; [старъ]//[стары̆ъ]; [стары]//[стары̆јѣ].

Позиционная мена редуцированных возникла при наличии сильной и слабой позиции: [сънъ]//[съна]; [дъску]//[дъска]; [шъв'ѣцъ]//[шъв'ѣца].

§ 12. Сочетания согласных в слоге

В результате праславянских фонетических изменений, известных как «упрощение групп согласных», утратилась такая последовательность согласных, которая не входила в один слог, т. е. утратились гетеросиллабические сочетания согласных. Проф. С. Б. Бернштейн предлагает различать простую последовательность согласных и сочетание согласных и понимать под сочетанием лишь такую последовательность, которая ограничена слогом³. Однако в настоящее время вопросы и материал, относящиеся к проблеме звуковой структуры слога и слога деления, очень мало изучены, не проведено достаточной экспериментальной работы, поэтому не создано еще основы для такого разделения, тем более для любой исторической эпохи существования языка⁴. Поэтому мы будем пользоваться одним термином — сочетание согласных, понимая под сочетанием последовательность согласных, встретившихся в слове.

В связи с употреблением между согласными букв ъ и ь, которые нельзя определить как аллографы графем //ъ//, //ь//, соотносенных с фонемами /ъ/, /ь/ или как аллографы графем

² Г. Конечна. Ассимиляция и диссимиляция. «Вопросы языкознания», 1958, № 3, стр. 90—91.

³ С. Б. Бернштейн. Очерк..., стр. 131—132.

⁴ Обзор сочетаний согласных в современном русском языке дан в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики современного русского литературного языка» и в книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка».

//o//, //e//, соотносенных с фонемами /o/, /e/, а также в связи с употреблением так называемых паерков между буквами для согласных, в работах по исторической фонетике можно найти не только фонетическую, но и фонологическую интерпретацию этих букв ъ, ь и паерков⁵. Считаем, что между согласными был возможен гласный призвук (как возможен он и в современном русском языке), но он был нефонематичен. Ввиду постоянной комбинаторности этого возможного гласного призвукa, он не передается ни в фонетической, ни тем более в фонематической транскрипции.

В древнерусском языке XI—XII вв. были возможны следующие сочетания согласных⁶:

А. Сочетания шумных смычных согласных были ограничены сочетанием [гд] в словах: тогда [тогда], тъгда [тъгда], когда [когда], вьегда [вьегда].

Б. Сочетания шумных фрикативных с последующими равными:

[вн]: спждъ [спудъ] испытати [испытат'и];
[с'п]: спѣти [с'п'ѣти], испити [ис'пит'и];
[ст]: старъ [старъ], истопе [истоп'е];
[с'т]: старость [старос'т'ъ], истина [ис'тина];
[ск]: искати [искат'и], женьскъ [ж'ен'ьскъ];
[вб]: избави [избав'и], избытъкъ [избытъкъ];
[зб]: избити [из'бит'и], избрати [из'б'рат'и];
[вд]: мьзда [м'ъзда], въздати [въздат'и];
[вд'] : бездъна [б'ез'д'ъна], мьздъ [м'ъзд'д'ѣ];
[вг]: мозгъ [мозгъ], изгонити [изгон'ит'и].

В. Сочетание шумных фрикативных:

[сх]: исходити [исход'ит'и], пасха [пасха].

Перечисленные сочетания, кроме [зб], [з'б'], были как внутриморфемные, так и на стыке морфем. Сочетались глухие и звонкие шумные согласные. Позиционная мена по глухости-звонкости ограничивалась варьированием [з]/[с] в связи с комбинаторным изменением конечного [з] приставок: без-, въз-, роз-, из- и предлогов: без, из: [из'бит'и], [ис'теб'е], [избав'и], [исход'ит'и], а также при образовании форм глагола лѣзж [л'ѣзу] — лѣсти [л'ѣс'т'и].

На стыке предлога, приставки на -з и следующего слова или корня с начальными фрикативными: [з], [з'], [с], [с'], [ж'], [ш'] и аффрикатой [ч'] происходило позиционное изменение в группах согласных: [з]+[з]>[з:]>[з]; [з]+[з']>[з':]>[з']; [а]+[с]>[с:]>[с]; [з]+[с']>[с':]>[с']; [з]+[ж']>[ж':]>[ж'];

[а]+[ш']>[ш:]>[ш']; [з]+[ч']>[ш'ч']. О таком изменении в живом языке можно судить по следующим написаниям: исьченъ

⁵ В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

⁶ Примеры взяты из Остромирова Евангелия (изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843).

[ис'еч'енъ] из [из+с'еч'енъ]; безаконик [б'езакон'ије] из [б'ез+закон'ије]; ишьдъ [иш'ѣдъ] из [из+ш'ѣдъ]; ищезе [иш'ч'ез'е] из [из+ч'ез'е]; ищистигисл [иш'ч'ис'т'ит'ис'а] из [из+ч'ис'т'ит'ис'а]; ищрѣва [иш'ч'р'ѣва] из [из+ч'р'ѣва] и другие.

Возникшая в этих условиях позиционная мена по месту образования согласных была ограничена морфологическими условиями: сочетанием приставок, предлогов на -з с корнями на свистящие, шипящие и [ч].

Г. Сочетания шумных, взрывных, фрикативных согласных, аффрикат с последующими спирантами [в], [в'] были внутри-морфемными и на стыках морфем.

[тв] : твои [твој ѣ], молитва [мол'итва];

[т'в'] : мѣртвѣць [м'ѣр'т'в'ѣц'ѣ], молитвѣ [мол'ит'в'ѣ];

[дв] : дворъ [двор ѣ];

[д'в'] : двѣрь [д'в'ѣр'ѣ];

[св] : свои [свој ѣ], свободити [свобод'ит'и];

[с'в'] : свѣтъ [с'в'ѣт ѣ], свиница [с'в'ин'ица];

[зв] : ꙗзвы [язвы]; из воды [изводы];

[з'в'] : ꙗзвина [яз'в'ина]; без вины [б'ез'вины];

[хв] : хвала [хвала];

[ц'в'] : цвѣтъ [ц'в'ѣт ѣ].

Позиционная мена з//з', с//с' на стыке морфем была внутри слога.

Д. Сочетания шумных согласных с последующими сонорными:

[пр] : правда [прав'ѣда]; праздникъ [праз'д'ѣн'ик ѣ];

[пр'] : приведи [пр'ив'ед'и], возможно [п'р'ив'ед'и];

[бр] : братъ [брат ѣ], образъ [образ ѣ];

[бр'] : добръ ꙗ [добр'ѣе], возможно [доб'р'ѣе];

[тр] : ветръ [в'етр ѣ], троудъ [трудо ѣ];

[т'р'] : трикъ [т'р'иѣ], трѣбовати [т'р'ѣбоват'и];

[др] : другъ [друг ѣ];

[д'р'] : драхлъ [др'ахл ѣ];

[ср] : срамлѣтисл [срам'л'ат'ис'а];

[с'р'] : сребро [с'р'ebro];

[кр] : краты [краты], крѣвь [крѣв'ѣ];

[кр'] : крѣсть [кр'ѣст ѣ], крѣпкъ [кр'ѣпк ѣ];

[гр] : виноградъ [в'иноград ѣ], грабити [граб'ит'и];

[гр'] : грѣхъ [гр'ѣх ѣ];

[хр] : хромъ [хром ѣ];

[сн] : десна [д'еснаѣ];

[с'н'] : десница [д'ес'н'ица];

[зн] : знати [знат'и]; без ноги [б'езноги];

[з'н'] : болѣзнь [бол'ез'н ѣ], из него [из'н'его];

[гн] : гнои [гној ѣ];

[гн'] : гнѣвъ [гн'ѣв ѣ]; гнездо [гн'ездо];

[па] : плачь [плач'ѣ], плодъ [плод ѣ];

[п'л'] : плъвати [п'л'ѣват'и]; коуплѣ [куп'л'ѣ];

[бл] : блазнити [блаз'нит'и];

[б'л'] : блудо [б'л'удо], люблю [л'уб'л'у];

[сл] : слава [слава]; слоухъ [слух ѣ];

[с'л'] : слѣзь [с'л'ѣз ѣ]; слѣза [с'л'ѣза];

[кл] : кланѣтисл [клан'ат'ис'а];

[к'л'] : клѣти [к'лѣт'и], клѣтъ [к'лѣт'ѣ];

[гл] : глоухъ [глух ѣ], глѣбокъ [глѣбок ѣ].

Из перечисленных сочетаний постоянно лишь на стыке морфем было сочетание [з'н'].

Е. Сочетания губных спирантов [в], [в'] с последующими сонорными:

[в'л'] : ловля [лов'л'ѣ];

[вр] : врачъ [врач'ѣ].

Ж. Сочетания сонорных согласных:

[м'л'] : земля [зем'л'ѣ], ꙗмлетъ [ѣм'л'ет'ѣ].

В консонантных сочетаниях, членами которых были сонорные согласные или губные спиранты, позиционных изменений не происходило.

В данной системе не было позиционной мены по твердости — мягкости: весь слог характеризовался передним или задним образованием. Если в слог входило сочетание согласных, то оно имело общую твердость: [ст], [зд]... или общую мягкость [с'т], [з'д] и т. п. Степень смягчения первого согласного могла быть различной. Исключение составляли сочетания мягких согласных с заднеязычными, всегда велярными: [кл'], [гл'], [хл'] и т. п. Обоснование вывода об общей твердости или общей мягкости сочетания согласных найдем в исследовании Л. Э. Калнынь о развитии парных твердых — мягких согласных в русском языке⁷.

Автор приводит соответствующие примеры из письменных памятников XII—XIII вв. с буквой ъ, этимологически неоправданной, обозначающей мягкость согласных перед согласными типа: *смотреть, добьреи, прѣвьльку, земля, куплю, люблю, славляше, дивляхуся* и под. (см. стр. 149, 150). Хотя эти примеры взяты из памятников более позднего времени, чем время системы, принятой за исходную, но подобное ассимилятивное воздействие согласных в слоге определялось не падением редуцированных и последующими изменениями, а закономерностями в звуковой структуре слога предшествующего времени, связанными с процессом вторичного смягчения согласных и законом слогового сингармонизма. Поэтому подобные примеры могут иллюстрировать утверждение о переднем

⁷ Л. Э. Калнынь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1956, т. XIII.

или непереднем образовании всего слога в системе на рубеже XI—XII вв.

Слоги с сочетанием редуцированных и плавных также характеризовались передним или непередним образованием: [търꙗ], [пър'вꙗ], [пльнꙗ].

В этих сочетаниях плавные приобретали позиционную слоговость⁸, в результате возникла позиционная мена слоговых и неслоговых плавных: [търꙗ] — [трава], [в'ър'хꙗ] — [в'ер'ем'а], [пльнꙗ] — [полонꙗ].

В слоге были известны сочетания из трех согласных, редко внутри морфемы, чаще — на морфологическом стыке. Эти сочетания также характеризовались общей глухостью или звонкостью, твердостью или мягкостью и отсутствием позиционной мены согласных.

Укажем следующие сочетания:

[ств] : бѣство [б'ѣство];

[с'т'в'] : богатъстви к [богат'ѣс'т'в'и'е];

[з'д'в'] : въздвиꙗ [въз'д'в'игꙗ];

[стр] : страдати [страдат'и], острꙗ [острꙗ];

[здр] : възрадоватиса [възрадоват'ис'а].

Остальные сочетания возникали на стыке предлогов, приставок на -з и корней с начальными сочетаниями согласных: [спр] : испросѣти [испрос'ат'ѣ] и другие.

§ 13. Сочетания согласных с гласными в слоге

Сочетания согласных с гласными в слоге определялись законом о слоговом сингармонизме: в слоге объединялись звуки одной зоны образования, передней или непередней. Поэтому после твердых согласных могли быть непередние гласные: [ы], [у], [ъ], [о], [а], после мягких согласных (палатальных или палатализованных) — передние: [и], [ѹ], [ѣ], [ѣ], [е], [ä], т. е. были возможны сочетания [ны], [ну], [нъ], [но], [на] или [н'и], [н'у], [н'ѣ], [н'ѣ], [н'е], [н'а]. Не все теоретически возможные сочетания согласных с гласными в это время реально существовали. Так, отсутствовали сочетания мягких губных [п'], [б'], [м'], [в'] и зубных [т'], [д'] с гласным переднего ряда [ѹ] не только внутри морфемы, но и на стыке морфем, последние появятся лишь после морфологического изменения парадигмы склонения имен с древнейшей основой на *ї, т. е. после появления форм типа [голуб'ѹ], [з'ат'ѹ], [м'едьв'ед'ѹ].

Весьма ограничены были и внутриморфемные сочетания мягких [р'], [н'], [л'] с гласным [ѹ]; можно привести слова: рюти [р'ѹт'и], людие [л'ѹд'и'е], любовь [л'ѹб'ѹв'ѹ], нюкати [н'ѹкат'и].

⁸ В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ѣ и ѣ в древнерусском языке XI в. «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1953, т. II.

В то же время все согласные мягкие могли сочетаться с гласным переднего ряда [ъ], а все твердые согласные — с непередним гласным [ъ]; например, [п'ѣр'вꙗ], [пѣт'иц'а], [сып'ѣ], [б'ѣрат'и], [голуб'ѣ], [дуб'ѣ], [д'ѣн'ѣ], [дѣно], [кад'ѣ], [родꙗ] и под. Позиционное изменение согласных под влиянием гласных не было связано и с лабиализующим воздействием гласных непереднего образования: [у], [ы], [ъ], [о].

О лабиальной природе [ы] и [ъ] в древних славянских языках может свидетельствовать тот факт, что перед ними развивался протетический согласный звук [w], который позже по годам мог изменяться в [в].

Трудно сказать, было ли это позиционное качество в XI—XII вв. лабиовеляризацией согласных или только их веляризации. Возможно, что характер позиционного изменения зависел и от природы самих согласных.

Твердость или мягкость плавного согласного [р] в слоге была связана не только с последующим непередним или передним гласным, как в словах [радꙗ], [р'адꙗ,н], [кр'ѣстьꙗ], [дрꙗва], но и с предшествующим передним или непередним гласным в сочетаниях с предшествующим редуцированным между согласными, в словах типа: [п'ѣр'вꙗ], [тър'гꙗ].

Эта мягкость была этимологической, но, очевидно, она сохранялась и в древнерусском языке XI—XII вв., хотя плавный в этих условиях приобретал позиционную слоговость, и, следовательно, возникала слоговая граница между [ъ] и последующим [р'].

Как показывает большой материал, извлеченный из памятников письменности XI—XII вв., в древнерусском языке этого времени палатальная или велярная окраска согласного [р] могла меняться под влиянием окружающих звуков. Так, при двуеровых написаниях перед твердыми переднеязычными зубными согласными довольно часто используется написание *ръ*, а перед мягкими переднеязычными зубными написание *рь*: твьрьдо, отвьрьзъ, жьрьтву, смьрьда, твьрьди, пьрьсьмъ, смьрьди и т. п.⁹

§ 14. Система вокализма и просодические элементы

Система вокализма древнерусского языка в ее функционировании и в ее развитии до определенного исторического периода была связана с просодической системой языка. Вопрос о длительности гласных, об интонации, о появлении интонации нового акута в связи с рецессией ударения и о развитии гласного [ѳ] в слогах с интонацией нового акута имеют отношение не только к просодической, но и к фонологической системе

⁹ В. М. Марков. Ук. соч., стр. 178—237. Примеры взяты из этой книги.

древнерусского языка X—XI — начала XII века. Решение вопроса об особой фонеме /ǫ/, противопоставленной в ударных слогах фонеме /o/, возможно в связи с пониманием истории просодической системы русского языка, в связи с определением времени утраты различия по интонации и, следовательно, времени утраты зависимости качества [ǫ] от интонации нового акута.

Определение дифференциального признака в оппозиции /e/ — /ь/, /o/ — /ь/, поскольку все они — гласные среднего подъема, ведет к определению фонологической значимости длительности.

Проф. П. Ивич, характеризуя состояние фонетической системы в конце праславянской эпохи и в начальный период отдельной жизни славянских языков, подчеркивает сложность этой системы в связи с развитием количественных отношений. Он пишет: «...перегруженность системы гласных удвоилась: вместо прежнего положения, когда каждый гласный мог быть только долгим или только кратким, создано такое положение, когда все гласные могли быть и долгими, и краткими»¹⁰.

Поскольку вопрос о времени полной утраты зависимости [ǫ] от нового акута в период до падения редуцированных не определен, мы не включаем [ǫ] в систему фонем древнерусского языка XI — начала XII века.

Из всех различий по длительности принимаем во внимание лишь различие, связанное с редуцированностью или нередуцированностью гласных.

Все сложные вопросы о взаимозависимости вокализма и просодической системы в развитии древнерусского языка X — начала XII в. не рассматриваются в данном исследовании, так как несомненно, что после падения редуцированных формируется такая фонологическая система русского языка, вокализм которой не связан с просодемами: длительность гласных не имеет фонологической значимости, противопоставления по тону отсутствуют, гласный [ǫ] становится единицей фонологической системы, фонемой /ǫ/, противопоставленной фонеме /o/ и т. д. А именно характеристика системы, сложившейся после падения редуцированных, и является главным предметом исследования.

Исключение вопроса о просодемах в определенной степени может быть обосновано и тем, что, судя по специальным исследованиям, вопросы об интонации, ударении, количестве и для древнейшего периода развития древнерусского языка относились уже не к области фонологии, а к морфонологии и морфологии¹¹.

¹⁰ П. Ивич. Основные пути развития сербохорватского вокализма. «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 4.

¹¹ Имется в виду прежде всего книга Chr. S. Stang'a «Slavonic accentuation» (Oslo, 1957).

III. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СИСТЕМЫ

§ 15. Типы позиционной мены и характер звуковых единиц в системе древнерусского языка

Фонетическая система древнерусского языка характеризовалась преимущественно параллельным типом позиционной мены. Позиционная мена перекрещивающегося типа была морфологически и лексически ограничена. Она определялась: меной [э] // [с], [э] // [ж'], [з] // [ш'] на стыке приставок, предлогов на -з и корней на начальный шумный согласный и в слове *лѣзу* — *лѣсти* (ср. *несу* — *нести*), меной [ы] // [ѣ], [ь] // [ѣ] [и] // [и], [ь] // [и], которая главным образом сопровождала образование местоименных форм прилагательных от именных форм и меной [р], велярного или палатального, в зависимости от фонетического окружения.

Следовательно, в системе древнерусского языка XI — начала XII века не различались сильные и слабые позиции функционирования для большей части фонем.

Кратчайшая звуковая единица системы в любой позиции одинаково функционировала в словоформе и морфеме.

Поэтому для описания фонологической системы древнерусского языка на рубеже XI—XII вв. достаточно выделить и определить с помощью дифференциальных признаков одну фонологическую единицу — фонему, имея в виду ее функционирование как в морфеме, так и в словоформе.

§ 16. Различительная функция согласных. Оппозиции согласных

Выполняя различительную функцию, согласные образовывали оппозиции — парадигматический план системы¹². Характеристика парадигматики фонем проводится с учетом функционирования фонемы в слове и в морфеме. Выделяем оппозиции, для которых дифференциальными признаками (ДП) могли быть: 1) твердость-мягкость, 2) глухость-звонкость, 3) способ образования в разных соотношениях и 4) место образования в разных соотношениях.

Характеристика оппозиций по данным ДП оказывается необходимой и достаточной для понимания развития фонологической системы русского диалектного языка на протяжении XI—XV вв.

¹² При рассмотрении способа и места образования как ДП использована работа проф. А. А. Реформатского «Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке». «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1955, № 8.

1. Выделение ДП «твердость-мягкость» в данной системе связано с известными трудностями. После появления согласных вторичного смягчения палатальные согласные: *н', р', л', с', з'* (из *д'з'*) совпали с палатализованными: *н', р', л', с', з'*; стали палатализованными полумягкие губные и зубные, появились: *п', б', в', м', т', д'*; возникли пары: *п—п', б—б', в—в', м—м', т—т', д—д'* *с—с', з—з', н—н', р—р', л—л'* (11 пар). Но в эту эпоху все твердые согласные сочетались в слог с гласными непередними, а все мягкие, палатализованные, как и палатальные — с гласными переднего ряда, т. е. ДП твердость-мягкость характеризовал последовательность фонем, состоящую из согласного (или сочетания согласных) и гласного одной зоны образования. Такую последовательность фонем с общим ДП проф. Р. И. Аванесов назвал силлабемой¹³. Силлабема — это не особая фонологическая единица наряду с фонемой, а особое состояние системы, переходной от вокалистической, в которой «переднее-непереднее» образование гласных было ДП в системе вокализма, а полумягкость согласных зависела от передних гласных, к системе консонантной, в которой «твердость-мягкость» станет качеством согласных, полностью независимым от гласных, а позиционная мена гласных по ряду окажется зависимой от твердости-мягкости согласных.

Силлабема характеризовала произносительную систему, слог как произносительную единицу, но в ней реализовалась определенная фонологическая система. Поэтому данное понятие имеет отношение не только к синтагматическому, но и к парадигматическому плану системы, к определению ДП фонем.

О том, что фонологическое противопоставление согласных по твердости-мягкости еще не сложилось в языке, свидетельствует и состояние парадигм именного склонения с древнейшими основами на *ō и на *ā. Отношение флексий к основе в системе этого времени уже не определялось отсутствием или наличием [j] в конце основы, но еще не определялось и твердостью или мягкостью конечного согласного основы: например, флексии местного падежа единственного числа слов мужского, среднего рода: —/ê/ и —/и/, флексии винительного падежа множественного числа слов мужского рода: —/ы/ и —/ê/, флексии родительного падежа единственного числа и именительного, винительного падежа множественного числа слов женского рода: —/ы/ и —/ê/, флексии местного падежа единственного числа слов женского рода: —/ê/ и —/и/. Становление новых парадигм в этих типах склонения в диалектах с развитой корреляцией твердых-мягких согласных фонем идет в связи с этой корреляцией.

¹³ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестн. Моск. ун-та», 1947, № 1.

Согласные *j, ш', ж'*, аффрикаты: *ц', ч', д'ж'* были палатальными. Согласные *к, г, х* были велярными.

Отсутствие живой позиционной мены по твердости-мягкости, связанность данного качества со слогом в целом делает невозможным интерпретацию начальных мягких согласных во внутриморфемных сочетаниях типа *с'т', м'л', з'д'* и т. п. или начальных твердых согласных в сочетаниях типа *ст, зд* и т. п., как разновидностей слабых по твердости-мягкости фонем и при определении фонемного состава слова. Это были связанные сочетания фонем не только в слог, но и в слове, и в морфеме, т. е. и на словофонематическом и на морфофонематическом уровне¹⁴.

В дальнейшем описании оппозиций и ДП согласных фонем — для обозначения парных твердых-мягких согласных звуков, между которыми еще не сложилось фонологическое противопоставление по твердости-мягкости, используем в фонематической транскрипции заглавные буквы, т. е. противопоставленные согласные [п], [п'] обозначим как /П/ и т. д.

2. ДП «глухость-звонкость» объединял в пары согласные фонемы: /П/ — /Б/; /Т/ — /Д/; /С/ — /З/; /ш'/ — /ж'/; /ч'/ — /д'ж'/; /к/ — /г/. Глухость согласных /ц'/, /х/, звонкость и сонорность согласных фонем /В/, /М/, /Н/, /Р/, /Л/ была вне данной оппозиции.

Как уже известно, позиционное варьирование по глухости-звонкости ограничивалось меной [з]//[с] в определенных морфологических условиях. Поэтому лишь на определенных морфологических стыках звук [с] или [з] является реализацией слабой по глухости-звонкости фонемы: I. [ист'еб'е], [из дому], [л'ес'т'и]; II. /исз'т'еб'е/, /исз' дому/, /л'есз'т'и/¹⁵.

Отсутствие позиционной мены в других случаях не позволяет интерпретировать первый глухой или звонкий согласный сочетаний типа [ст], [ск], [зд], [зг] как разновидность слабой по глухости-звонкости фонемы. Глухость или звонкость характеризовала сочетание согласных в целом. Это — связанные сочетания фонем с общим признаком глухости или звонкости и на словофонематическом и на морфофонематическом уровне.

3. Оппозиция по «способу образования» может быть представлена как ряд частных двучленных оппозиций.

3.1. ДП «назальность-неназальность» объединял четыре пары: /М/ — /Б/; /М/ — /П/; /Н/ — /Д/; /Н/ — /Т/.

3.2. ДП «взрывность-фрикативность» характеризовал оппозицию из 4-х пар: /Т/ — /С/; /Д/ — /З/; /Б/ — /В/; /к/ — /х/.

¹⁴ Разграничение двух фонологических уровней, как и общее понятие связанных фонем, взято у Р. И. Аванесова (см. его книгу «Фонетика современного русского литературного языка»).

¹⁵ Римская цифра I обозначает, что дальше следует фонетическая транскрипция, римская цифра II обозначает фонематическую транскрипцию.

- 3.3. ДП «взрывность-аффрикатность» характеризовал пару: /Т/—/ц'/.
- 3.4. ДП «фрикативность-аффрикатность», объединял три пары: /С/—/ц'/; /ш'/—/ч'/; /ж'/—/д'ж'/.
- 3.5. ДП «латеральность-вibrантность» характеризовал пару: /Л/—/Р/.

Фонемы /П/, /Г/ стояли вне бинарных противопоставлений по способу образования.

4. Оппозиция по «месту образования» может быть представлена как ряд частных двучленных или как ряд частных многочисленных оппозиций.

Рассмотрим вначале эту общую оппозицию как ряд двучленных противопоставлений.

- 4.1. ДП «лабиальность-дентальность» объединял четыре пары: /П/—/Т/; /Б/—/Д/; /М/—/Н/; /В/—/З/.
- 4.2. ДП «дентальность-альвеолярность» имели три пары: /С/—/ш'/; /З/—/ж'/; /ц'/—/ч'/.
- 4.3. ДП «лабиальность-гutturальность» характеризовал две пары: /П/—/к/; /Б/—/г/.
- 4.4. ДП «дентальность-гutturальность» характеризовал оппозицию из трех пар: /Т/—/к/; /Д/—/г/; /С/—/х/.

Эту общую оппозицию можно представить и как ряд частных оппозиций такого рода:

- 4.1. Лабиальность-дентальность-гutturальность: /П/—/Т/—/к/; /Б/—/Д/—/г/.
- 4.2. Лабиальность-дентальность: /М/—/Н/.
- 4.3. Лабиальность-дентальность-альвеолярность: /В/—/З/—/ж'/.
- 4.4. Дентальность-альвеолярность-гutturальность: /С/—/ш'/—/х/.

Фонемы /д'ж'/, /Л/, /Р/ были вне данных оппозиций по «месту образования».

При временном изменении и территориальном варьировании фонологической системы древнерусского языка оказывалась возможной нейтрализация двучленных оппозиций по месту образования. Поэтому в работе эта общая оппозиция чаще будет представлена как ряд частных двучленных противопоставлений.

§ 17. Различительная роль гласных. Оппозиции гласных

Гласные фонемы выполняли свою различительную функцию, противопоставляясь друг другу по степени подъема, по редуцированности-нередуцированности и по лабиализованности-нелабиализованности. Различалось четыре степени подъема: верхний, верхнесредний, средний и нижний. Различение по ряду не могло использоваться для противопоставления, так как переднее или непереднее образование гласных было свя-

зано с предшествующей мягкостью или твердостью согласных в слоге. В частной системе гласных среднего и верхнесреднего подъема не могло осуществляться и противопоставление по лабиализованности-нелабиализованности, так как в это время нелабиализованность или лабиализованность гласных среднего и верхнесреднего подъема была неразрывно связана с их передним или непередним образованием.

§ 18. Состав ДП согласных фонем

С учетом выделенных оппозиций согласные фонемы древнерусского языка XI—XII века характеризуются следующими ДП:

- /П/ — глухость, неназальность, лабиальность.
 /Б/ — звонкость, неназальность, взрывность, лабиальность.
 /В/ — фрикативность, лабиальность.
 /М/ — назальность, лабиальность.
 /Т/ — глухость, неназальность, взрывность, дентальность.
 /Д/ — звонкость, неназальность, взрывность, дентальность.
 /Н/ — назальность, дентальность.
 /С/ — глухость, фрикативность, дентальность.
 /З/ — звонкость, фрикативность, дентальность.
 /Л/ — латеральность.
 /Р/ — vibrантность.
 /ш'/ — глухость, фрикативность, альвеолярность.
 /ж'/ — звонкость, фрикативность, альвеолярность.
 /ц'/ — аффрикатность, дентальность.
 /ч'/ — глухость, аффрикатность, альвеолярность.
 /д'ж'/ — звонкость, аффрикатность, альвеолярность.
 /к/ — глухость, взрывность, gutтуральность.
 /г/ — звонкость, gutтуральность.
 /х/ — фрикативность, gutтуральность.

§ 19. Состав ДП гласных фонем

- /и-ы/ — верхний подъем, нелабиализованность, нередуцированность.
 /ѳ-у/ — верхний подъем, лабиализованность, нередуцированность.
 /ѣ/ — верхнесредний подъем, нередуцированность.
 /е-о/ — средний подъем, нередуцированность.
 /ь-ѳ/ — средний подъем, редуцированность.
 /ѧ-а/ — нижний подъем, нередуцированность, нелабиализованность.

§ 20. О фонологической характеристике [ш'т'ш'] и [ж'д'ж']

В перечне согласных фонем древнерусского языка есть фонема /д'ж'/ и отсутствуют /ш'т'ш'/ и /ж'д'ж'/.

В то же время в истории восточнославянских языков звуковые комплексы

{ш'т'ш'}, {ж'д'ж'}, развившиеся из праславянских сочетаний *skj, *stj, *zgj, *zdj, обычно рассматриваются как отдельные звуковые единицы. С диахронической точки зрения такое рассмотрение допустимо и вполне объяснимо: они развились из определенных праславянских комплексов, имеют закономерные соответствия в других славянских языках, развиваются параллельно по диалектам восточнославянских языков в долгие мягкие или долгие твердые шипящие или дают другие рефлексы.

Но при синхронном описании фонологической системы древнерусского языка XI—XII вв. такое понимание этих единиц, особенно {ш'т'ш'} встречает трудности.

Из описания системы следует, что: 1) аффриката [ч'] не обязательно сочетается с предшествующим шипящим [ш'], 2) сочетание {ш'ч'} возникает на морфологическом стыке и в результате позиционной мены (см. §13), 3) для единицы {ш'ч'} нельзя найти ДП, которые отличали бы ее от фонемы /ч'/. Следовательно, есть основание рассматривать {ш'ч'} как сочетание фонем /ш'/ и /ч'/ или /C/+ч'/, /З/+ч'/. Сочетание фрикативного с аффрикатой допускалось данной системой. Параллельное звонкое сочетание {ж'д'ж'} в этом случае можно интерпретировать как сочетание фонем /ж'/ и /д'ж'/. Правда, наличие [д'ж'] обязательно предсказывает предшествующий мягкий звонкий шипящий [ж']. Возможно, что вторая часть сочетания фонем /ж'+/д'ж'/ была сильно палатализованным [д'], который развивал после себя фрикацию. В древнерусских памятниках письменности вторая фонема сочетания обозначается как буквой *д*, так и буквой *г*, *жг* (см. § 25).

§ 21. О фонеме [j]

Фонологическая природа звука [j], чередующегося с неслоговым гласным [i], трудно определима и в системе современного русского литературного языка, о чем пишет проф. Р. И. Аванесов¹⁶. Еще сложнее определить признаки и место [j] в системе древнерусского языка. В праславянском языке [j] определяют как протезу и исключают из состава фонем¹⁷.

Но, очевидно, что уже в праславянском языке, после того, как изменились сочетания согласных с [j] и возникли фонемы /л'/, /н'/, /р'/ из *lj, *nj, *rj, звук [j] перестал быть чистой протезой и стал приобретать способность выполнять различитель-

¹⁶ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956.

¹⁷ Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., Изд-во АН СССР, 1961.

ную функцию. Возникло противопоставление /р'/—/j/, /л'/—/j/, /н'/—/j/ в словах типа: /мор'а/—/моја/; /вои'а/—/воја/; /вол'а/—/воја/, но были по-прежнему невозможны сочетания гласных и слова типа /моа/, /воа/ и т. п.

В начале слова были возможны: /р'адь/—/ядь/, но было невозможно /азь/. Таким образом, очевидно, можно сказать, что в этот период [j] уже переставал быть протезой, но еще и не оформился как самостоятельная фонема. Поэтому мы еще не включаем [j] в систему согласных фонем древнерусского языка XI—XII вв.

§ 22. Историческое своеобразие системы XI—XII вв.

Специфическое звено описанной фонологической системы, ее историческое своеобразие составляло отношение твердых и мягких согласных и непредних-передних гласных. При интерпретации всех соответствующих фактов в синхронном плане можно было прийти к единственно возможному выводу о том, что ни твердые-мягкие согласные, ни передние-непередние гласные не могли иметь в то время отношения противопоставления и, следовательно, характеризоваться как различные единицы системы языка с ДП «твердость-мягкость» или «переднее-непереднее образование». В то же время нельзя не отметить, что сочетания твердых согласных с непредними гласными и мягких согласных с передними гласными в слоге имели другое значение в системе, чем сочетания лабиовелярных согласных с гласными. Качество лабиовелярности (возможно, в отдельных случаях уже только велярности) было полностью фонетически определено аккомодацией звуков и не было фонематическим на всем протяжении развития древнерусской фонетической системы.

Явление, которое мы вслед за Р. И. Аванесовым назвали силлабемой, несло определенный след недавней истории и содержало зародыш будущего фонологического развития.

В предшествующей системе (после утраты носовых, но до вторичного смягчения) десять согласных фонем: /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /р'/, /с/, /с'/, /з/, /з'/ образовывали пять пар с ДП «твердость-мягкость». Они могли различать звуковой состав морфем и слов, противопоставляясь друг другу перед гласными фонемами: /и/, /у/, /è/, /ь/, /е/, /а/, /ã/; было невозможно противопоставление перед: /о/, /ы/, /ь/. Например, /кони/—им. мн. от /конъ/—/кон'и/—от /кон'ь/; /воли/—повел. накл. от глагола IV кл. /волити/—/вол'и/—дат. и местн. пад. ед. ч. от /вол'а/; /володимири/—имя существительное—/володимири'и/—имя прилагательное; /вози/—им. мн. ч. от /возь/—/ноз'и/—им. мн. от /нога/; /гуси/—/мус'и/—от /муха/; /конь/—«начало, предел»—/кон'ь/ «животное»; /быль/—«трава, растение»—/быль'ь/ «вельможа»; /зверь/—/рыбар'ь/; /грáзь/—

/кнѣз'ь/; /вьсь/ «vicus» — /вьс'ь/ «omnis»; /доле! — /пол'а/ /даре! — /мор'е/; /кона/ — /кон'а/; /володимира/ — /володимира/; /мороза/ — /кнѣз'а/; /овьса/ — /вьс'а/; /ну/ — /н'у/; /волу/ — /вол'у/; /кору/ — /кор'у/; /ризу/ — /стьз'у/; /осу/ — /вьс'у/; /волѧ/ — причастие от глагола /волити/ — /глагол'ѧ/ — причастие от глагола /глаголати/; /дарѧ/ — причастие от глагола /дарити/ — /бор'ѧ/ — причастие от глагола /бороти/; /конѧ/ — дат. п. ед. ч. от /конь/ — /рабын'ѧ/ — род. п. ед. ч.; /порѧ/ — дат. п. ед. ч. от /пора/ — /бур'ѧ/ — род. п. ед. ч.; /селѧ/ — местн. ед. ч. от /село/ — /вол'ѧ/ — род. ед. ч.; /ризѧ/ — /ноз'ѧ/; /коцѧ/ — /мус'ѧ/ и др.

Позиционными разновидностями твердых согласных фонем были соответствующие полумягкие согласные звуки.

В предшествующей системе были разными фонемами, противопоставленными по месту образования, после твердых согласных фонем (кроме заднеязычных) гласные: /и/ — /ы/; /е/ — /о/; /ь/ — /ъ/; /ѧ/ — /а/. Например, /плоди/ — /плоды/; /несль/ — /нось/; /путь/ — /путьь/; /волѧ/ — /вола/ и др.

Вторичное смягчение согласных перед гласными переднего ряда сняло это противопоставление твердых-мягких согласных и передних-непередних гласных. Но в системе назревали изменения, которые должны были разрушить силлабему, заменив ее противопоставлением согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

Фонематическое преобразование материально готовилось в системе XI—XII вв. Этому изменению способствовали различные факторы. Среди них можно назвать следующие:

1. Отсутствие физиологической обусловленности твердых и мягких согласных перед гласными [a], [ǎ], [y], [Ǚ], эта обусловленность была лишь позиционной.

2. Более тесная функциональная связь между передними и непередними гласными, чем между твердыми и мягкими согласными, что проявлялось в морфологическом тождестве [y] и [Ǚ], [e] и [o], [ь] и [ъ], [ǎ] и [a]. Например, дат. пад. ед. числа: /кону/ — /кон'у/; вин. пад. ед. ч.: /жену/ — /зем'у/; имен. пад. ед. ч.: /село/ — /пол'е/, твор. пад. ед. ч.: /селомь/ — /пол'емь/, зват. форма: /жено! — /з'ем'л'е!, дат. пад. множ. ч.: /кономь/ — /кон'емь/, дат. — местн. двойств. ч.: /конома/ — /кон'ема/; им., вин. ед. ч.: /конь/ — /кон'ь/, творит. пад. ед. ч.: /коньмѧ/ — /кон'ьмѧ/; им. ед.: /жена/ — /зем'л'ѧ/; дат. мн.: [ж'енамь] — /з'ем'л'амь/; твор. множ.: [ж'енами/ — /зем'л'ами/; местн. множ.: /ж'енахь/ — /зем'л'ахь/.

Отличались звуки [и], [ы], которые лишь в отдельных формах образовывали морфологическое тождество: твор. пад. множ. ч.: /стола/ — /кон'и/. В большинстве форм такого тождества не было, ср. род. пад. ед. ч.: /жены/ — /зем'л'ѧ/; имен., вин. пад. мн. ч.: /жены/ — /зем'л'ѧ/; винит. пад. множ. ч.: /стола/ — /кон'ѧ/.

Материальная возможность фонематического отношения между парными твердыми-мягкими согласными превратилась в реальность системы в связи с падением редуцированных и после него.

§ 23. Падение редуцированных

Падение редуцированных существенно изменило фонологическую систему всех диалектов русского языка. Преобразование системы русского диалектного языка в основном свелось к следующему: а) утратилась автономность слога, увеличилась возможность межслогового взаимодействия звуков, возникла нового типа позиционная мена звуков и эта мена стала разнообразнее.

б) ДП «твердость-мягкость» характеризует уже не последовательность фонем: «твердый согласный+непередний гласный» — «мягкий согласный+передний гласный», а только систему консонантизма. Признак «непереднее-переднее образование» гласных становится результатом позиционной мены гласных и исключается из числа возможных ДП гласных.

в) Появляется позиционная мена гласных по напряженности, и в условиях этой позиционной мены признак «напряженность-ненапряженность» также не дифференциальный.

г) Признак «лабиализованность-нелабиализованность» распространяется как ДП на частную систему гласных среднего подъема, а согласные утрачивают синтагматически определяемое качество лабиовелярности или нелабиовелярности.

д) Позиционное варьирование по твердости-мягкости, глухости-звонкости, по способу и месту образования в связи с ассимилятивными и диссимилятивными процессами в новых сочетаниях согласных образует новый тип позиционной мены — перекрещивающийся, что создает различие сильных и слабых позиций для согласных фонем в словоформе. Фонологические единицы сильных позиций сохраняют свои ДП и одинаково функционируют в словоформах и морфемах. Фонологические единицы слабых позиций имеют меньший пучок ДП и, выполняя различительную функцию в словоформе, могут утрачивать ее в морфеме.

Возникает принципиально новая система консонантизма, различающая две фонологические единицы: фонему (сильную и слабую) в словоформе и фонемный ряд в морфеме.

е) Ряды согласных, парных по глухости-звонкости и твердости-мягкости в связи с появлением позиций нейтрализации по данным ДП получают признаки соотносительных рядов.

ж) Уменьшается число гласных фонем.

з) Варьирование гласных фонем зависит прежде всего от влияния согласных.

Фонологическая система русского языка приобретает яркие признаки консонантной системы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НА РУБЕЖЕ XI—XII вв. В ЕЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ

Исходная фонологическая система дана как наддиалектная, лишенная диалектных различий. Но реально языковая система на любом уровне функционировала в своих диалектных (территориальных) разновидностях. В этот период юг и юго-запад древнерусской языковой территории уже противопоставлялись северу и северо-востоку. На территории Ростово-Суздальской, Новгородской, Псковской земель, т. е. на территории, где позже оформились северные диалекты великорусского языка, были диалектные различия между северо-востоком, Ростово-Суздальской землей и северо-западом — Новгородом и Псковом. Отдельные различия делили северо-запад на новгородскую и псковскую группу.

Реконструкция этих различий основывается на данных более поздних письменных текстов (XII—XIV вв.) и на данных современных говоров.

§ 24. Ростово-суздальские диалектные черты

Описанная система, очевидно, соответствовала системе ростово-суздальского диалекта. Трудно сказать, были ли в этой диалектной системе внутриморфемные сочетания фонем /ш'ч'/, /ж'д'ж'/ или на их месте после утраты затвора уже развились долгие мягкие шипящие: [ш:], [ж:]. Поскольку звонкий взрывной элемент утрачивался раньше, то, возможно, возник уже звонкий долгий шипящий [ж:], но еще сохранялось сочетание [ш'ч'].

§ 25. Новгородские диалектные черты

Консонантизм новгородского диалекта отличался рядом черт от ростово-суздальского. В соответствии с ростово-суздальскими [в], [в'] в новгородском диалекте были звуки [w],

[w']. В. Г. Орлова в исследовании о губных спирантах устанавливает четыре группы диалектов в зависимости от функционирования звуков: [в], [в'], [ф], [ф'], [w], [w'], [ÿ], [y] ¹.

Эти четыре группы генетически можно свести к двум группам диалектов (для эпохи накануне падения редуцированных): к диалектам со звуками [в], [в'] и диалектам со звуками [w], [w']. Древненовгородский диалект относился к последним. Об этом свидетельствуют и данные говоров, описанные В. Г. Орловой, и факты письменных текстов XIII—XV вв., о которых пойдет речь ниже (см. гл. III).

Для небольшой части говоров новгородского диалекта можно предположить ослабление взрыва у заднеязычного звонкого согласного, изменение [г] > [γ] в некоторых позициях.

В истории русского языка известны достаточно обоснованные выводы о раннем возникновении диалектного различия в связи с качеством заднеязычного звонкого согласного. В результате исторической интерпретации изоглоссы [г] — [γ] на картах Атласа русских народных говоров путем сопоставления лингвистических карт с историческими проф. Р. И. Аванесов пришел к выводу о возникновении различия между [г] — [γ] еще в племенных диалектах восточных славян ². Проф. Р. И. Аванесов объясняет возникновение основной изоглоссы [г] — [γ], поэтому его выводы о раннем ослаблении взрыва у заднеязычного звонкого согласного относятся к тем диалектам, которые легли в основу южновеликорусских говоров русского языка.

Проф. А. М. Селищев писал о том, что «различие [г] — [γ] не чуждо было и севернорусской группе», «различие между русским югом и юго-востоком, с одной стороны, и севером, с другой, заключается в интенсивности процесса [г] > [γ]». А. М. Селищев отмечает, что в одних северных говорах благоприятным моментом для изменения [г] > [γ] было «нахождение» в окончании местоимений и прилагательных», в других — такое ослабление наблюдается в конце слова. «В некоторых северных русских говорах [г] > [γ] и перед гласными» ³.

Известны многочисленные сведения диалектологов о фонеме /γ/ в северных говорах. Эти данные ограничиваются территорией древненовгородского диалекта и территорией, колонизованной носителями древненовгородского диалекта. Так, А. М. Селищев отмечает [γ] перед гласными по говорам Оло-

¹ В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Тр. Ин-та русск. яз. АН СССР», 1950, т. 2, стр. 167—211.

² Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

³ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. «Slavia», Praha, 1928, roč. VII, seš. 1, стр. 36.

нецкой, Архангельской и Вятской губерний. М. Н. Бувальцева отмечает ослабление взрыва в белозерских говорах Вологодской области⁴.

В новгородских текстах XIII—XV вв. известны формы родительного падежа местоимений и прилагательных только с буквой *г* в окончании типа: *твоего, нового, большого*, в то время как в ростово-суздальских текстах часто представлены подобные формы с буквой *в*: *твоево, новово*.

Отпадение *г* в корне *господ-* в новгородских берестяных грамотах из раскопок 1952 г. проф. Р. И. Аванесов⁵ объясняет как лексико-фонетическое явление, не стоящее в связи с качеством заднеязычной звонкой фонемы как единицы фонологической системы. Проф. В. И. Борковский готов видеть в этом отпадении и более широкое фонетическое явление, свидетельствующее о произношении звонкого фриктивного согласного⁶. Наиболее убедительными являются данные современных северных говоров, восходящих к древненовгородскому диалекту, в системе которых [γ] не может быть новообразованием. Однако в отличие от южновеликорусских говоров в северновеликорусских звук [γ] всегда сосуществует со звуком [г], т. е. в части северновеликорусских говоров оказывается возможным различие фонем /г/ и /γ/, так как звуки [г] и [γ] могут быть в тождественных фонетических условиях.

В этой части говоров новгородского диалекта менялся объем оппозиции по месту образования: кроме оппозиции /Б/ — /Д/ — /г/ возникла оппозиция /W/ — /З/ — /γ/. Изменялся состав пар в оппозиции с ДП «глухость-звонкость»: кроме пары /г/ — /к/ появлялась пара /х/ — /γ/. Фонема /г/ получила еще один ДП — взрывность.

Древненовгородский диалект характеризовался мягким цоканьем, что меняло объем оппозиции по месту образования: ДП «дентальность-альвеолярность» включал не три, а две пары: /С/ — /ш'/, /З/ — /ж'/⁷.

Памятники древненовгородской письменности XII—XV вв. не позволяют реконструировать полную утрату оппозиции с ДП «дентальность-альвеолярность» для древненовгородского диалекта XI—XII века. Но современные говоры, генетически связанные с древненовгородским диалектом и оказавшиеся в своей истории связанными с финскими диалектами, знают не

⁴ М. Н. Бувальцева. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Канд. дисс. М., 1955.

⁵ Р. И. Аванесов. Фонетика. В кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 98—99.

⁶ В. И. Борковский. Фонетика. В кн.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. «Новгородские грамоты на бересте». М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 106.

⁷ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959.

только мягкое цоканье или его следы, но и неразличение фриктивных шипящих и свистящих. Возможно, что такая полная утрата противопоставления дентальных и альвеолярных произошла во время колонизации носителями древненовгородского диалекта северной и восточной территорий, т. е. в период XVI—XVII вв.⁸

Вопрос о качестве аффрикат в сочетании с шипящими в древненовгородском диалекте до сих пор обсуждается. Проф. Г. И. Геровский подводит итог всем основным высказываниям по этому поводу и, проанализировав графические особенности славянских текстов разного происхождения, убедительно показывает невозможность трактовать новгородское написание *жс* как обозначение [ж'j] и соответственно реконструировать [ш'х']. Он считает, что *жс* — это новгородский графический вариант в обозначении [ж'д'ж']⁹. Р. Брандт, а позже А. М. Селищев склонны считать *жс* в новгородских и псковских памятниках как обозначение смягченного [д']¹⁰. В фонетическом отношении обе реконструкции тождественны, так как сильно палатализованный согласный [д'] произносится как [д'з'] или [д'ж']¹¹.

Очевидно, что при реконструкции древненовгородских (и псковских) сочетаний шипящих и аффрикат следует выбрать варианты [ж'д'ж'], [ш'т'ш']. Вариант [ж'д'], [ш'т'], известный островками в современных говорах, очевидно, относится к более поздней эпохе.

§ 26. Псковские диалектные черты

Консонантизм древнего Пскова и его области близок новгородскому. Отсутствие противопоставления /С/ — /ш'/, /З/ — /ж'/ было несомненно в древнепсковском диалекте. Правда, древнепсковские тексты XII в. неизвестны, но тексты XIV века широко отражают смешение букв *с* и *ш*, *з* и *ж*.

⁸ См. Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1954, вып. VI; Г. А. Турбин. Шепелявенье мягких зубных согласных в уральских говорах. В кн.: «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г.». М., 1965; В. В. Колесов. К фонологическому объяснению севернорусского цоканья. В кн.: «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г.». М., 1965.

⁹ Г. И. Геровский. Древнерусские написания *жсч*, *жсг* и *г* перед передними гласными. «Вопросы языкознания», 1959, № 4, стр. 52—59. Проф. Р. О. Якобсон также не связывает различие написаний с различиями в произношении.

¹⁰ Р. Ф. Брандт. Лекции по истории русского языка. М., 1913, стр. 15—16 (цит. по ст. Г. И. Геровского); А. М. Селищев. Ук. соч., стр. 39.

¹¹ Произношение [д'ж'] в настоящее время отмечается в некоторых псковских говорах. См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., Учпедгиз, 1949, стр. 136.

Наличие мягкого цоканья и [с''], [з''] приводило к полной утрате оппозиции с ДП «дентальность-альвеолярность».

Очень важно, что и в древненовгородской, и особенно в псковской системе фонем, сокращалась потенциальная возможность дальнейшего развития противопоставленных «твердых-мягких» согласных фонем, так как уменьшалась материальная основа развития возможной оппозиции по данному ДП. Уже в период до падения редуцированных исключались в псковском диалекте возможные пары /с/ — /с'/, /з/ — /з'/.

Уменьшалась и возможность развития противопоставления в системе губных спирантов, так как пара [w], [w'] не могла преобразоваться в члены оппозиции с ДП «твердость-мягкость» в конце слова и слога.

Псковский диалект имел и лексико-фонологическое отличие: сочетание [кл], [гл] в немногих словах на месте праславянских *tl, *dl и в соответствии с [л] других диалектов.

§ 27. Консонантные диалектные различия на севере Руси на рубеже XI—XII вв.

Таблица 3

Диалект	Северо-восток		Северо-запад	
	ростово-суздальский	новгородский	псковский	
Характер различия				
Фонологические	1. Качество губных спирантов	/В/	/W/	
	2. Различение или неразличение аффрикат	/ц'—/ч'/	/ц''/	
	3. Противопоставление шипящих и свистящих или его отсутствие	/С/—/ш'/ /З/—/ж'/	/с''/ /з''/	
	4. Качество заднеязычных и звонких согласных	/г/	/г/—/γ/ по говорам	
Лексико-фонологические	Праславянские *tl, *dl	/л/	/кл/ /гл/	

§ 28. О вокалистических диалектных различиях

Наиболее раннее развитие древнерусских диалектных различий в области вокализма было обязано одновременности процесса падения редуцированных по диалектам русского языка.

Можно предположить, что на северо-восточной территории, в пределах Ростово-Суздальской земли и на путях ростово-суздальской колонизации падение редуцированных закончилось раньше, чем на северо-западе, на земле новгородской. Позднее всего падение редуцированных имело место на севере, в местах новгородской колонизации, в говорах по течению Северной Двины.

Свидетелями этой разновременности можно считать некоторые графико-орфографические приемы у писцов ростово-суздальских грамот и писцов новгородских и двинских грамот XIII—XV вв.

Грамоты из архива Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, из архива Ферапонтова Белозерского монастыря, из архива Кириллова Белозерского монастыря XIV—XV вв., московские грамоты, относящиеся к XIV—XV вв., не знают обязательного написания буквы для гласной в конце строки, в этом положении может быть и буква для согласного, не знают употребления букв ъ и ь для обозначения звуков [е] и [о]. Исключением является лишь грамота № 308 из архива Кириллова Белозерского монастыря, где буква ъ обозначает звук [е] в словах: *вьликог(о), Фьдора Сьм(е)на, старьць, сьмьн, Фьтко.*

В новгородских грамотах XIV века, по свидетельству академика А. А. Шахматова, в конце строки пишется буква для гласного, во многих грамотах по традиции пишется буква ъ или ь для обозначения соответственно звуков [о], [е]¹².

В двинских грамотах XV века конец строки оканчивается буквой для гласной, в этом положении можно найти и буквы ъ, ь, лишенные звукового значения, как показатели конца строки, звуки [о] и [е] могут обозначаться буквами о, е и буквами ъ, ь¹³. Смещение букв ъ, ь с о, е в новгородских грамотах XIV в., в двинских грамотах XV в. принадлежат только графике и не связаны с живыми явлениями языка XIV—XV вв.

Но проведение данной графической черты в актовых текстах севера и северо-запада и ее отсутствие в подобных текстах северо-востока XIV—XV вв. может свидетельствовать о разном времени утраты редуцированных звуков на территории северновеликорусского наречия, о том, что эта утрата шла с северо-востока на северо-запад и север.

В плане синхронном эта разновременность создавала диалектные различия для эпохи XII—XIII вв.: в системе диалек-

¹² А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. 1. СПб., 1885—1895.

¹³ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., чч. 1—2. В кн.: «Исследования по русскому языку», т. 2, вып. 3. СПб., 1903.

тов северо-востока редуцированные уже утратились и стали развиваться явления, вызванные падением редуцированных, на северо-западе и севере редуцированные, очевидно, сохранились до середины, а, возможно, в отдельных говорах и до конца XIII в., и соответственно позже стали формироваться те фонетические черты, которые связаны с утратой фонем /ь/ и /ъ/. Разновременная утрата фонем /ъ/ и /ь/ не дала топоизоглосс на данной территории, и ее можно определить лишь как временную изоглоссу (хроноизоглоссу).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСОНАНТНОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Каждое синхронное состояние системы языка имеет главные, существенные для понимания всей системы звенья. Таким звеном в фонологической системе русского языка на рубеже XIV—XV вв. была категория согласных фонем, парных по твердости-мягкости. Последовательное развитие противопоставления согласных фонем по твердости-мягкости определило не только специфику русского языка — консонантность его фонологической системы, противопоставив его другим славянским языкам, о чем писал Р. О. Якобсон¹, но и наиболее существенные диалектные различия внутри русского языка, во всяком случае на территории северной Руси, где складывалось северновеликорусское наречие: на Псковской, Новгородской, Ростово-Суздальской землях и на путях Новгородской и Ростово-Суздальской колонизации.

Поэтому изложение материала третьей главы начинаем с описания фактов о развитии согласных фонем, парных по твердости-мягкости. Композиция главы зависит от понимания автором внутренних связей между отдельными звеньями развивающейся системы периода XIV—XV вв.

1. СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ, ПАРНЫЕ ПО ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ

§ 29. Появление сильных позиций для твердых-мягких согласных фонем в ростово-суздальском диалекте

Развитие фонологического противопоставления согласных, парных по твердости-мягкости, выражалось в оформлении сильных позиций, где твердость или мягкость согласных не была позиционной, обладала релевантностью и могла служить

¹ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929, гл. VII.

дифференциальным признаком противопоставленных фонем.

Появление в той же системе позиций нейтрализации данного противопоставления делало несомненным выделение самого дифференциального признака.

Теоретически можно предположить, что все противопоставленные силлабемы типа «твердый согласный + непередний гласный» — «мягкий согласный + передний гласный» исходной системы преобразовывались в противопоставленные «твердые-мягкие» согласные фонемы и позиционные разновидности соответствующих гласных, после того как конечные силлабемы «твердый согласный + [ъ]» — «мягкий согласный + [ъ]» изменились в противопоставленные «твердый согласный — мягкий согласный»².

Конец слова стал решающей сильной позицией для согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

В ростово-суздальском диалекте на конце слова должно было сложиться противопоставление следующих согласных: /п/ — /п'/, /б/ — /б'/, /в/ — /в'/, /т/ — /т'/, /д/ — /д'/, /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, /м/ — /м'/, /н/ — /н'/, /р/ — /р'/, /л/ — /л'/. Но в русском языке одновременно шел процесс позиционного оглушения и озвончения согласных³. Поэтому к рубежу XIV—XV вв. на конце слова могли противопоставляться лишь следующие согласные: /п/ — /п'/, /ф/ — /ф'/, /т/ — /т'/, /с/ — /с'/, /м/ — /м'/, /н/ — /н'/, /р/ — /р'/, /л/ — /л'/.
М. Ев.: хлѣбъ 94б — голубъ 20б г: /п/ — /п'/; вѣставъ 88в — кровь 103а: /ф/ — /ф'/; храмъ 83б — семь 93б: /м/ — /м'/; животъ 87в — путь 94б: /т/ — /т'/; бѣсъ 91г — весь 87в: /с/ — /с'/; жонъ 211б — жизнь 66а: /н/ — /н'/.
Р.-с. гр.: [дуп] — сыпь: /п/ — /п'/; правъ — кровь: /ф/ — /ф'/; внизъ — есь: /с/ — /с'/; мытъ — мыть: /т/ — /т'/; станъ — грань: /н/ — /н'/; кормъ — семья: /м/ — /м'/; пиръ — псарь: /р/ — /р'/; селъ — ель: /л/ — /л'/.

Материал письменных текстов XIV—XV вв. свидетельствует об отвердении /м'/ в определенных морфемах:

П. Ев.: дѣломъ и словомъ, л. 11; вѣровавшимъ юдѣемъ, л. 12; видѣхомъ, л. 88б.

Г. Ев.: древникомъ I 26б, 26г, чимъ коупимъ I 16б, недоугомъ I 10 г, предъ сѣмъ (члв(с)кымъ I 109б, надъ оучителе(мъ) I 69б, съ единемъ I 43а, бѣсомъ I 50а, вѣтромъ I 36в; судомъ II 29в, надъ оучителемъ II 31а, княземъ II 34г; великымъ III 77в, своимъ III 81б, добрымъ III 91б, всѣмъ III 83а,

² К. В. Горшкова. Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. В сб.: «Славянская филология», вып. 5. Изд-во МГУ, 1963.

³ Н. И. Самуйлова. Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1963. Автор приходит к выводу, что «соотносительность глухих и звонких согласных на конце слов в XIV веке является сложившейся» (стр. 6).

гноемъ III 82в, родомъ III 91б, страхомъ III 78а; имъ IV 151г, живымъ IV 137г, всѣмъ IV 126г.

М. Ев.: с суперникомъ своимъ 33в, в томъ 97а; р.-с. гр.: есмъ 22, олексъевскомъ 63, тѣмъ, своимъ 47, по потесомъ по старымъ, по гранемъ 290, за болотомъ 290, а осѣкомъ 290 и под.

М. Гр.: со княземъ 2, целымъ своимъ умомъ 2, въ своемъ жеребьемъ, селомъ 19, ямъ 20 и мн. др.

Но отвердение /м'/ в определенных морфемах не означало общей утраты противопоставления твердых-мягких губных на конце слова в ростово-суздальском диалекте. Современные говоры владими́ро-поволжского типа сохраняют это противопоставление. Карта № 64 Атласа⁴ на той части территории, где находятся говоры, генетически связанные с ростово-суздальским диалектом, показывает сплошное распространение слов с конечными неотвердевшими губными. Об этом свидетельствуют и списки слов в ответах на вопросы программы в материалах по великорусской диалектологии⁵.

Различение согласных фонем по твердости-мягкости перед согласными проследить по письменным текстам трудно. Но отдельные позиции различия выделяются: твердые-мягкие зубные перед твердыми губными и заднеязычными согласными, согласные /л/ — /л'/ перед согласными: М. Ев.: возъ//мутъ 83, ксь//мы 25б, съ//мокви 61г, сидоньська 87г, съ//коро 136в, рь//ку 168, рькохъ 23а, силь//наго 43, полъ//на 102в. Р.-с. гр.: Фетько 463 [т'к] — городку 28 [тк]; Иванько 72, поженька 205 [н'к] — рвинкою 280, починки 280, озеринки 280 [нк]; Кузьмокою I [з'м]; Смородинному ручью 260 [см] и др.

Вывод о непозиционной мягкости или твердости основывается на интерпретации написания этимологической и неэтимологической буквы ъ и буквы ѓ после буквы для согласного. При всем разнообразии употребления букв ъ и ѓ в рукописях XIV—XV вв. прослеживается определенное разграничение в употреблении или пропуске этих букв, которое и может быть объяснено как обозначение на письме твердости или мягкости предшествующих согласных. Поскольку интерпретация соответствующих фактов из рукописей Московского Евангелия 1358 года, Галицкого Евангелия 1357 года, Переяславского Евангелия 1354 года представляется автору убедительной, а факты, извлеченные из ростово-суздальских грамот не противоречат тем, которые описаны по рукописям названных евангельских текстов, в работе не повторяется

⁴ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Ч. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1957.

⁵ См. крофь, любофь, семья, пролупь, голупь — из Влад. губ., М. в. XI; кровь, любовь, прорубь, голубь, семья — из Муром. уезда, с. Вача, М. в. XI; стафь, крофь, брофь, остафь, семья, рупь, карапъ — из Нижегород. губ., М. в. XI и др.

принятое в науке объяснение подобных данных письменных текстов.

Появление сильной позиции для парных твердых-мягких согласных фонем на конце слова, а для группы согласных и перед согласными в середине слова, позволяет определить и другие позиции противопоставления согласных фонем по твердости-мягкости в данной системе. Теперь, когда ДП «твердость-мягкость» можно включить в состав ДП согласных фонем: /п/, /п'/, /ф/, /ф'/, /т/, /т'/, /с/, /с'/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /р'/, противопоставленных друг другу на конце слова, появляется возможность интерпретировать слоги, состоящие из «твердого согласного+гласные [а], [о], [у], [ы]» или из «мягкого согласного+гласные [а], [е], [у], [и]», как сочетания твердых или мягких согласных фонем с разновидностями гласных фонем: /а/, /о/, /у/, /и/, т. е. считать сильными для парных по твердости-мягкости согласных позиции перед гласными фонемами: /и/, /у/, /о/, /а/: М. Ев.: пать 94б — падше 203б: /п'+а/ — /п+а/; пии 105в — слъпымъ 22г: /п'+и/ — /п+и/ (позиционно [п+ы]); любли — гроба 11в: /б'+а/ — /б+а/; оубиство 141а — быша 10 в; повит 11а — славы 9 г; видаху 9г — вздаше 10в; народи 10в — цды; всакъ 12 — оужасахуса 11б; възать 14а — в законъ 13г; моръ 10г — мира 13а; морю 70в — въру 12а; кланяетса 22а — знаменья 12а; в нихъ 13в — нынъ 13в. Р.-с. гр.: пиль — пытати; Злобина — был; Митя — мыть; Левинъ — ивы; пни — сосны; судил — груди; мостица — грамоты; спросили — сыномъ; зимний — березы; ели — Улыбошово; кривую — топоры; [голуб'у] — избу; Гридю — роду; зятю — грамоту; всю — сукъ; князю — ъзу; люди — лугъ; деревню — годину; монастырю — кору;

Тюбякъ — собакъ; собя — дуба; обязь — оба; пяти — пахал; Молвянинов — вами; ходячимъ — далъ; зятя — мѣста; косят — коса; зять — указал; земля — дала; терялась — грамоте; рядъ — радъ; имяны — мало; мягково — малъ; на нягцѣх — нась; пеня — пена;

[б'ору] — боровые; [в'ос], [в'озу] — до Взвоза; [Ф'окла] — Фотия; [д'ору] — доръ; [т'осом] — токъ; [по н'ом] — нос; [оз'оро] — березовы; [тр'ох] — сторонъ и др. ⁶

Не все парные по твердости-мягкости согласные и не в одинаковой степени противопоставлялись перед гласными. Так, перед /у/ мягкие губные и зубные могли быть лишь на стыке основы и флексии и в корневых морфемах слов, являющихся собственными именами или топонимическими назва-

⁶ В ростово-суздальском диалекте имело место фонетическое изменение [е] в [о] и распространение слога типа [с'о] по аналогии, см. § 35.

ниями, например, в М. гр.: к Ахметю 38; Бохтюгу 61, Оухтюшк-ку 61.

Очень слабо противопоставлялись /ф/ и /ф'/, так как эти фонемы только вовлекались в фонологическую систему диалекта в связи с возникновением в системе живой позиционной мены [в] // [ф]; [в'] // [ф']. Оппозиция /ф/ — /ф'/ могла быть в заимствованных именах, причем не обнаружено в исследованном материале таких слов, которые различались бы только противопоставлением /ф/ — /ф'/ или /в/ — /ф/, /в'/ — /ф'/.

Важно то, что в фонологической системе ростово-суздальского диалекта развитие оппозиции с ДП «твердость-мягкость» оказалось актуальным, и это противопоставление охватывало весь словарный состав, все те формы словообразования и словоизменения, где оказывались возможными указанные сильные позиции.

§ 30. Появление слабых позиций для твердых-мягких согласных фонем в ростово-суздальском диалекте

Возникновение новых сочетаний согласных типа «твердый согласный+мягкий согласный» или «мягкий согласный+твердый согласный» привело к позиционному смягчению или отвердению согласных по регрессивной ассимиляции. Орфография текстов XIV—XV вв. не позволяет определить все случаи позиционной мены по твердости-мягкости, но отдельные позиции прослеживаются. Так, довольно последовательно отмечается писцами мягкость согласных перед [j]:

М. Ев.: изьъ хльбъ 150а; Г. Ев.: объемлють I 69в, II 28г, IV, 161г; объяденьем I 109б; Р.-с. гр.: съ их товарищы 463; съ его братьею 155; съ ее участъки 54; въжжают 324; по кустовье 19, 21, 27, 33; дьякъ 26, 32, 51; в Шидьяне 15, 21; съ Яхонты 474, у Ферапонты 18; третьяга 51; Федосья 18; Касьяноу 97, 155; Ульяновку 11, 19; по колюю 62; княженья 51; Захарья 51; Мартемьяна 322; изьядин 474;

М. гр.: въ ямъ 45, 58; въждають 17; съ Юлотцькими бортники 61, ср. къ Юлке 61; изь юрьевскихъ 61; съ езы 61; изь ихъ 61; съ Юрьевьскимъ 61; съ ег(о) братьею 47; с отъежъжими 55, състного 13; розьѣздъ 17; съ Ярославомъ 17.

Мягкость зубных перед мягкими губными и зубными: М. Ев.: дьвъ 21в; съвдѣтельствуемъ 14а; съвътъ 216а; зьмию 196б; Г. Ев.: съ/миромъ IV 172б; дьвъ IV 169в; жатьвъ IV 158 г; Р.-с. гр.: съ Ситыси 69; съ Сълциным 47; съ сею с моею грамотою 53; росьсечи 284; съ серебром 436, 446; виновательи 156; печятынику 90; людьми 98; отьсъдять 156; Левонъ//тъевском 471;

М. гр.: из Клязьмъ 3; Аньдрья 6; Аньдрѣвич(е)мъ 6; съ семьи 19.

Мягкость губных перед мягкими зубными: М. Ев.: взяша 219б; крѣпчаи его 200а; бѣлизь 62а; погибнете 1076; земляи 32а; корабль 576; славлю 21а; Р.-с. гр.: стопънику 69; обсю сторону 290; Евъсевѣв 27, 34; М. гр.: всѣхъ 28; мѣстиславлев 10; мѣстица 17.

Мягкость губных перед губными: Р.-с. гр.: обвинил 189; въверхъ 284 (2 р.); М. гр.: въвел 35.

Очевидно, все парные по твердости-мягкости согласные (в том числе и губные) произносились мягко перед суффиксами -ск-, -ств-; довольно последовательное употребление буквы *ь* перед этими суффиксами известно писцам Галичского Евангелия 1347 года и ростово-суздальских грамот XIV—XV вв.

Отмечается мягкость согласных перед палатальными согласными: Р.-с. гр.: данъщик — 68 [н'ш'ц'] или [н'ш'ч']; болотьца — 273 [т'ц']; старьцов — 177; старьцу — 69, 123 [р'ц'], черньцов — 481 [н'ц']; вопъче — [ш'ч'].

Не исключено, что в суффиксе -ск- первый согласный был мягким, об этом свидетельствуют написания *ь* после *с*: в М. Ев.: Сидоньсь/ка — 87в; в р.-с. грамотах: белозерьський — 322.

Прослеживается отвердение зубных согласных перед твердыми зубными: в Г. Ев.: праведный I, 102а, въслѣдствоующими IV 155 г, невъзблгородить//ные I 68г.

Можно думать, что в ростово-суздальском диалекте к XV веку сложились те же позиции ассимилятивного смягчения и отвердения, которые позже характеризовали старое московское произношение⁷.

В позициях ассимилятивного смягчения или отвердения реальная мягкость или твердость исключалась из числа возможных дифференциальных признаков согласных фонем.

§ 31. Внепарные по твердости-мягкости согласные фонемы

К XV веку изменилось качество внепарных по твердости-мягкости согласных фонем: По говорам отвердели /ш'/, /ж'/, возможно и /ц'/. Об этом изменении свидетельствует написание буквы *ѣ* (не только в конце, но и в середине слова) и буквы *ы* после букв *ж*, *ш*, *ц*. Например, р.-с. гр.: шелешьской 337; Якушь 290, 307; поустошь 104, 280; мѣжъ 308; пустошы 322; мужы 308, 326; живота 277; в животе 337; выложил 337; доложыти 337; ржы 337; нашы 463; служых 307; жыти, живучи 180; межы 181, 467а; по межы огород 238; Змеевецъ 280; Милобудиць 280; старецъ 280; кузнецъ 280; до воробецъ 280;

⁷ Старомосковские орфоэпические нормы сложились на основе фонетической системы московского говора, связанного происхождением с ростово-суздальской диалектной группой.

пшениць 281; отецъ 481; старецъ 495; писцы 309, 338; старцы 288; с(въ)щеницы 260 и др. подобные.

Можно предположить, что отвердение /ш'/, /ж'/, /ц'/ в это время охватило не все говоры ростово-суздальского диалекта, так как не все грамоты знают указанные написания. В части грамот после букв *ж*, *ш*, *ц* сохраняется написание букв *и* и *ь*.

Для обозначения долгих шипящих писцы используют различные буквы или сочетания букв, для глухого — чаще всего букву *щ*: ѣзовища 8; пища 8; нищим 249; товарищи 463; но и сочетание букв *зиц*: приказщики 266; *сиц*: закащики 171; для обозначения звонкого — *жжс*: въежжаеть 156; въежжают 232; *жщ*: раз(ъ)ѣжжиков 290; роз(ъ)жщую 308. После этих букв можно встретить написание букв *ѣ* и *ы*: товарищы 413; оужиць 472; заѣжжыки 476, но таких примеров мало, обычно пишут в этих случаях буквы *и*, *ь*: доводщичи 302; заездщичи 302; неимущим 249; лутшим людемъ 287 и подобные.

Использование сочетаний *жжс*, *жщ* для обозначения согласного позволяет предположить, что во всяком случае звонкий взрывной элемент в сочетании [ж'д'ж'] утратился и возник долгий мягкий шипящий [ж':]. В тех говорах, где краткий шипящий [ж'] сохранялся мягким, долгий звонкий шипящий [ж':] следует определить как сочетание фонем: /ж'/+/ж'/. В тех же говорах, в которых краткий шипящий [ж'] отвердел, долгий звонкий шипящий оказывался самостоятельной фонемой /ж':/.

Возможно, что в говорах возникал и долгий мягкий глухой [ш':] при утрате глухого взрывного элемента в сочетании [ш'т'ш']. Его фонологическая значимость зависела от твердости-мягкости краткого [ш] в говорах.

По данным современных говоров в этой диалектной группе в настоящее время известны мягкие долгие шипящие.

Письменные тексты отражают смягчение заднеязычных [к], [г], [х] перед гласными переднего ряда. Встречаются написания: не тягивало 444; дороги 403; луги 464; в другие 464; Осывкинь 481; Микифоричъ 440; владыки 441 и подобные. В результате этого смягчения возникла позиционная мена заднеязычных и среднеязычных согласных: [к]/[к']; [г]/[г']; [х]/[х'].

Отвердение по говорам [ш'], [ж'], [ц'], позиционное варьирование [к]/[к'], [г]/[г'], [х]/[х'] не вносило изменений в оппозицию согласных фонем с ДП «твердость-мягкость».

§ 32. Развитие категории твердости-мягкости согласных в новгородском и псковском диалектах

Развитие оппозиции с ДП «твердость-мягкость» не было таким перспективным в диалектах Новгорода и Пскова.

Письменные тексты очень скупо отражают качество твердости или мягкости согласных, поэтому при реконструкции

опираемся главным образом на данные современных говоров, генетически связанных с древненовгородским диалектом.

Отсутствие [в] и [в'] в исходной системе уменьшало в дальнейшем возможность развития корреляции по твердости-мягкости у губных спيرانтов или даже исключало эту возможность в положении конца слога и слова. В тех диалектах, где в результате недостаточной сонорности [w], [w'] они сохранились в конце слова и слога без перехода в [ÿ] («у» неслоговой), сохранялось противопоставление /w/ — /w'/ до отвердения всех конечных губных, но из-за отсутствия позиционной мены [в]/[ф], [в']/[ф'] фонемы /ф/ — /ф'/ не входили в фонологическую систему диалекта, а сохранялись лишь как единицы подсистемы, характеризующей фонемный состав заимствованных слов (для диалекта это прежде всего собственные имена: *Фекла, Федор, Фотий* и под.). В тех же диалектах, где после падения редуцированных согласные [w], [w'], характеризуются большей степенью сонорности, в конце слога и слова изменялись в [ÿ], а в начале слова в [y], возникла позиционная мена [w]/[ÿ] или [w']/[ÿ], и в такой системе утратилось противопоставление /w/ — /w'/ в исходе слова и слога вне связи с отвердением конечных губных.

Диалектологи⁸ отмечают, что такие говоры со звуком [w], [w'] большой сонорности и меной [w]/[ÿ] занимают территорию на юго-запад от Москвы, а на крайнем северо-востоке, т. е. там, где есть говоры, генетически связанные с древненовгородским диалектом, фиксируется [w] меньшей сонорности, и этот звук [w] может сохраняться без изменения в [ÿ].

Но такое противопоставление говоров по степени сонорности [w] могло возникнуть и позже, после XV века. Письменные памятники XIV—XV вв. новгородского и псковского происхождения одинаково передают губногубное качество [w], [w'] и их изменение в [ÿ] или в [y]. Орфография новгородских, двинских грамот и памятников Пскова отражает это явление в употреблении букв *в* и *у* в одних и тех же орфограммах, в появлении предлога *ув*, в опущении буквы *в* перед буквой *л*. Примеры: Дв. гр.: Буква *у* на месте *в*: оу дву мѣстех 12; оу глухомъ погости 19, 20; оу озери 20; оу... езу 20; оу ями 20; оу нука 110; оу свое мѣсто 112.

Буква *в* на месте *у*: в частокъ 7, 20; в частка 7; в печати стояль 21, 23, 30, 74; в Ларивъна 23; в Мишутина 23; в бакунъвыхъ дѣти 95; в обросима 96, 110; в люден 99; предлог *оув*: оу Выгумновыхъ 26; оу всицевъ тони 80; у вонъдроникова 109; оу вустѣни 32; оу вонъчифора 109. Д. гр.: ув Умьбъ 222. Нов. гр.: опущение *в* перед *л*: присталивати 3; жидьслаличъ 12; буква *у* на месте *в*: оуторник, уторого; предлог *ув*: Н. гр.: ув александрова отца 57; ув Ынчи 57; ув Ортъми 57. П. Пр.:

⁸ «Русская диалектология». М., «Наука», 1964, стр. 75—79.

буква *оу* вместо *в*: оу цркви бѣседовати 71, 1; оу ризу нозѣ повь//рзѣше 8, 2; оу главу оусъчена бы ^с 70, 3; имаше бо трѣсть оунзешю в нозѣ 14, 3; оускорѣ преданъ бы ^с 30, 2; жены оу цркви да молчать 122, 2; буква *в* вместо *у*: ре^ч в себѣ сице створю 113, 1; положена бы въ входуу лештерѣ 120, 4.

В псковских памятниках XV в. содержится большое число употреблений букв *в* и *у* в одних и тех же орфограммах и возникшее отсюда сочетание *ув*⁹.

Таким образом, орфография памятников письменности новгородского и псковского происхождения XIV и особенно XV века однообразна и не позволяет говорить о диалектном различии [w] по степени сонорности в это время.

Если это различие и было, и в говорах северо-востока сохранялось различие [w] и [w'], не перешедших в [ÿ], то оно снималось параллельным процессом отвердения конечных губных согласных.

Новгородские, двинские, псковские тексты отражают отвердение конечного [м']: Дв. гр.: братомъ моимъ с Федоромъ 7; умомъ 8; есмь 9; страшномъ 9; оу кочкомъ озери 11; ѿ виномъ 12; с притеребомъ 18 и др.

Отвердение [м'] в формах творительного и местного падежей было известно писцам Псковского пролога 1383 года¹⁰.

В псковских памятниках, описанных Н. М. Каринским, содержатся указания на отвердение конечного [в'], а также конечного [м'] в формах творительного и местного падежей¹¹.

Диалектные данные свидетельствуют о том, что в новгородских и в части псковских говорах отвердевал не только конечный [м'] в определенных морфемах, но и все конечные губные. Например, в белозерских говорах: *сып, цеп, голуп, сем, кроф* (по наблюдениям автора во время экспедиции 1954 года), в Гряз. у.: *кровъ, любовь, черковъ, голупъ* (М. в. X); Волог. у.: *голубъ, кровъ, церкоу* (М. в. X); Тотем. у.: *кровъ, любовь* (М. в. X); ваучский говор Черепов. у.: *l'ubof, brof, krof* (по данным С. А. Еремина); Псков. губ.: *бѣю, пѣю, голубъ, сыпъ, семъ* (М. в. X).

В ряде говоров, связанных исторически с диалектом Новгорода, диалектологами отмечается общая тенденция к отвердению согласных, которая ведет к утрате оппозиции по твердости-мягкости в наиболее важном для данной категории фонетическом положении — на конце слова. Так, в Грязовецком уезде Вологодской губернии «следует вообще отметить преоб-

⁹ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, стр. 28—29, 53—54, 70, 83, 93, 135, 176—177.

¹⁰ По данным Т. Н. Кандауровой в работе «К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.)». «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 8, стр. 178—286.

¹¹ Н. М. Каринский. Язык Пскова..., стр. 187.

ладание твердых согласных: пахать, ѣхать, любить..., в словах: опять, девять, пять, братья... Встречается также твердость других согласных: день, свинья, удивление, попадья, конь, огонь, черковь (М. в. X)». Отверждение согласных на конце слова и перед гласными [и], [е] отмечает Р. Ф. Пауфошима в говорах Харовского района Вологодской области¹²: *иска́т, пита́, грес́, п'ет, пар'ен', д'ен', п'ышот, п'ыво, забра'ы, т'ыхо, с'ыла, оп'ет, врод'е, б'ер'егомь* и др.

Эти свидетельства диалектологов подтверждаются и некоторыми картами, уже подготовленными для Атласа русских народных говоров к северу от Москвы: на территории, связанной с говорами новгородского диалекта, с путями ранней новгородской колонизации, проходят изоглоссы конечных отвердевших губных, мены [л] или [l] на [ŷ]¹³.

В говорах новгородской группы утрачивалось противопоставление /л/ — /л'/ на конце слова и слога в связи с изменением веларного [л] в [ŷ]. В результате более поздней замены сохранившегося веларного [л] звуком [l] «европейским», в говоре возникла мена [l] на [ŷ] или [w]. И в этом случае противопоставление /л/ — /л'/, известное перед гласными, в конце слога и слова утрачивалось, так как звук [ŷ] или [w] включался в частную систему губных спирантов¹⁴.

В некоторых говорах Вологодско-Вятской группы отмечается нейтрализация противопоставления /л/ — /л'/ в связи с отверждением [л'] перед твердыми согласными, преимущественно зубными, шипящими и [ц]. «В одних говорах эта особенность проведена более последовательно, в других ограничена отдельными словами...»¹⁵.

В диалектах Пскова после падения редуцированных развивается противопоставление по твердости-мягкости у зубных фрикативных согласных /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, так как в исходной системе отсутствовали синлабемы типа [с'ь], [з'ь], а синлабемы [с''ь] и [з''ь] изменились в /с''/, /з''/, которые не могли образовать с фонемами /с/, /з/ двучленное противопоставление с ДП «твердость-мягкость».

¹² Р. Ф. Пауфошима. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. «Мат-лы и исслед. по русской диалектологии», 1961, вып. II.

¹³ Материалы «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы» находятся в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР. Большой материал приводит Ю. С. Азарх в статье «Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах» в сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1966.

¹⁴ О временной последовательности в развитии диалектных систем с фонемами /л/ — /л'/, [l] — /л'/, [l] — /л'/ см. подробно в кн. Р. И. Авансова «Очерки русской диалектологии», стр. 170.

¹⁵ Материал приведен в статье Л. Э. Калнынь «Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке» (Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, М., 1956, т. 13, стр. 212).

О таком развитии свистящих свидетельствует и тот факт, что в XV веке после отверждения [ш'], [ж'] в ряд «шепелявых», непротивопоставленных по месту образования согласных, втягиваются и твердые [с], [з].

Смещение букв для свистящих и шипящих — характернейшая черта древнепсковских памятников. «Смещение букв — ш, ж — з, широко представленное в большинстве псковских памятников XIV и даже первой половины XV в., в памятниках конца XV — начала XVI в. представляет собой уже сравнительно редкое явление». «В современных псковских говорах шепелявость отмечается почти повсеместно, но лишь как пережиточное явление»¹⁶.

Псковские тексты XIV—XV вв. (по данным Н. М. Каринского, Т. Н. Кандауровой) отражают утрату различия /р/ — /р'/ в результате отверждения [р'].

«На существование в произношении древних псковичей твердого р (на месте древнейшего мягкого.— К. Г.) указывают не только данные рукописных памятников, но и данные древнепсковской топонимики». «В современных псковских говорах произношение твердого р отмечено в бывших Островском, Новоржевском, Опочечком и Гдовском уездах, причем везде лишь спорадически, наряду с преобладающим произношением р, парного по твердости и мягкости»¹⁷.

Утрата противопоставления твердых-мягких губных на конце слова и перед согласными меняет характер противопоставления этих же согласных перед гласными фонемами /а/, /у/, /и/: в данной частной системе как бы сохраняются синлабемы: «твердый губной + [а], [у], [ы]» и «мягкий губной + [а], [у], [и]». Но так как в общей фонологической системе было противопоставление твердых-мягких переднеязычных согласных фонем на конце слова, что позволяло определить твердость-мягкость этих согласных перед гласными /а/, /у/, /и/ как ДП этих фонем, то это позволяет определить твердость-мягкость губных согласных перед гласными /а/, /у/, /и/ как их ДП.

В древнепсковском диалекте отсутствовала не только пара /ф/ — /ф'/, но и противопоставленные пары переднеязычных согласных: /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, /р/ — /р'/.

Ограничения в противопоставлении твердых-мягких губных и зубных согласных фонем перед гласной фонемой /у/, известные в ростово-суздальском диалекте, были в древне-новгородском и в древнепсковском диалекте.

Все это значительно ослабляло оппозицию согласных фонем по твердости-мягкости в этих диалектах.

Позиционное смягчение и отверждение согласных было известно диалектам Новгорода и Пскова. Смягчались зубные

¹⁶ Т. Н. Кандаурова. Ук. соч., стр. 259.

¹⁷ Там же, стр. 265.

перед мягкими зубными: Дв. гр.: Оньдрѣи 78; Ме(ле)ньте(и) 9; Дмитръевич 81; Пскв. гр.: кось/стянтина 95, 3; ись/стяжаеть 51; възь/люблень 125, 2; злочьсь/тивомоу 147, 1; зубные перед мягкими губными: Нов. гр.: Матьфѣя 13; П. Пр.: разь/въваемы 139, 2; бесь/мъртныи 108, 2; ась/пидь 119, 1; Дв. гр. через меловои 107; губные перед мягкими зубными: Нов. гр.: и евьля 87; землю 107; деревню 134; всьякии 111; П. Пр.: явь/леся 130, 2; в земь/лю 107, 2; подвизавь/ся 29, 2. Зубные и губные перед мягкими нёбно-зубными: П. Пр.: погыбь//шю 62, 2; минувь/шю 31, 2; ть/штаяся 23, 1. Согласные, разные по месту образования, перед [j]: Дв. гр.: темьянь 8; свинью 17; Перхоурью 16. Н. гр.: въ еловую границу 122; въ еловой граници 122; въ Еремеевъ 144; въ Якови 122.

Внепарные мягкие [ш'], [ж'] в новгородском и псковском диалектах на рубеже XIV—XV вв. были еще мягкими, о чем свидетельствует написание *ь*, *и* (а не *ѣ*, *ы*) в рукописных памятниках XIV и даже XV века новгородского и псковского происхождения.

Долгие шипящие [ш':], [ж':] (по говорам возможно и [ш'т'ш'], [ж'д'ж'], а в отдельных говорах и [ш'т'], [ж'д']) также были мягкими.

Писцы новгородских грамот XIV века (по данным А. А. Шахматова) и первый писец псковского Пролога 1383 года (по данным Т. Н. Кандауровой) в своем говоре еще не знали среднеязычных согласных [к'], [г'], [х'], т. е. в этих говорах отсутствовала позиционная мена заднеязычных и среднеязычных согласных.

II. ЛАБИОВЕЛЯРНОСТЬ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 33. Взаимодействие оппозиции по твердости-мягкости с лабиовелярностью согласных

О связи ДП «твердость-мягкость» с лабиовелярностью (или велярностью) согласных как об общей закономерности развития фонологических систем пишет проф. А. Мартине¹⁸. Развитие корреляции по твердости-мягкости сопровождается утратой лабиовелярности согласных. В результате исчезает и потенциальная возможность развития противопоставления согласных по лабиовелярности-нелабиовелярности в той же системе¹⁹.

В истории русской фонологической системы проявлением утраты согласными лабиовелярного характера считает-

¹⁸ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, стр. 155—157.

¹⁹ Фонологизация признака лабиовелярности прослеживается в румынских говорах, консонантизм которых генетически связан с влиянием славянской системы. См. об этом Е. Petrovici. *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*. București, 1956.

ся изменение групп [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]. Отсутствие соответствующего изменения в группах: «губные согласные + [ы]», «зубные согласные + [ы]» объясняется уже сложившимся противопоставлением «твердых губных — мягких губных» и «твердых зубных — мягких зубных» перед фонемой /и/²⁰.

Ростово-суздальская письменность XIV—XV вв. широко отражает изменение групп [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и].

По материалу Галичского Евангелия 1357 г. в говоре писцов сложились те же отношения между [к], [г], [х] и [к'], [г'], [х'], которые характеризуют современный русский язык²¹.

В изученных ростово-суздальских грамотах XIV—XV вв. разнообразных примеров с сочетаниями [к'и], [г'и], [х'и] очень много: Кирилец, Микифорь 18; Кичивиньскую 18; с Окишем 54; Окишов 101; в Рукинъ 174; город(е)цькии 51; поселскій 123; заказники, мытники 51; пошлинники 51; с путики 238; вл(а)д(ы)ки 441; не тягивало 444; дороги 463; луги 464; в другие 464; княгини I, 207; Хихилева 233; Малыхи 467а; М. гр.: хитрости 5.

Утрата лабиовелярности согласных в системе консонантизма ростово-суздальского диалекта согласуется с представлением о последовательном развитии категории парных по твердости-мягкости согласных фонем в этом же диалекте (см. § 29—30).

На основании фонетической интерпретации орфографии новгородских грамот и анализа склонения имен существительных с основой на заднеязычный согласный в этих же грамотах акад. А. А. Шахматов сделал заключение, «что, по крайней мере в тех наречиях, которыми писаны наши грамоты XIII и первой половины XIV в., не было еще перехода *ы* в *и* после гортанных...»²².

К такому же выводу пришла Т. Н. Кандаурова в отношении древнепсковского говора первого писца Псковского пролога 1383 года²³. Этим выводам историков русского языка, сделанным на основании тщательного изучения рукописных текстов XIV века новгородского и псковского происхождения, придаем важное значение, так как они свидетельствуют о том, что в этих говорах лабиовелярность еще была связана с системой согласных. Этот факт косвенно свидетельствует также о том, что в данной системе консонантизма ДП «твердость-мягкость» не был достаточно развит (см. § 32).

²⁰ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма.

²¹ Л. П. Жуковская. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.). «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 8.

²² А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895, стр. 166—170.

²³ Т. Н. Кандаурова. Ук. соч., стр. 272.

Как увидим из анализа материала в следующих параграфах, с развитием ДП «твердость-мягкость» и судьбой лабиовелярности в системе консонантизма оказался связанным не только ДП «переднее-непереднее» образование, но и ДП «лабиализованность-нелабиализованность» в системе вокализма.

III. ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ ПЕРЕДНЕГО И НЕПЕРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

§ 34. Позиционная мена гласных по ряду образования

Противопоставление согласных, парных по твердости-мягкости на конце слова позволяет определить фонематичность этого признака перед гласными фонемами /и/, /у/, /а/. Это одновременно означало, что мена гласных по ряду в зависимости от мягкости-твердости предшествующего согласного, т. е. мена [и]//[ы], [ў]//[у], [ā]//[a] приобретает характер позиционной мены. Эта позиционная мена отразилась частично в орфографии памятников: р-с. гр.: и с-ыными землицями 16, 3; с-ываном 11, 13; да на иву да с-ывы на куст 13, 20; из-ыных 33, 49; из-ыных 156, 66; в-ывицахъ 161, 174; с-ываном 55; с-ырдомы 56; с-ыгумновыми 66, 74; с-ыгумном 67; к-ыгумену 76; из-ынге 80; с-ыгнать кмъ 90. М.гр.: не вымутъс (я) 12; изымает 9 (ср. отоимел 10); отыметь 29; от-ыновърьяца 34, 36; выму себе 45; об-ыном 47 и др. подобные.

Дв. гр.: в ыванове 110; в ысака 107; под ывою 22; с ываномъ 18; с ыстоки 122, 123 и др. подобные. Мена [ā]//[a], [y]//[у] в орфографии письменных памятников не находит особого обозначения. Написание букв **а, и, ю** для обозначения гласных [ā], [y] после палатальных и палатализованных согласных, известное и в древнейших текстах, само по себе не обозначает передней зоны образования гласных.

Утверждение о позиционной мене гласных по ряду образования есть логический вывод из интерпретации фонологической значимости твердых-мягких согласных перед гласными фонемами и из интерпретации написаний в текстах XIV—XV вв. типа: *Иван, но с-Ываном*.

IV. ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ СРЕДНЕГО ПОДЪЕМА

§ 35. Фонологизация отношения между [e] — [o] в ростово-суздальском диалекте

Изменение фонологической системы языка может найти непосредственное материальное воплощение в одновременном изменении произносительной системы, в изменении слоговой структуры слова и звукового строения слога. Так, возникно-

вание конечных слогов на парный твердый согласный и конечных слогов на парный мягкий согласный, появление тавтосиллабических или гетеросиллабических сочетаний согласных типа: «парный твердый согласный + твердый согласный», «парный мягкий согласный + твердый согласный» наряду с сочетаниями типа: «парный твердый согласный + мягкий согласный», «парный мягкий согласный + мягкий согласный» реализовало новое звено фонологической системы: оппозицию согласных фонем с ДП «твердость-мягкость» на конце слова и перед согласными. Появление этой же оппозиции перед гласными фонемами: /а/, /у/, /и/ не сопровождалось изменением в единицах, реализующих фонологическую систему: слоги типа [с+а], [с+у], [с+ы] и типа [с'+ā], [с'+ū], [с'+и] не изменились за период от рубежа XI—XII вв. до рубежа XIV—XV вв. и далее — до наших дней.

Об изменении в фонологической структуре этих слогов мы судим на основании общего понимания фонологической системы, ее единиц и отношений между ними.

По образному выражению проф. Р. И. Аванесова, историческая драма фонем /и/ — /ы/, утрата ими независимости друг от друга, превращение их в несамостоятельные разновидности одной и той же фонемы была скрыта от глаз наблюдателей — внешне ничего не изменилось: слова типа [б'ыл'и] и [б'ыл'и] как факты произносительной системы не менялись на протяжении веков.

Судьба гласных [e] и [o] в истории русского языка не менее драматична, чем судьба [и] и [ы] и, пожалуй, более сложна и противоречива. Нельзя сказать, что изменения, которым подверглись [e] и [o] в системе языка, были скрыты от историков, их наблюдательного глаза и живого воображения. Появление слогов новой структуры — типа [с'оc], [с'оc'] или [с'о] было частично отражено в орфографии древних текстов.

Историки языка предложили объяснение этим орфографическим фактам, как в плане физиолого-акустическом, так и в аспекте фонологическом.

Но до сих пор требует обсуждения следующий ряд вопросов: 1) Была ли возможна лабиализация [e] только после непарных мягких согласных как древнейший этап в развитии общего процесса лабиализации [e]?

2) Достаточно ли самого появления слога новой структуры типа: «парный мягкий согласный+[o]», чтобы уже говорить о фонологизации отношений между [e] и [o] или необходимо появление тождественных фонетических условий существования /e/ и /o/, установления оппозиции с ДП «нелабиализованность — лабиализованность»?

3) Как связано изменение в отношениях между [e] и [o] с развитием консонантизма?

4) Каково отношение морфологического процесса унификации парадигм склонения имен с основами на парный твердый и парный мягкий согласный к развитию оппозиции /e/ — /o/? А в связи с этим возникает и более широкий вопрос об отношении грамматической аналогии к фонологической системе.

5) В чем диалектное различие в судьбе [e] и [o] на территории северновеликорусского наречия?

Дальнейшее изложение материала и будет идти в связи с пониманием автором этих вопросов и стремлением найти на них ответы с помощью принятой теории фонем.

Начнем изложение с перечня фактов, извлеченных из памятников XIV—XV вв. ростово-суздальского происхождения и их интерпретации.

Все ростово-суздальские тексты знают употребление букв *e* и *o* в одних и тех же орфограммах, что позволяет сказать, что писцы соотносили обе эти буквы с одной и той же звуковой единицей в определенных фонетических и морфологических условиях, которые предстоит выяснить. Ниже приводится список примеров употребления буквы *o* с новым звуковым значением, поскольку именно эти написания были отступлением от традиционных правил орфографии под влиянием произношения.

П. Ев.: приходъ (л. 94); врачовъ (л. 72 об.); глшо 3 л. ед. ч. имперфекта (л. 72 об.); шедшо (л. 74); живущим жо (л. 59 об.); яко жо (л. 61 об.); идъжо (л. 62); ни ѿ ком жо (л. 68); он жо (л. 74); бѣ жо (л. 78 об.); жо (л. 83); друзи жо (л. 98); ащо (л. 72 об.); возмочь (л. 94); померкноть (л. 80 об.) (окончание /т/ было уже твердым). М. Ев.: стѣх жонѣ 211г; Г. Ев.: рожное 13г; лжомъ свѣдителемъ IV 137в, 144г; 144 г; оцомъ I, 21 в.

В грамотах ростово-суздальского происхождения орфограммы с меной букв *o* и *e* находим для обозначения корневых, аффиксальных и флективных морфем. Эта мена наблюдается под ударением и без ударения, перед твердыми и перед мягкими согласными.

1. Орфограммы с буквой *o* после букв для шипящих и *ц* для обозначения корневых морфем: под ударением перед твердым согласным: жог 495, зжог 495 (3 р.), на Шолковъ 289 (2 р.), Шолковска|а 289, Жолтиков 281, ни в чом 189, 232, да шодши 285, а исход мох 285, не шолся 287, приход 283, пришол 470 (2 р.), 334, 336; пришол 495, дошоль 335, 338. Перед мягким согласным: Шокинської 238, Шокинъ 495, Палшомьское 324. Без ударения перед твердым согласным: жону 90, Шостакову 265, шостого 481, щока 156, на Шохснѣ 238 (2 р.), на Шокснѣ 233, 290; Шокснѣ, Шоксны 168, 308; из Шоксны 290 (2 р.), на Шокснѣ

178, Шохсны, Шохсною 207, 273, 290, 309; на Шокъстну 249, на Шохснѣ 252, Шокуров 289. Перед мягким согласным: жонѣ моеи 117, Бужонины 201.

2. Орфограммы с буквой *o* для обозначения суффиксальных морфем. Под ударением перед твердым согласным: -ек-: мошокъ 104, 189, 327; лошачокъ 184; -ев-: Острецов 309, Суцов 463, 464, Суцово 289, Стебачова 463, 476, Телцову 470, Телцов 470, Лычовъ 165 (2 р.), Окишовъ 181, 304, Колычов 235, Кузнецовъ 238, Мигачово 290, Ивашово 290, Сташовым 336. Перед мягким согласным: -ев-: Морташовскаѣ 285, 286 [морташ'оф'с'каѣ]; Суцовскую 285, Ивашовские 334, 336. Без ударения перед твердым согласным: -ев-: Дем(ь)янцова 306 (2 р.), Минѣцовой 307 (2 р.), Дешевцовъ 472, Еремѣцовой 481, Якушов 286, 285 (2 р.), Федотѣцовой 202, Мытцово 294, Румянцово 333, Телешову 291, Насонцово 285. Естош(о)въ 304; Улыбышово 290, Кукорышов 290, Гнѣвашова 338. Перед мягким согласным: Прокошовской 470 (2 р.), Улыбышовского 290, Олешовская 290.

3. Орфограммы с буквой *o* для обозначения флексий.

На конце слова	Под ударением	
	Перед твердым согласным	Перед мягким согласным
Им.-вин. пад. ед. ч. ср. рода селцо 170, 329, 333	Тв. п. ед. ч. м., ср. р. с отцомъ 289	Тв. ед. ж. р. межою 470 за Каршою 476
	Без ударения	
Селицо 464, 481, 252, 330	З гнѣвашом 338 ягрошом 289	шелекшою 337, 335 Натал(ь)ицо(ю) 474
болотцо 467а, 287 через болотцо 238 въ княжо мѣсто 496, 335, 338 нашо лонскоѣ 285 сѣно нашо 285	за мостищом 284 нашом 283 (2 р.) Дат. мн. м., ср. р. Белозерьцом 322 старцом 287, 277 (2 р.), 284, 286, 470	Род. мн. ж. р. пустошой 99 Им. ед. прилаг. бывшой 308 подьячой 233
то доришо 205		нищой крилошанин 117
княжо слово 334	старожилцом 306, 307	рубль ходячой 178 погожой 284

На конце слова	Перед твердым согласным	Перед мягким согласным
Раменеицо 285, 286	селищом 481	
	Местн. мн.	Род. ед. прилаг.
	селищох 281 (4 р.)	вашои 289
		нашои волости 288
	Род. ед. прилаг.	нашои
	вашог(о) суда 289	д(е)р(е)вни 306
	I л. глагола ищомъ 481	вашои
	укажомъ 285, 288	д(е)р(е)вни 306
		Местн. ед. прилаг.
		в нашои
		д(е)р(е)внѣ 285
		в нашои
		отчинѣ 271, 283
		по матери нашои
		на нашои розсъчи 285

4. Орфограммы с буквой *о*, обозначающие конец неизменяемых слов: почему жо 463; тѣ жо 463; вверхъ жо 473; так жо хто... 99; по тому жо 101, 172, 322, 336; находила жо с товаром 102; к рече жо 335, 338; потому жо 102; два жо ѿсетра 113; то жо слободки 298; тот жо 185; занжо 253; ещо 170, 287; ужо 269; ажо в грамотах писано 90.

Московские грамоты XIV—XV вв. также знают употребление буквы *е* и буквы *о* в одних и тех же орфограммах. Приведем орфограммы с буквой *о*:

1. Для обозначения корневых морфем: под ударением перед твердым согласным: шол 61, пошол 47, Шопкова 38, Шокшов 61. Перед мягким согласным: на Шомѣ 61. Без ударения: жомоитскомѹ 53 и оустѣ-Шокстны 61, Шокъстнѣ 61, у Шохонских 61.

2. Для обозначения аффиксальных морфем: под ударением перед твердым согласным: -ев-: Кривцово 61. Перед мягким согласным: Лысцовское 61 [ф'с'к'], Ершовского 58. Без ударения перед твердым согласным: Васильцовым 61, Бабышово 61, Голенищово 61, Матѣишово 61, Суровцово 61, пѣшохода 47.

3. Для обозначения флексий: под ударением на конце слова: им. п. ед. ч. ср. р.: селцо 61. Перед твердым согласным: тв. п. ед. ч. ср. р.: селцом 61, род. п. ед. ч.

прилаг.: меньшого 61, у Большого 61, Андрѣя Болшово 61, дат. п. ед. ч. прилаг.: Брашову 61. Перед мягким согласным: им. п. ед. ч. прилаг.: болшой 61. Без ударения: им. п. ед. ч. ср. р.: Раменеицо 38, 61; городищо 47. Перед твердым согласным: тв. п. ед. ч. ср. р. Кърженцом 61, род. п. мн. ч. м. р.: нятцовѣ 38 (ср. нятцевъ 38), род. п. ед. ч. прилаг.: старѣшого 36, 61, молодшог(о) 43, дат. п. ед. ч. прилаг.: старѣшом(у) 36, нашему 53. Перед мягким согласным: им. п. ед. ч. прилаг.: старѣшой 36, молодшой 55 (ср. молодшей 56), местн. п. ед. ч. прилаг.: по нашои любви 53.

4. В конце неизменяемых слов: так жо 38.

Во всех изученных грамотах отсутствуют орфограммы с меной букв *е* и *о* после букв для парных мягких согласных, что объясняется характером русской орфографии: мягкость парных мягких согласных перед гласными обозначается буквой последующего гласного; поэтому буквы *я*, *ѣ*, *ю*, *е*, *ѡ* обозначали на письме не только гласные [a], [y], [e], но и мягкость предшествующего согласного: пять, ^ѣпять [п'а'т'ь], люди [л'уд'и] и т. п.

Буква *о* не могла одновременно обозначать мягкость предшествующего согласного, написание типа *носѣ* могло передать лишь слово [нос], но не могло передать на письме слово [н'ос]. Поэтому лабиализация [e] орфографически отразилась прежде всего в написании буквы *о* после непарных мягких согласных, так как мягкость этих согласных не нуждалась в дополнительном орфографическом обозначении с помощью буквы следующего гласного.

Приведенные факты актовой письменности Ростово-Суздальской Руси, как и соответствующие примеры из текстов Евангелий, позволяют сказать, что процесс лабиализации [e] после непарных мягких согласных получил широкое распространение. Этот факт произношения писцов нашел непосредственное отражение в орфографии текстов.

Постараемся обосновать вывод о том, что данное ограничение лабиализации [e] положением после мягких шипящих и [ц'] было лишь орфографическим и не касалось произносительной системы, в которой лабиализация [e] была также широко представлена и после парных мягких согласных. К такому выводу нас приводят следующие соображения, связанные с общим пониманием фонологической системы и ее отношения к орфографии.

Лабиализация [e] после мягкого согласного, связанная с одновременным отодвижением гласного в более заднюю область образования звука, означала важное изменение в системе языка, так как знаменовала возможность нового сочетания мягкого согласного (палатального и палатализованного) с последующим лабиализованным непарным гласным сред-

него подъема, т. е. утрату обязательных силлабем [с'е], [со]. Такое изменение не могло ограничиться положением после непарных мягких согласных, оно должно было затронуть и сочетание парных мягких согласных, так как силлабема [с'е] занимала одинаковое место в слоговой структуре языка XI—XII вв. вне зависимости от того, принадлежал ли согласный к ряду палатальных или к ряду палатализованных согласных. Только в этом случае новое произношение отражало изменение в системе языка и, следовательно, оказывалось существенным, важным для говорящих на данном языке. Именно поэтому эти новые факты могли получить такое довольно широкое отражение в орфографии, но, естественно, в пределах, ограниченных возможностями самой орфографии.

Лабиялизация [е] после парных мягких согласных означала появление новой сильной позиции (позиции перед гласной фонемой /о/) для согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

Но в то же время это изменение не приводило к фонологизации отношения между [е] — [о]. Гласный звук [о], как и гласный [е] были разновидностями фонемы /о/.

В системе с развивающейся корреляцией согласных фонем по мягкости-твердости оппозиция фонем /е/ — /о/ сложилась в связи с морфологическим процессом оформления единой парадигмы склонения имен с основами на твердый или мягкий согласный.

Сочетание фонем «мягкий согласный + [о] + мягкий согласный» (типа [с'ос']) или конечное сочетание «мягкий согласный + о» (типа [с'о]), появляясь как следствие морфологических процессов, охватывали не все морфемы; при отсутствии аналогии сохранялись сочетания «мягкий согласный + [е] + мягкий согласный», «мягкий согласный + [е]» (типа [с'ес'], [с'е]), например, им. п.: /пол'о/, но зв. форма: /пол'е!/, твор. п.: /з'ем'л'оју/, род. п.: /пол'еј/.

К XV веку отношения между [е] и [о] были такими:

Таблица 4

СГ		СГС		СГС'		С'ГС		С'Г		С'ГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
о		о'		о		о		е	ө	ё	

Таким образом, оппозиция фонем /е/ — /о/ первоначально возникла между мягкими согласными и на конце слова: в

качестве дифференциального признака выступает «нелабиализованность-лабиализованность».

Это противопоставление /е/ — /о/ практически было редким. Оно наблюдается, например, в формах типа: /пол'еј/ — /з'ем'л'оју/; /кон'еј/ — /городн'оју/; /гос'подар'еј/ — /бур'оју/; /пол'е/ — /пол'о/.

Перед твердыми согласными фонемы /е/ и /о/ не могли противопоставляться из-за лабиализирующего воздействия последующего твердого согласного; звук [е] в этом положении изменялся в [ө].

Если считать, что фонологизация отношений /е/ — /о/ между мягкими согласными и на конце слова привела к прекращению фонетического изменения [е] в [о], то все же еще нельзя говорить о противопоставлении /е/ — /о/ перед твердыми согласными, так как еще не было слов, включающих фонетическое сочетание [с'ес].

Этот слой лексики возник в более позднее время в результате усвоения заимствованных слов типа *аптека, лента, монета*, из слов с поздно отвердевшими согласными: *верх, женский, деревенский, полотенце, отец*²⁴, из книжных слов: *крест, небо, перст*, которые в диалекты могли входить в ином произношении²⁵.

Значительный пласт лексики с сочетанием типа [с'ес] возник главным образом в результате изменения /ѐ/ в /е/ (см. § 38).

Было весьма ограниченно противопоставление /е/ — /о/ на конце слова, так как здесь главным образом в одних морфемах была фонема /о/, а в других — /ѐ/, фонема /е/ могла быть в окончании звательной формы, в окончании 2-го лица множественного числа.

Подчеркивая роль морфологической аналогии в оформлении оппозиции /е/ — /о/ в системе русского языка, одновременно соглашаемся с утверждением Р. О. Jakobsona о том, что «грамматическая аналогия сама по себе (подчеркнуто мною — К. Г.) не может привести к возникновению или исчезновению фонологической корреляции»²⁶. В данном случае само грамматическое изменение оказалось возможным после соответствующих изменений в фонологической системе, приведших к фонологизации отношений между парными твердыми и мягкими согласными.

Можно сказать, что не появление слога типа [с'о] по аналогии привело к появлению парных твердых-мягких согласных фонем, а, наоборот, аналогического происхождения слог типа [с'о] оказался возможным потому, что парные твердые со-

²⁴ Эти слова на рубеже XIV—XV вв. были с мягкими согласными.

²⁵ В средневеликорусских говорах известно произношение [кр'ост], [п'орст].

²⁶ R. Jakobson. Remarques..., стр. 58.

гласные стали фонематически противопоставляться парным мягким согласным²⁷.

Реализация этого фонематического противопоставления перед /o/ может первоначально осуществиться или ограничиться лишь грамматически значимыми морфемами или оказаться на стыке морфем и отсутствовать в корневых морфемах, в ряде аффиксов, как это восстанавливает проф. Р. И. Аванесов для первичных акающих южновеликорусских говоров²⁸. Но и в этом случае направление грамматической аналогии зависит от возможностей фонологической системы.

Фонологизация отношения между [e] — [o] возникала иначе в системе, в которой слабо развивалась корреляция парных твердых-мягких согласных. В такой системе оппозиция /e/ — /o/ появлялась в результате отвердения парных мягких согласных перед [e], т. е. возникали слоги [so] и [se].

В этой системе не развивалось противопоставление парных твердых-мягких согласных фонем ни перед фонемой /o/, ни перед фонемой /e/²⁹.

Доказательством реальности предложенной интерпретации фактов письменности являются данные современных говоров — наследников ростово-суздальского диалекта. Эти говоры имеют пятифонемный состав гласных: и — е — о — а — у, два типа предударного вокализма после мягких согласных перед твердыми: 1) и — е — о — а — у и 2) и — о — о — а — у. Только в этих говорах последовательно проведено соотношение ударного [o] с предударным [o] после мягкого согласного перед твердым: [н'ос] — [н'осу]³⁰.

Последовательное изменение [e] в [o] — одна из типичных изоглосс, выделяющих диалектную зону центра в противоположность периферийным говорам северновеликорусского наречия, где такой последовательности нет³¹.

В них широко распространены формы типа «землёю», т. е. с сочетанием [с'ос'] аналогического происхождения³².

²⁷ Р. Л. Зиндер. О звуковых изменениях. «Вопросы языкознания», 1957, № 1.

²⁸ Р. И. Аванесов. Очерк..., а также его статья «Лингвистическая география и история русского языка».

²⁹ В системе с продуктивной категорией твердых-мягких согласных фонем после утраты обязательной аккомодации согласного гласному [e] складывается потенциальная возможность развития оппозиции по твердости-мягкости и перед /e/. Так сложилось в фонетической системе современного русского языка, генетически связанной с системой ростово-суздальского типа. См. об этом в статье К. В. Горшковой «Основные тенденции развития фонетической системы русского языка». «Русский язык в школе», 1964, № 5.

³⁰ С. К. Пожарицкая. Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дисс., М., 1963.

³¹ К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Ук. соч.

³² А. Н. Добромылова. К вопросу о корреспонденции о — е в творительном падеже женского склонения. «Вестн. Моск. ун-та», 1963, № 1.

§ 36. Лабиализация [e] в новгородском диалекте

По наблюдениям акад. А. А. Шахматова, лишь некоторые новгородские грамоты второй половины XIV в. знают написание буквы о на месте буквы е: № 13 — *чорныхъ*, № 1, 8, 17 — *Торжокъ*, № 17 — *рубежомъ*, *новгородцовъ*³³. В новгородских грамотах XV века³⁴ это явление отражено шире:

1. В орфограммах корневых морфем под ударением перед твердыми согласными: шоль 101, без ударения перед твердыми согласными: ни на Шолони 122, въ шолаше 111.

2. В орфограммах аффиксальных морфем: под ударением перед твердыми согласными: в Торжокъ 21, 22, Ржова 111.

3. В орфограммах флексий: под ударением на конце слова им. п. ед. ч. ср. р.: селцо 111, перед твердыми согласными: род. п. мн. ч. м. р.: от купцовъ 21, 97; чернецов 91, 97; концовъ 101, тв. п. ед. ч. м. р.: чернцомъ 115. Без ударения перед твердыми согласными: род. п. мн. ч. м. р.: старцовъ 91, 101; хльбцовъ 21, род. п. ед. ч. прилаг.: Степанцова села 111, дат. п. ед. ч. прилаг.: къ Степанцову селу 111.

В обонежских частных грамотах XV в. в корневых морфемах: чоломъ 280; посередь 324; в Жорави рѣкъ 328; в аффиксальных и флективных морфемах: всомъ 291; ловцовъ 280; Вымолцовъ 318; рубловъ 326 (2 р.), Васильевицомъ 290.

В двинских грамотах XV века (по изданию А. А. Шахматова) замена буквы е буквой о наблюдается:

1. В орфограммах корневых морфем. Под ударением перед твердым согласным: озоръ 111 (2 р.), притеробы 80, лешобнихъ 92. Без ударения перед твердым согласным: озоро 111 (2 р.), жона 96, пожонки 121, ложонъ 92, перед мягким согласным: жони 19.

2. В орфограммах аффиксальных морфем. Под ударением перед твердым согласным: Ивашовы 17, перед мягким согласным: Кузнечовская 12, под Мошочью 111. Без ударения перед твердым согласным: Сивцовъ 19, осташовы 17, наволочокъ 24.

3. В орфограммах флексий. Под ударением перед твердым согласным: тв. п. ед. ч. м. р.: мошомъ 113, сывашомъ 18, род. п. мн. ч.: кончовъ 32, черенцовъ 12, рубловъ 81, 81. Перед мягким согласным: тв. п. ед. ч. ж. р.: землюю 19. Без ударения на конце слова: им. п. ед. ч. ср. р.: дворицо 12, 14; гумницо 12, рѣпѣцо 24, перед твердым согласным: тв. п. ед. ч. ср. р.: за моромъ 15, род. п. мн. ч. м. р.: старцовъ 12, перед мягким

³³ А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот..., стр. 148—149.

³⁴ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

согласным: им. п. прилагательных: неотхожое 54, вин. п. прилагательных: в меншой Юрьи 128.

Имена прилагательные *верхний, нижний, летний* в древненовгородском диалекте, как и в ряде современных северных говоров имели основу на твердый согласный, и этим объясняется написание буквы *o* в окончании: верхней 121; нижнего 18; верхнево конца 17 (2 р.); верхнего 32; верхнего 38; верхнего 135; нижнего 135; нижнемъ 25; в нижнемъ конце 11; на верхней Нарьи 94; на нижней реки 109; на летной стороне 11, 115; верхнему 21.

В двинских грамотах XV века (по изданию АН СССР 1947 года) написание буквы *o* вместо *e* наблюдается:

1) В корневых морфемах: жоны 273, 275; над Шолошен 278; чо ся ни дъяло 277.

2) В аффиксах: Вахрушово 278; Юрцовъ ручен 276; Болшое село 278; Стѣгачомъ 277.

Изучение характера всех примеров из новгородских и двинских грамот позволяет сказать, что количество примеров написания буквы *o* вместо буквы *e* в новгородских памятниках, если отделить примеры, связанные с возможностью твердой основы у прилагательных *верхний, нижний, летний* — небольшое, и эти примеры извлечены из сравнительно малого числа грамот; многие грамоты новгородского происхождения не знают подобных примеров.

Акад. А. А. Шахматов обратил внимание на написание буквы *ѣ* вместо *e* перед твердыми согласными в двинских грамотах: № 93: на берѣгу, польсьма; № 5, 105, 122, 123 — с озѣры, озѣромъ; № 103, 116, 97, 98, 5 — сѣло, сѣла; № 93 — в притѣрѣбахъ, с притѣрѣбы; эти написания он объяснял как отражение результатов морфологического воздействия основ типа *с'ел'-на основы типа с'ол-*³⁵.

Не принимая данного объяснения о морфологической причине делабиализации, мы в то же время учитываем, что именно в грамотах новгородского происхождения есть замена буквы *e* буквой *ѣ* перед твердыми согласными, в то время как в ростово-суздальских текстах такая замена наблюдается прежде всего перед мягкими согласными.

Двинские грамоты, знающие замену *e* через *ѣ* перед твердыми согласными, и грамоты, имеющие в этом же фонетическом положении написание *o* вместо *e*, не совпадают. Не совпадают и грамоты, имеющие написание *o* вместо *e* и написание *и* на месте *ѣ*.

Все эти данные позволяют выделить новгородские тексты с такими чертами, как: 1) замена буквы *e* буквой *ѣ* перед твердыми согласными, 2) замена буквы *ѣ* буквой *и* во всех

³⁵ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 148—149.

морфемах, а не только в конечном открытом слоге, составляющем определенные флексии, и отсутствие написаний буквы *o* вместо буквы *e* в морфемах, где нельзя предположить результат морфологического воздействия.

Думаем, что эти тексты отразили типичные черты говоров новгородской группы.

Этот вывод подкрепляется данными современной диалектологии, среди которых выделяем наблюдения проф. А. И. Аванесова о слабой лабиализации предударного [o] из [e] в говорах Олонекской группы и о говорах, не знающих изменения [e] в [e̞] перед мягкими согласными³⁶.

Материал, собранный для Атласов русских народных говоров и уже частично обобщенный в кандидатских диссертациях и подготовленных картах, свидетельствует о том, что на северо-западе и севере распространены главным образом говоры со следующими типами предударного вокализма перед твердыми согласными: 1) и — е — а — у; 2) и — е — у; 3) и — о — а — у³⁷.

Именно на территории, исторически связанной с новгородской колонизацией, есть говоры с непоследовательной лабиализацией [e]. Здесь отсутствует постоянство в соотношении ударного [c'o] и предударного [c'o]: [n'oc] — [n'ocú], которое имеет место для говоров, продолжающих в своем развитии систему ростово-суздальского диалекта. На этой же территории при составлении карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы» выявлены отдельные очаги неперехода [e] в [o] под ударением, произношение типа: [п'ат' в'ерст], [ов'ес], [в'ес'елой]³⁸.

Интересный для исторической интерпретации материал дает экспериментально-фонетическое исследование вокализма и консонантизма русских говоров, выполненное С. С. Высотским и его учениками. Так, в северновеликорусских говорах северо-востока с дифтонгами типа [ie], [yo] С. С. Высотский отмечает гласные среднего подъема [e] — [o] более повышенного образования, чем в литературном языке, т. е. [e̞], [o̞].

³⁶ Р. И. Аванесов. Заметки о говоре села Семеновского на р. Водле. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949; Р. И. Аванесов. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. «Докл. и сообщ. филол. фак-та Моск. ун-та», 1947, вып. 2.

³⁷ С. К. Пожарицкая. Ук. соч.; ее же. Группировка северновеликорусских говоров по типам вокализма первого предударного слога после мягких согласных. В сб.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1966.

³⁸ Материалы находятся в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР.

Р. Ф. Пауфшима в архаической системе говора Костромской группы отмечает монофтонги [o] и [e] «с ярко выраженной тембральной однородностью, отсутствием в их составе начальных элементов верхнего подъема. Начальные фазы этих гласных по своему спектральному составу практически не отличаются от их ядра и характеризуются только меньшей интенсивностью». Перед этой фонемой /e/ выступают согласные неполного смягчения³⁹.

Можно предположить, что вокализм, включающий подобного рода гласные среднего подъема, известный в настоящее время в архаическом слое говоров, мог сложиться достаточно рано в диалектной системе новгородского типа, формирующейся после падения редуцированных, т. е. уже на рубеже XIV—XV вв.

При таком предположении вывод об отсутствии перехода [e] в [o], о слабой или ограниченной лабиализации [e] в новгородских говорах получает фонетическую основу.

На этой же территории фиксируются формы типа «землею», т. е. с сочетанием типа [с'ес'] из-за отсутствия результатов морфологической аналогии⁴⁰, а направление морфологических изменений было безразлично к характеру ростово-суздальскими и новгородскими текстами актовой письменности в орфограммах с буквами *e*, *o* не являются случайными, не относятся лишь к орфографической выучке писцов, а связаны с фонологическими различиями в языковой системе XIV—XV вв.

В древненовгородском диалекте в XV в. отношения между *e* — *o* реконструируются в следующем виде:

Таблица 5

Под ударением

СГ		СГС		СГС'		С'ГС		С'Г		С'ГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
o		o'		'o	e по говорам	'o	e				e

³⁹ См. С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. В сб.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1966; Р. Ф. Пауфшима. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного севернорусского говора. Автореф. канд. дисс. М., 1965.

⁴⁰ А. Н. Добромыслова. Ук. соч.

Таблица 6

Без ударения

СГ		СГС		СГС'		С'ГС		С'Г		С'ГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
o						e	'o	e			e

Примечания:

1. В положении С'ГС под ударением в одних говорах древненовгородского диалекта имела место лабиализация [e], в других такая лабиализация отсутствовала.
2. В положении С'Г под ударением и без ударения наличие [e] или [o] определялось морфологически и было связано с направлением морфологической аналогии.

§ 37. Лабиализация [e] в псковском диалекте

В памятниках XIV века псковского происхождения мало достоверных примеров, свидетельствующих о фонетическом изменении [e] в [o] перед твердыми согласными.

В результате тщательного анализа рукописи Псковского Пролога 1383 года Т. Н. Кандаурова приходит к выводу, что изменение [e] в [o] не было свойственно произношению ни первого, ни второго писца Пролога 1383 года⁴¹. Но в XV в. в памятниках Пскова и его области число примеров замены буквы *e* буквой *o* в разнообразных орфограммах уже довольно большое.

По данным Н. М. Каринского⁴², частая замена буквы *e* буквой *o* (около 120 примеров) отмечается в Сборнике Синодальной библиотеки № 154, отмечается эта замена и в других текстах. Эти орфографические факты в текстах XV в. допускают фонетическое толкование и делают возможным предположение о переходе [e] в [o] под ударением перед твердыми согласными в говорах древнепсковского диалекта XV в., о замене [e] звуком [o] в парадигмах склонения и о фонологизации [e] — [o] под ударением. Такому предположению соответствуют сведения о фонетике современных окающих и акающих псковских говоров⁴³.

⁴¹ Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта XIV в., стр. 196—199.

⁴² Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

⁴³ Псковские говоры, т. 1. Псков, 1962.

Таблица 7

Под ударением

СГ		СГС		СГС'		СГ		СГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
о		о'		о	/e/	о	е	ѳ	е

Примечание:

В положении СГС по говорам могло сохраняться [е] без перехода в [о]. В положении СГ и СГС' появление [е] или [о] зависело от морфологической позиции.

V. ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ ВЕРХНЕСРЕДНЕГО ПОДЪЕМА

§ 38. История фонемы /ê/ по данным ростово-суздальской письменности

Исследователи рукописных текстов XIV века северо-восточного происхождения пришли к выводу, что в говорах ростово-суздальского диалекта в середине XIV века имела место особая гласная фонема, обозначаемая буквой ѳ.

По данным Галичского Евангелия 1357 года, эта фонема была противопоставлена фонемам /e/ и /и/ во всех фонетических положениях: «...правильное различие на письме букв ѳ, е, и в соответствии с этимологией указывает на то, что в галичском говоре середины XIV в. существовал особый звук, обозначаемый буквой ѳ. В положении под ударением и в предударных слогах как перед твердыми, так и перед мягкими согласными он отличался от звуков, обозначаемых буквами е, и... Что касается заударного положения, то в нем можно предполагать процессы, благодаря которым звуки, обозначаемые буквами ѳ и е, оказались близкими..., в конечном открытом слоге можно предполагать более открытое образование рассматриваемого гласного звука»⁴⁴.

Этот вывод совпадает с заключением О. А. Князевской о фонеме е и ѳ в московском говоре XIV в. по данным Московского Евангелия 1358 года⁴⁵.

Проф. П. С. Кузнецов отмечает различие букв ѳ, е, и перед твердыми согласными и отдельные случаи мены этих букв перед мягкими согласными в Переяславском Евангелии 1354 года, свидетельствующие о возможном сближении зву-

⁴⁴ Л. П. Жуковская. Ук. соч., стр. 60—61.

⁴⁵ О. А. Князевская. К истории русского языка северо-восточной Руси...

ков, обозначаемых этими буквами, перед мягкими согласными⁴⁶.

Ростово-суздальские грамоты конца XIV—XV века (до 1505 года) знают употребление букв ѳ, е, и в одних и тех же орфограммах.

Орфограммы с соответственным написанием букв ѳ, е, и для обозначения корневых морфем: апрѳл(а) 97, 331, береза (обычно), но: берѳзь 290, бѳль 1, 8, 51, 156, 168 (3 р.), 236, бѳлаозера 115, Бѳлоозеро 162, 165 (2 р.), 68, 285, 290, Бѳлозерьским 90 (2 р.), 161, 174, бѳл(о)зерьской 304, 338, бѳлозерьский 110, 278, 291, бѳлозерьскую, 162, бѳлоозерцем 166 (2 р.), 180, бѳлуозеру 290, на Белѳозерѳ 234, Бѳлеозерѳ 110, 192, оу Бѳлаозера 290, Бѳлои 281, 290, бѳлки, 8, бѳлка 156, 169, 120, 192, 98, 323, бѳлках 168 (2 р.), но: белозерьской 106, 107, 108, 109, 253, 309, белозерьские 278, белозерском 302, белоозерьский 322, белозерьцом 322. Белѳозерѳ 233, 236, 278, Белеозере 118, 337, Белаозера 208, Белоозеро 171, 172, 277; бѳгають 168, бѳгает 495, бѳсѳду 97, вѳду, вѳсти (обычно), но розвѳсти 289, вѳдати 249, вѳдает 98, 180, 192, 266, 99, 117, 160, 278, 446, 455, 323, 334, вѳдают 155, 169, 467, вѳдаем 307, вѳдаю 481 (2 р.), вѳдомо 268, 309, 263, заповѳдати 107, 495, заповѳди 69, 106, 194, 107, 110; но: ведомо 306, 481; в ѳки 261, вѳк 290, вѳка 334, вѳковые 334, 336, велѳл (много раз), но вѳлелѳ 110 (2 р.), къ Вѳрочинѳ 290, вѳрогл(а)зынь (2 р.) 253, перевѳсьищи 238, перѳвѳсьищи 238, вѳсчѳе 180, 207, грѳхомѳ 109, 286, 290, 444, грѳхѳ 495, гнѳваша 474, Гнѳвашѳ 302, дѳва, но: под Дивич(ь)ѳю горою 168; дѳдѳ 84, 289 (4 р.), 333, дѳду 90, дѳло 156, 249 (2 р.), 455, 476, 497, 326, дѳлы 166, 174, 175, 184, 192, 197, 237, дѳла 192, 97 (2 р.), дѳлами 289, дѳлѳх 97, 174, у дѳлѳ 184, дѳлу 436, в дѳле 490, дѳлал 263, роздѳлалѳ 8, 46, 289, дѳлат 169, дѳлатсѳ 266, 283, дѳлают 496, роздѳли 46, 290, подѳли 117, 327, подѳль 165, подѳлѳх 289, подѳлем 290, но: поделѳм 46; недѳлю 101, 249, недѳлѳик 495, недѳли 333, 323, недѳлю 334, но: неделѳю 101; додѳлывали 326, з деревнѳми 255, деревни (много раз), но: з дѳревнѳми 155; дѳти 110, 117, 194, 206, 273, 290, 333, дѳтеи 178, 201, 333, 338, 467, 490, дѳтъи 304, дѳтем 168 (5 р.), 289, 302, з дѳтми 307, 490, но: дети 261, детеи 168, 496, з детми 168 (3 р.), деи 101, но: дѳи 99; держат (много раз), но: дѳржат 155; желѳзног(о) 290, крѳпости 307 (2 р.), крѳпи 333, крѳпость 481, клѳтъ 333, и 284, 286, 290, налѳво 290, лѳваи 335, 334, налѳво 337; но: лѳвѳ 90 (2 р.), налѳвѳ 306, легла (обычно), но: пролѳгла 110; лѳсѳ 273, 265 (7 р.), 285, 490, 335, 336, 337, в лѳсѳ 104, по лѳсѳ 104, лѳску 306, с лѳсы 32, 84, 165, 323, 462, 208, 238, 290, 324, 471, 298, 255, 284, 496, 286, 288, 289 (5 р.),

⁴⁶ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 138.

лѣсом 288, 470, 325, 336, лѣсу 273, 334, на лѣсѣ 290, лѣсовѣ 156, 471, лѣсок 306, лѣсех 181, 288, но: к лесу 104, на лесѣ 289 (2 р.), лес 303, 335, 337, на лесѣх 289; залѣзут 168, лѣсти 152 (2 р.), 334, лѣзем 334, лѣт 98, 156, 232, 169, 205, 206, 288, 290, 307, 309, 463, 322, лѣта 249, 266, 268, 278, 333, 334, 279, 291, 307, 326, 337, 464, 481, 490, 330, 331, лѣт(о) 97, 98, 156, 161, 162, 169, 174, 175, 160, 253, лѣте 53, 203, 207, лѣтнимъ 165, лѣтней 336, на лѣтней стороне 325, 334, полѣтнюю 326, лѣтось 463, 464, 401, но: лето 171, между 309, межа (обычно), межи собою 308, но: мѣжа 309, по мѣже 309, мѣжах 47, мѣжъ собою 308, мена 309; мене (обычно), номѣна 309; на мѣнѣ 238, вымѣнили 290, вымѣнил 255, 184 (2 р.), 290 (2 р.), промѣнил 255 (3 р.), 253, мѣновная 290, мѣновную 255, мѣнову ю 472, мѣналь 441, мѣнилъ 441, 472, но: променил 253, менали 472, променити 474; мѣрои 155, измѣрати 290, помѣщиком 294, мѣра 472, мѣсто 167, 198, 234, 238 (2 р.), 253 (2 р.), 286 (3 р.), 387, 255, 281, 192, 288, 306, 309, 334, 481, 495, 496 (2 р.), 337, мѣста 152, мѣсть 285, 334, 335, мѣстѹ 306, по сямѣста 484, 490, на мѣсть 155, намѣсници 180, 232, 266, 278, 322, намѣстники 51, 90 (2 р.), 194, 101, 102 (3 р.), 106, 107, 108, намѣсникоу 109 (2 р.), намѣстником 162, 322, 179, намѣсники 110, 169, но: место 237, мѣстѹ 306; смѣснои (суд) 180, 192, 232, 266, 278, 98, 455, 323, смѣсны 169, смѣшается 156, 158, озеро (обычно), озерѣ 155, но: с озѣры 155 (2 р.), озѣрѣ 155 (3 р.), отвѣчаешъ 90 (2 р.), отвѣчай 288, 307, отвѣчай 450, 464, 481, 495, отвѣтчика 495, 288, 334, 336, 337, отвѣчивати 167, отвѣчивал 496, отвѣт 97, отвѣчаите 333, 336, 337; но: отвѣчаите 306, 309, 463; пѣсочни 290, пѣску 290, правѣдщици 169, но: праведшици 156; перед мене 156 (много раз), но: перѣдо мною 155; пѣти 476, 487, полѣно 302, рѣзанка 180, рѣку 46, 116, 152, 165, 206, 289, 291, рѣка 258, рѣки 238 (2 р.), рѣкою 207, 288, 289, рѣку 450, рѣчка 46, рѣчкоу 155, 185, 238, 286, 323, 333, по рѣчкѣ 238, 281, 284, 290, 336, рѣчки 167, 185 (2 р.) 286, 288, 309, рѣчкою 284, 286, к рѣкѣ 238, 263, 297, рѣцѣ 32, 47, 117, 165, на рѣцѣ 192, 205, 233, 255, 290, 333, по рѣкѣ 330, 334, но: к реке 104, 309, на рике 261, по реке 104, рекою 255, к реце 337, речку 335, на рецѣ 325, 334, 336, на речке 338, по рецѣ 263, 107, 289, к речке 336, рекѣ 185, 188 (2 р.), 208, реки 104, 334, 335, 336, речки 335; отсѣдѣть 156, отсѣдев 98, осѣкъ 290, оусѣкновение 333, осѣкомъ 290, (о)сѣку 280, сѣкли 285, сѣче 306, 337, 338, посѣчищо 290, розсѣчи 285 (3 р.), 290, розсѣчь 285 (3 р.), сѣчи 306, 337, но: осеком 306, ссеку 306, секли 306, посекли 337, сечю 306; сѣно 277, 285, 481, сѣна 107, 289, 333, 336, сѣнѣ 98, 107 (2 р.), 156, 169, 232, 484, сѣном 252, 464, но: сена 484 (2 р.); сѣрко 42, 73, сѣрковского болота 290 (2 р.), деревня Сѣркова 290, но: серко 63; стрѣлу 238, в стрѣлу 290, сѣманы 328, свѣтиков 495, сѣяли 337, посѣял 495, но: посеяли 337; хлѣбъ 279, хлѣба 279 (2 р.), 474,

хлѣбом 446, 328, 333, з хлѣбом 337; оцѣнить 289, цѣнат 289; целовав 334, 336.

Корни, начинающиеся на ѣ [jê~]: ѣдучи 69, 121, 464, 470, ѣздоки 169, 170, 194, 204, 232, приѣзда 111, съѣхавса 156, 69, поѣхали 467-а, приѣдет 323, въѣжают 324, заѣзщыки 476, въѣзжают 476, роз(ъ)ѣжжал 470, роз(ъ)ѣжую 463, ѣздити 170, приѣздат 206, 69, поѣдет 69, 170, ѣздат 165, ѣздити 106, 107, поѣдите 206, ѣзовища 8, ѣзовщику 113, ѣз 168, ѣзу 178, 237, ѣзовог(о) 271, ѣе 252, но: поедуть 110, ездоком 110, ез(доки) 194, 232, розѣехали 308, въѣжжаетъ 156, въезжают 487, оуезде 302, ездити 110, ездят 201; приедет 68, на розѣездѣ 308, езовщику 113, езь 113, езѣх 113, езу 113, 119, 168, ее (обычно). Отрицание «нѣтъ», «не»: нѣтъ 69, 156, 166, 192, 202, 271, 286, 289, 322, 324, 333, нѣту 110, 111, нѣ выступают 155, нѣ имати 110, но: не выступаютса 160, не (обычно).

* Корни собственных имен, топонимических названий и под.: Глѣбова 280, Борисоглѣбьска 255, Грибоѣдовъ 258, Еорѣмко 290, Ефрѣма 467-а, Жадѣнки 490, Кѣрго 165 (3 р.), Кѣргу 165, Кѣльгарьског(о) 284, Ковѣзин 308, Киликѣю 474, Кошѣя 467-а, Лукѣрьею 168, Лукѣринъ 290, Лѣпника 208, Мокѣиком 463, Нарѣков 464, 470, Осѣиком 463, Полѣнова 290, Снѣгирев(о) 290, Сѣрбиком 290, на Сѣзмѣ 117, 145, 202, 209, 291, Сѣземьские 98, 99, 160, 194, 199, сѣзмьских 99, но: Сѣзмьских 99, Сѣземских 160, Сизѣмьские 99, Сиземских 160.

В корнях наречий: здѣсе 270, гдѣ 333.

Орфограммы с меной букв ѣ, е, и при обозначении аффиксальных морфем. В аффиксе —[ѣ] в именах: Андрѣи 46, 84, 110, 171, 177, 180, 194, 197, 205, 232, 283, Ондрѣи 51, 152, 238, 441, Андрѣю 299, Ондрѣю 1, 50, Ондрѣя 90, 119, 197, 299, ондрѣевъ 185, 299, Ондрѣева 290, Андрѣевич(ь) 68, 106 (2 р.), 108 (3 р.), 109, 112, 113, 123, 166, 172, 201, 207, 237, 238, 253, Ондрѣевич(ь) 69, 90, 110 (2 р.), 155, 156, 159, 165, 178, 277, 288, 302, 322, 324, Ондрѣева 290, ондрѣевской 470, Бекѣн 165, Валфромѣевъ 152, Геласѣи 327, Галасѣи 277, 284, 286, Григорѣи 302, Дорофѣева 51, Дмитрѣевич(ь) 171 (6 р.), Дорофѣевская 290, Еремѣицово 481, Евсѣи 32, Елисѣико 333, Кошѣевъ 290, Лелѣевские 290, Матѣи 178, 181, но: Авраамей 208, Варсонофей 72, 73, 84, Василии 101, 165, 169, 103, 185, 233, 446, Григорей 104, 169, 297, 463, 330, Дмитреевич(ь) 46, 110 (6 р.), 152, 285, Дмитреева 273, 299, Игнатей 474, 317.

В суффиксе -ен-:

Словѣнокъ 46, Словѣнку 46, Словѣнское 159 (2 р.), Словѣнскому 289, на Словѣнкѣ 290, Словѣнкѣ 46 (3 р.), 277, Словѣнског(о) 335, но: Словенка 1.

В глагольном суффиксе -ѣ- [-ѣ-]:

велѣл 69 (2 р.), 9, 102 (2 р.), 106, 107, 110, 112, 155, 159 (2 р.), 160, 170 (3 р.), 201, 271, 277, 285, 269, 290, 309, 326, 333,

336 (3 р.), 444, 450, 463, 464, 450, но: вълель 110 (2 р.), възръл 90, 464, възрѣли 290 (2 р.), но: възрель 185, възрили 290 (6 р.); владѣмь 337, владѣют 112, говѣв 336, заговѣние 337, сидѣл 168, седѣли 474, погорѣлово 294, згорѣл 481, погорѣли 481, имѣи 97.

Орфограммы с меной букв *ѣ, е, и*, обозначающие флексии.

Флексия родительного падежа един. числа прилагательных и местоимений женского рода.

еѣ 113, 306, 117 291	пр(е)ч(и)стое Б(огороди)ци 84
моеѣ грамоты 166, 271	причистые Б(о)го- м(а)тере 84, 110,
у моеѣ дани 291	иные грамоты 69, моее грамо- ты 156, 189
со всеѣ 250	сее грамоты 162
с тоѣ земли 250, 307	грамоты сее 170
тоѣ земли 290	з грамоты с куп- чие 285
тоѣ д(е)р(е)вни 290	тое грамоты 290
нич(ь)еѣ 290	с купчие грамоты 290
никоторыѣ 175	тое д(е)р(е)вни 70, 90, 117
данскиѣ пошлины 175	из наше деревнѣ 285
ни данскиѣ ни иныѣ	Михаиловские
никоторыѣ	д(е)р(е)вни 309, 285
...пошлины 176	из наше вотчины 156, 322
у рѣчки	из моее вотчины 170
Черныѣ 290	моие вотчины 189
великиѣ княги- н(и) 323	моие слободки 281
иныѣ моеи грамо- ты 323	от горние дерев- ни 290
	тое же слободки 286
своеѣ вотчины 464	Васил(ь)евские слободки 286

Левшинские зем-
ль 487

своеѣ земли 470

земли кирилов-
ские 290

у всеѣ брат(ь)и 470 (2 р.)
до моеѣ межи 471, 476

лукинские рѣчки 309
красные рѣчки 290
отъ тое же... речки 165
грановитое сосны 104
от покляпые ели 309
и другие примеры с буквой *е*

Флексия дательного падежа единственного числа
существительных женского рода

а) после основ на парный твердый согласный: грамотѣ 51, 109, по грамоте 194, 252, 123, 158, 160, 162, 266, 270, 285, 288, 165, 169, 178, 180, 105, 194, 197, 270, 278, 280, 286, 291, 298, 304, к сеи грамотѣ 297, но: к сеи грамоте 304; к горѣ 290, да головѣ 285, 286, 289, к Вологдѣ 170, к Двинѣ 102, жонѣ 117, к Бозинѣ 273, къ Кономѣ 263, Кономѣ 263, к Левишнѣ 287, Микитѣ 307, Лостѣ 297, к Николѣ 249, к Никитѣ 249, Макутѣ 285, отчинѣ 51, 90, панѣ 288, к старостѣ 162, к Палшмѣ 290, Самѣ 289, Савѣ 113, Оуломѣ 290, Оухтомѣ 233, к Шокснѣ 309, Домнинѣ 436, Фомѣ 442, 444, к Семеновѣ 450, Ботѣ 470, Базанѣ 470, Головѣ 333, но: к сосне 104, Малюте 309, старосте Гридкѣ 285, Ионе 284, к Сусле 335, 337.

б) После основ на парный мягкий согласный: к той зем-
лѣ 63, землѣ 185, 287, 306, 467-а, 470, къ деревнѣ 185, 290
(2 р.), 434 (3 р.), к Митинѣ деревнѣ 273, д(е)р(е)внѣ к Ле-
вшинѣ 287, к тои полудеревнѣ 289, в тои дер(е)внѣ 304, Гридѣ
286, 287, 495, Митѣ 207, Тимонѣ 306, Филѣ, 307, к тои пожнѣ
297, ко княгинѣ 450, но: тои земле 263, 290, къ их земле 337,
Гриде 252, Косте 284, 307, Мите 481, Федуне 336, тои поже
309, к моеи земли 471, к тои деревни 156, 290.

в) После основ на непарный мягкий согласный: к Ваш-
кицѣ 165, к троицѣ 474, мелницѣ 290, олешѣ 233, к тои же
пустошѣ 290, к Кочевинской пустошѣ 290, к Нелшѣ 481 (4р.),
к межѣ 290, ищеѣ 495, 336, и всеи братьѣ 436, к Марѣ 450,
но: к Порозобице 345, 336, х Кономице 284, Левуше 309, Ше-
лекше 336, его братьѣ 155, 464, Марие 117, судье 463, к пусто-
ши 257, и всеи брат(ь)и 117, с(в)лѣтѣи брат(ь)и 273.

г) После основ на заднеязычный согласный: к рѣцѣ 165,
189, 190, рекѣ 185, 208, 238, 263, к рѣчкѣ Тыкинѣ 281, к
рѣчкѣ к Вазовкѣ 290, олешкѣ 233, 253, Сенкѣ 285, Федкѣ 306,
Тимошкѣ 307, к тои слободкѣ 286, 288, къ их слободкѣ 286, к
Кулигѣ 290, но: к реке 104, к речке 284, к Ерьге 284.

Флексия местного падежа единственного числа имен су-
ществительных и кратких прилагательных мужского и сред-
него рода.

а) После основ на парный твердый согласный: ω Христь 97, в том дворъ 180, при Маткинъ животъ 185, в животъ 309, ω судъ 266, 290, на судъ 285, 286, 288, 307, 334, 464, вудълъ 184, на Возвозъ 47, на Възвозъ 54, на взвозъ 290, в Карголо-мъ 70, 209, 210, 253, 304, на игумень 98, о Юрьевъ 101 (2 р.), Бъл(о)зерьском оуездъ 304, на отводъ 104, 238, 289, 450, в отводъ Офонасьевъ 165, на Вогнемъ 123, при Романъ 152, на разводъ 152, 201, при Кирилъ 155, на Островъ 155, в Ростовъ 161, 174, в городъ 180, ω Хр(и)с(то)въ стадъ 97, (в) Васковъ 185, 285, и в посулъ и в пересудъ 189, в Кириловъ 206, на новъ 208, по сынъ 232, по Яковъ 232, при Романъ Иванович(ъ) 281, при Федоръ при Давыдовиче 284, при кн(я)зъ при Михаилъ 285, на обноринъ 285, на лесъ 289 (2 р.), на лѣсъ 290, на Калдомъ 290, в Каргободъ 290, в Михайловъ 290, на Чу л масаръ 291, на взвозъ 291, на докладъ 441, на архимандритъ 442, на Костантинъ 446, по прачюръ 446, по Борисъ 446, по Иванъ 446, по Олександръ 446, по Семень 446, 450, 453, в Корзиковъ 462, на Оурсовъ 462, в Карауловъ 462, в разумъ 474, в Сорояръ 322, въ Гангосаръ 323, в Поворовъ 333, на Белъозеръ 108, 189, 110, на озеръ 324, 330, в озъръ 155 (2 р.), в Минъицовъ 307, на мѣсть 155, в Милобудовъ 289, в Михале-вѣ 307, в Юрьевъ 289, в Ратмаровъ 290, в Панковъ 291, в серебрь 326, в Поворовъ 332, в Тимовъ 333, в Мигачевъ 333, в селъ 121, 169, но: в Милобудове 289, на Чюдинове 168, на судне 171, в малом судне 203, в Угле 156, в закладе 168, оуезде 302, в отводе 309, на острове 168, на лѣсе 290, на Белеозере 337, 111, 278.

б) После основ на парный мягкий согласный: в том монастырь 69, 194, 207, в Кириловъ монастырь 97, 108, 161, 166, 174, 176, 189, 289, 290, в монастырь 260, 467, при кн(л)зъ при Михаилъ 285, в колодзъ 238, но: в Кирилове монастыре 99, в Суздале 467, по великом князе Васил(ъ)е 283, ω великом кн(л)зе 467, или: в том монастыри 106, при кн(л)зи 155, 444, 446, 490.

в) После основ на непарный мягкий согласный: при отцъ 155, при моем отцъ Микитъ Иванович(ъ) 281, по отцъ 283, на судь 180, в концъ 330, на дворцъ 283, в Кивунцъ 243, в княженъ 203, о сестричъ 450, на Мордашъ 474, в Селцъ 474, но: на Угличе 283, на Посил(ъ)е 297, на Устье 249, в Окологород(ъ)е 266, 307, в раменне 185, ω здравье 467, и: по его отци 446, по сестричичи 453, о судьи 334, на Оустьи 236, в том селци 170.

г) После основ на заднеязычный: в наволокъ 63, на его приказчикъ 98, на прикащикъ 180, на приказницъ 169, в списокъ 286 (2 р.), 288 (2 р.), 280, 333, 337, в Федосьинъ городкъ 255, на Ельникъ 289, на Волочкъ 290, в Осникъ 290, паузкъ 203, на озеркъ 122, 255, том наволоке 309, 336, на наволоке 336, в списке 334, 285, 289, в починки 275.

Флексия местного падежа един. числа имен существительных женского рода.

а) После основ на парный твердый согласный: на водъ 109, на Москвъ 97, 98, 169, 180, 309, 463, в правдъ и в винъ 98, 156, 158, 180, 189, 232, 278, на Съзмъ 117, 291, на Шокстнъ 178, на Шокснъ 233, на Шекснъ 255 (3 р.), на Шохснъ 238, на Шохстнъ 252, на сторонъ 233, 464 (2 р.), на правой сторонъ 273, 470, на соснъ 290 (3 р.), в казнъ 309 (2 р.); на старинъ 436, 441, 450, 464, в розбоъ и татбъ 278, на Оуломъ 46, 290, в моеи отчинъ 108, 109, 177, 203, 271, в мое(и) вотчинъ 156, во всеи... вотчинъ 197, в Кистемъ 84, 90, на Вологдъ 169, 177, 180, 189, 194, 197, 250, 266, 279, 290, 307, в Маслинъ 177, на Масленъ 307, 266, на (Сл)мъ 189, 205, на Слмъ 289, на мѣнъ 238, на Лостъ 297, 294, на Оуглъ 238, на Ухтомъ 253, в Кѣмъ 453, 298, на Злобъ 266, на Игуменовъ, купчинъ 271, при... Микитъ 281, в грамотъ 286, 290, 307, 462, в ободной грамотъ 288, во княжъ Михайловъ грамотъ 289, 464, на Оуломнъ 289, на беръзъ 290, на вымлъ 290, в Киснемъ 290, по Васились 446, но: в правде и вине 278, на Шексне 261, на Шохсне 238, на той стороне 255, 261, в одине 111, в своей вотчине 40, в сей грамоте 266, в грамоте 490, и: на усть Уломы 290, на усть-Подоксы 484, на Вуготи 496, по рецъ по Оуготи 496.

б) После основ на парный мягкий согласный: о той земль 490, в земль 102, 165, на земль 450, 463, 464, в Тверьской земль 271, на чьей то земль 285, в нашой д(е)р(е)-внъ 285, в деревнъ Семкинъ 290, в той деревнъ 290, 495, на полъ 474, но: на той пожне 309, той пожне 309, по матери 446, по кн(л)гини 446, на озими 337.

в) После основ на непарный мягкий согласный: на Талицъ 117, на Порозобицъ 189, 205, в мелницъ 290, в душевницъ 434, на Шешъ 1, на Шошъ 289 (2 р.), по своей душъ 286, 288, 290, по д(у)шъ 444 (2 р.), по Каршъ 471, на селищъ 481, о межъ 467-а, но: в Кивоице 104, на Порозобице 336, по Шелекше 334, по мѣже 309, на съче 337, 338, в Верее 166, у Солци 455, на кто братья 442.

г) После основ на заднеязычный: на рѣкъ 287, на рѣцъ 32, 47, 117, 205, 255, на рецъ 496, на волхъ (=Олхъ) 290, на Славънокъ I, 46, на словѣнкъ 290, на дорозъ 107, в Романовъ слободкъ 121, 176, 291, в Рукинъ слободкъ 161, 174, 291, на ошешкъ 253, в росохъ 238, но: на рѣце 289, по великой княгине иноке Марфе 283.

Флексия именительного падежа множественного числа имен существительных с суффиксом *-анин, -ин*: боляръ 110, волочанъ 285, 289, хрестьянъ 289, хр(е)стианъ 290, самланъ 289, но: самлани 289.

Во флексии местного падежа множественного числа имен существительных всех трех родов:

возъх 203, 207, в судъх 207, дѣлъх 166, на лѣсъх 289, на лузъх 464, 484, на его наимитъх 281, на двух докладъх 290, инъх игуменъх 155, в спискъх 289, в дубникъх 470, Гасинъх 471, но: п(усто)шех 160, 307, рублех 474, волостех 207, родителех 104, 290, на двуелех 290, делех 166, 174, людех 108, 194, 271, лѣсех 101, хрестьянех 171, лузех 484, старъцех 284, 290, на дорех 265, чернцех 289, в их селех 108, 176, в лицах 108, в селцех 168, в павозкехъ 53.

Флексии местоимений, числительных:

тъ 53, 98, 110, 112, 117 (2 р.), 155, 165, 168, 170, 185, 197, 283, 277, 285, 288, 290, 307, 322, 323, 324, всѣ 53, 155, 201, 271, 288, 307, 476, но: вси 440, инѣ 123, 172, онѣ 336, но: оне 168; мнѣ 177, 152, 174, 252, 285, 290, 334, ко мнѣ 97, 237, тебѣ 97, 124, 172, 289, на тебѣ 97, о тебѣ 97, себѣ 101, 113, 123, 152, 160, 172, 129, 132, 286, 288, 289, 291, 302, тобѣ 209, 324, 325, 327, собѣ 99, 155, 158, 160, 169, 180, 237, 252, 279, 281, 299, 322, своѣ пустоши 189, на своѣ мѣста 109, моѣ волостели 189, двѣ 185 (4 р.), 333, двѣсть 205, 249, 283, 290, 294, двѣнатцать 328, с обѣ 1, 165, 288, 290, но: по обе стороны 46; обѣих 333, по обѣ стороны 333, 334, обѣих 333, тѣх 51, 99, 101, 112, 113, 160, 161, 162, 166, 174, 176, 192, 194, 197, 202, 204, 233, 253, 261, 266, 271, 277, 284, 307, 329, 333, 474, но: тех 303; тѣм(ъ) 46, 90, 98, 152, 156, 158, 169, 180, 192, 205, 208, 210, 232, 233, 238, 255, 258, 263, 266, 325, 285, 288, 280, 327, 303, 436, 455, 462, 329, 474, 322, 323, но х тем 303; затѣм 281, тѣх 51, 99, 101, 112, 113, 160, 161, 162, 166, 174, 176, 261, 266, 271, 277, 177, 192, 194, 197, 303 и др., всѣх 97, 204 (2 р.), 101, 112, 158, 207, 307, всѣм 162, 166, 192, 208, 210, 233, 257, 277, 286, 208, 136, 140, 444, 290, 434, 446, 462, 474, 328, но: всем 303, 467, вси 440, всѣми 210, 233, 304, 329, 333.

Конец неизменяемых слов (наречий, служебных слов):

зимѣ 53, 203, 207, лѣтъ 207, но: лѣте 203; болѣ 101, 289, болѣ того 108, 112, 334, возлѣ рѣку 116, возлѣ Долгой Мошек 273, возлѣ озеро 175, возлѣ мох 284, но: возле 168, вопчѣ 324, до-толѣ 481, гдѣ 237, 289, 495. Углы жѣ 238, кудѣ коса косила кудѣ топорѣ ходилѣ 63, 324, надобѣ 180, 237, не надобѣ 98, 156, 207, 232, 323, 266, 455, 474, 487, но: надобе 169, не надобе 322; налевъ 306, но: налеве 306, индѣ 237, инѣ 324, инѣ 289, опрочѣ 97, 180, 266, 290, 322, но: опроче 278, 323; послѣ 201, но: после 322; пригожѣ 237, подлѣ болота 266, 290, и: подлѣ Долгой Мошек 290 (3 р.), подле 104, 290, передѣ того 288, сквозѣ 69, 53, 106, 203.

Характер приведенных орфограмм с учетом последовательного проведения орфографической системы и отклонений от нее позволяет сказать, что данные орфограммы не могут быть объяснены влиянием южнославянских орфографических школ или последовательным соблюдением орфографической традиции: достаточно указать на написания флексивных мор-

фем, которые находят соответствие лишь в фактах живого великорусского языка изучаемой эпохи.

Последовательное проведение морфологического принципа в одних орфограммах и отступления от него в других может получить фонологическую интерпретацию. Морфемы корневые и производных основ: апрѣл~, бѣг~, бесѣд~, вѣк~, вѣр~, вѣс~, грѣх~, гнѣв~, желѣз~, крѣп~, клѣт~, лѣз~, мѣр~, лѣт~, пѣс(ок)~, пѣт~, полѣн~, рѣз~, стрѣл~, сѣман~, свѣт~, хлѣб~, цѣн~ написаны с буквой *ѣ* в соответствии с фонемой /*ê*/ в этих основах, о чем мы можем судить на основе этимологии гласного в этих корнях. Многие основы собственных имен и топонимических названий обозначены орфограммами лишь с буквой *ѣ*, без замены ее другими буквами.

Употребление буквы *ѣ* и буквы *е* перед твердыми и мягкими согласными в одних и тех же орфограммах часто наблюдается при написании корневой морфемы *бѣл-* в сложных словах: Белоозера, Белоозеро, Белозерский, белозерьцом, белозерьѣ, Белеозере. Такое же употребление букв *ѣ* и *е* перед твердыми согласными единично отмечено при обозначении корней: вѣд~, лѣз~, лѣс~, лѣт~, мѣст~, рѣк~, сѣк~, сѣн~, цѣлов~.

Употребление букв *ѣ* и *е* в орфограммах, обозначающих корни и основы слов, имеет место чаще всего перед мягкими согласными, т. е. в данном фонетическом положении возможны отступления от основного принципа древнерусской орфографии — обозначать одинаково фонемный состав морфемы. Написания: берѣзѣ 280, розвѣсти 299 (при обычном *веду, вѣсти*), бѣлелѣ 110 (2 раза), здѣревнами 155, озѣрь 155 (3 раза), дѣржат 155 (согласный [р] в этом слове произносили мягко), мѣжа 308, по мѣже 309, мѣжах 47, мѣж собою 308, мѣна 309, здѣсе 270, ежелѣтъ 102 могли возникнуть под влиянием произносительных фактов, которые предстоит выяснить. Такое же употребление букв *ѣ* и *е* наблюдается при обозначении гласного после согласного [j].

Написание буквы *ѣ* и буквы *и* в орфограммах корневых морфем единично: на рике 261, под Дивич(ь)ею горою 168 (здесь написание буквы *и* вместо *ѣ* может получить и графическое объяснение — влияние последующей буквы *и*), сизѣмские 99, сиземских 160, наряду с сѣземские 98, 99, 160, 194, 199.

Написание местоименных основ соответствует этимологии фонемы /*ê*/ и морфологическому принципу орфографии. Аффиксальная морфема /*êи*/ знает две равноправные орфограммы *ѣи* и *еи*. Морфема /*ê*/ в основе инфинитива передается обычно буквой *ѣ*, лишь в двух случаях — буквой *е*: вѣдеа — 110, възрелѣ — 185 и один раз — буквой *и*: възрили —

290 (здесь возможно морфологическое объяснение: смещение аффиксов инфинитива — *ѣ* /*ê*/ и /*и*/).

Употребление букв *ѣ* и *е* во флексиях — преобладание этимологического написания или орфографические инновации — зависит от формы слова, от ее принадлежности к книжному типу великорусского языка XIV—XV вв. или диалектному языку. Во флексии родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений, в форме типа: *тоѣ* (*ѣ*) *грамоты*, *из нашихѣ* (*ѣ*) *деревни*, которая для XIV—XV века, очевидно, стала принадлежностью книжного языка, а в живой речи появились формы типа: *той*, *нашей*, написание конечной буквы *е* преобладает над написанием конечной буквы *ѣ*. В окончаниях дательного падежа единственного числа существительных женского рода после основ на парный твердый согласный, на парный мягкий согласный, на непарный мягкий согласный, на заднеязычный, в окончаниях местного падежа единственного числа имен существительных женского, мужского и среднего рода после перечисленных основ, в конце неизменяемых слов (наречий, служебных слов, происходящих из формы местного падежа существительных), преобладающим, характерным является написание буквы *ѣ*. Написание буквы *ѣ* и буквы *е* в окончаниях местного падежа множественного числа в словах, принадлежащих генетически к основам на *-о: *возѣх*, но *лѣсех* и т. д., может иметь и морфологическое объяснение: смещение флексий *-ѣх* и *-ех* из *-ѣх* у слов одного и того же рода.

Описанное чередование орфограмм с соответственным написанием букв *ѣ*, *е*, редко *и*, обнаруживает связь с фонетической характеристикой орфограммы: соседство [j], парных твердых, парных мягких и непарных мягких согласных, а также с их морфологической характеристикой — обозначение корневой, аффиксальной или флективной морфемы и не зависит от отношения к месту ударения.

Употреблению букв *ѣ* и *е* в одних и тех же орфограммах, особенно замене буквы *е* буквой *ѣ* главным образом в положении перед мягкими согласными в корнях слов, довольно последовательному написанию буквы *ѣ* в падежных окончаниях местоимений и имен существительных женского рода в дательном падеже и всех трех родов в местном падеже единственного числа придаем фонетическое значение и предлагаем следующую интерпретацию этих орфографических явлений.

Переводя орфографические данные в план фонологический, не определяем звуковую основу каждого отступления в написании каждой орфограммы, а соотносим характер орфографии с предполагаемым состоянием той части звуковой системы русского языка после падения редуцированных, к которой относятся приведенные орфограммы. Исходя из этого

соотношения и постараемся понять основу «ошибок» писцов, нарушения ими основного орфографического принципа.

После падения редуцированных, утраты слогом автономности и появления новых типов позиционной мены звуков в говорах ростово-суздальского типа возникла позиционная мена: [e] // [e] («е» напряженным) в условиях: [e+c], [e+c']. Фонема /*ê*/, утратив долготу⁴⁷, по своему качеству оказалась близкой или даже тождественной новому члену позиционной мены в ряду фонемы /*e*/, т. е. возникла позиция нейтрализации двух фонем. Неразличение фонем /*ê*/ и /*e*/ перед мягкими согласными и стало фонологической основой написания букв *ѣ* и *е* в одних и тех же орфограммах. Такое же употребление букв *ѣ*, *е* перед твердыми согласными может быть объяснено перенесением — по условиям существования слов в парадигме — в эту позицию фонетически оправданной мены этих букв перед мягкими согласными. Кроме того, такое употребление букв *ѣ*, *е* и перед буквами для твердых согласных для текстов XV века, особенно конца XV века, могло иметь и фонологическую основу, о чем будет сказано дальше.

Узкий гласный типа [e] между мягкими согласными не достигал в это время самого верхнего подъема, не становился гласным [и].

Как уже было показано выше, редкие случаи написания букв *ѣ* и *и* в одинаковых орфограммах могут получить и фонетическое объяснение.

Мена букв *е* и *и* в орфограммах также редка: Богоматери — 72 (при *Богоматери*), Кочевинской — 265 и Кочивинскую — 265, пречистой, причистой — 309. Все эти примеры могут также иметь не фонетическую, а графическую (влияние последующей буквы *и*) или морфологическую (смещение префиксов *пре-*, *прѣ-* и *при-*) интерпретацию.

Вывод о совпадении фонем /*ê*/ и /*e*/ между мягкими согласными в северо-восточных говорах не противоречит данным современных говоров, продолжающих историю говоров ростово-суздальского типа⁴⁸.

Лабialisация [e] перед твердыми согласными, изменение [e] в [e] перед мягкими согласными меняет и положение фонемы /*ê*/ в фонологической системе диалекта, состав ее дифференциальных признаков.

⁴⁷ Долгота /*ê*/ как ее материальное качество могла долго сохраняться, но в новой системе после падения редуцированных этот признак становился фонологически несущественным, избыточным.

⁴⁸ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, чч. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1957. Ч. 1. Ветупительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам, стр. 431 и сл. Ч. 2. Карта № 17, пп. 88, 92, 112, 224, 312, 342, 360, 361, 807; С. К. Пожарницкая. Типы вокализма первого предупредительного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дисс. М., 1963.

Признак «напряженности» у фонемы верхнесреднего подъема в говорах, знающих мену [e] // [e̞] в зависимости от последующего мягкого согласного, став свойством, зависящим от позиционных условий функционирования фонемы, исключается из числа ее возможных ДП в этой же позиции, т. е. в положении перед мягким согласным.

Качество «напряженности» у фонемы верхнесреднего подъема /ê/ перед твердыми согласными также перестает быть ДП, так как утрачивается противопоставление /ê/ — /e/ вследствие лабиализации [e], перехода [e] в [o].

В этой системе звуковые единицы /ê/ и /o/ перед твердыми согласными и на конце слова были лишены возможности противопоставления по «напряженности-ненапряженности» или по «нелабиализованности-лабиализованности», так как не было тождества оснований: они были разного подъема.

Качество напряженности (или иначе — сохранение верхнесреднего подъема) у фонемы /ê/ перед твердыми согласными, потеряв значение дифференциального признака, не могло поддерживаться системными отношениями. Характер новой системы не препятствовал, а способствовал переходу фонемы верхнесреднего подъема /ê/ в разряд гласных фонем среднего подъема, в /e/ в ростово-суздальском диалекте.

Переход /ê/ в /e/ создавал наиболее сильную для ДП «нелабиализованность-лабиализованность» позицию — позицию перед твердыми согласными: /c'el/ — /c'ol/; /l'ec/ — /l'oc/ и т. п. Этот переход /ê/ в /e/ и мог проявиться в мене букв *ѣ, е* перед твердыми согласными (см. выше).

Судя по материалам современных говоров, переход /ê/ в /e/ раньше осуществлялся в безударных слогах.

По данным С. К. Пожарицкой, тип предударного вокализма после мягких согласных перед твердыми: и — о — о — а — у из *и — ѣ — е — а — у территориально характеризует юго-восточный угол территории окающих говоров (главным образом — районы Горьковской области, а также некоторые районы Владимирской, Ивановской, Пензенской, Ульяновской областей, Марийской, Мордовской, Татарской и Чувашской АССР). Некоторое количество населенных пунктов с говорами этого типа отмечено также в восточной части Вологодской области: в Кичменско-Городецком, Междуреченском и Никольском районах. Кроме того, говоры с этим типом вокализма распространяются дальше на юго-восток и отмечаются на территории Куйбышевской области, Ульяновской области.

В районах позднейшей русской колонизации говоры с данным типом предударного вокализма принадлежат выходцам из Поволжья⁴⁹.

⁴⁹ С. К. Пожарицкая. Ук. соч., стр. 56—57.

Генетически этот тип вокализма возник довольно рано. В. Н. Сидоров предполагает, что в говорах владими́ро-поволжского типа первоначально, накануне воздействия аканья, преобладающим типом предударного вокализма был: и — о — о — а — у⁵⁰.

Поэтому можно думать, что открытый звук [e] на месте /ê/ в безударных слогах в говорах ростово-суздальского диалекта появился тогда, когда еще действовал закон лабиализации [e] перед твердыми согласными или во всяком случае фонетическая модель, сложившаяся в результате изменения безударного [e] в [o] перед твердым согласным, была актуальной⁵¹.

Судя по материалам исследования Е. С. Скобликовой, наиболее благоприятные условия изменения [ê] в [e], а затем в [o] в безударном положении создавались в том случае, когда из-за акцентных отношений безударная фонема /ê/ не была связана позиционной меной с ударной фонемой /ê/ в тех же морфемах. Поэтому в говорах обычно наблюдается наиболее устойчивое произношение [o] в словах и формах: *двенадцать, слепой, немой, седей, еда, съедать, светать, светло, затевать, раздевать, запевать, одолевать* и т. п.

Устойчивое произношение [e] характеризует формы: *леса, лесов, в лесу* (ср. *лес*), *снега, в снегу* (ср. *снег*) и т. д.⁵².

В настоящее время говоры на юго-восточной территории северновеликорусского наречия обычно сочетают предударный вокализм: и — о — о — а — у с пятифонемным составом гласных: и — е — о — а — у. Появление здесь шестой фонемы /ê/ — явление спорадическое. Говоры с предударным вокализмом: и — е — о — а — у также имеют пятифонемный состав гласных.

Таким образом, есть все основания предполагать, что и ударная гласная фонема /ê/ в этих говорах стала утрачиваться вскоре после XV века. Динамика этого процесса зависела от принадлежности слов с этой фонемой к тому или иному пласту лексики, от употребительности этих слов, от принадлежности фонемы /ê/ к той или иной аффиксальной морфеме и от положения данного аффикса в словообразовательной и формообразовательной системе языка и других причин,

⁵⁰ В. Н. Сидоров. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1952, т. 2, стр. 67.

⁵¹ Такой путь развития этого типа предударного вокализма намечен акад. С. П. Обнорским в статье «Переход *е* в *о* в современном русском языке». В кн.: А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.

⁵² Е. С. Скобликова. О судьбе этимологического *ѣ* в первом предударном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М., Изд-во АН СССР, 1962.

связанных с функционированием языка как средства общения. Нам важно было подчеркнуть, что общее состояние фонологической системы ростово-суздальского диалекта XV века не поддерживало фонему /ê/ с ее прежними ДП как единицу этой системы. В определенных условиях различие /ê/ и /e/, не поддерживаемое системой, могло сохраняться в силу традиции, сохраняться на положении произносительной нормы, что могло сложиться в условиях московского говора как говора политического и культурного центра.

§ 39. История фонемы /ê/ по данным московских грамот XIV—XV вв.

1. Орфограммы с соответственным написанием букв ъ, е, и для обозначения корневых морфем

Бѣлым озеромъ 12, 31, 32, 43, 55, бѣлозерской 36, на Бѣль озерѣ 12, 21, но: Белогород(ь)ѣ 17, Белым озером 18, Белоутовские 21, 61, Белозерской 36, Бѣжицкой Вереѣ 20, 21, Бѣжицкого 58, бѣглеца 24, 30, 35, но: Бежытки 61, беглеца 19, 34, 35, 38, 43, 55, в беглеца 33, Василен Беда 61, от вѣка 42, 52, 55, 19, 59, вѣкъ 4, вѣчныѣ 4, вѣць 3, вѣданья 1, 36, 38, 42, 43, 47, 55, 56, вѣдаютъ 1, вѣдаетъ 57, вѣдати 3, 36, 47, 52, 59, повѣдати 11, 33, 38, вѣдали 61, но: ведати 53; при(вѣсилъ) 8, иновѣрца 33, 35, от иновѣрца 36, 38, 45, 47, 55, 56, вездѣ 35(I), но вѣздѣ 35(II), многогрѣшны 61, грѣшныи 1, грѣшна 57, грѣхомъ 1, 42, по грѣхомъ 55, но: по грехомъ 17, 18, 13, 61; роздѣль 1, 2, 10, оудѣль 2, 5, 27, 36, 56, в вудѣль 55, подѣл(ятся.) 1, оудѣль 52; подѣлѣти (все гр.), подѣлили 38, но: розделят 17, делят 17, поделятся 17, розделил 30, поделили 38; дѣти 2, 43, 4, 5, 7, 8, 11, 17, 45, 57, 61, дѣтемъ 1, 15, 18, 31, 55, 58, 59, 42, 43, 45, 52, дѣтми 1, 18, 31, 42, 45, 55, 56, 2, 43, дѣтеи 15, 21, 36, 43, 55, 56, 58, но: дети 61, детми 17, 18, 32, 33, 61, детей 13, 15, 17, 30, 61, дѣло 9, дѣль 6, 19, дѣлу 5, 52, издѣлног(о) 57, дѣла 4, 56, дѣловыхъ 3, по дѣловым 38, дѣлюи 3, 17, 45, 56, но: делюев 17, делюи 58; дѣяти 6, дѣяло 10, дѣдъ 24, 30, дѣда 27, 59, 31, 36, 42, 43, 45, 55, 59, при дѣдѣ 9, 47, 56, 59, при дѣдах 19, дѣдины 45, при прадѣдѣ 15, прадѣда 21, прадѣдех 47, но: при прадедѣ 19, 59, прапрадедѣ 59; заповѣди 35; но: заповеди 59; клѣтные 57, лѣсомъ 17, Залѣсьемъ 30, Вышелѣсь 57, мѣсто 1, 2, 36, в мое мѣсто 61, мѣста 10, мѣсты 24, 31, 43, 47, 55, мѣсть 57, вмѣстѣ 5, намѣстнику 2, намѣстников 27, 45 и др., намѣстники 56, в намѣстничтвѣ 4, отмѣны 45, в-ызмѣну 6, отмѣнна 4, перемѣнит 17, 56, вымѣнити 21, 57, промѣнила 57, мѣсяць 9, не надѣятис(я) 2, нѣтъ 6, нѣмци 15, на недѣлю 9, отвѣтъ 57, пѣгги 12, пѣшоходов 10, 47, пѣшехода 10, 33, с пѣшеходца 19; да Песочну 61; по рѣзанѣ 9, за рѣкою 12, 21, по рѣкѣ по Инѣ 33, Зарѣчьем 52, но: по рекѣ Окѣ 10 (3 р.), 33, 47, от реки

17, по рецѣ 19, по рекѣ 19, 33 (4 р.), на реце 61; Зосѣкина 61, стѣнную 57, сѣмень 57, вѣсьсти 2 (3 р.), 36, 43, 56, сѣсти 19 (мн. род.), 31, 56, не оуспѣль 35, свѣча 3, пересвѣтovy 45, доспѣхъ 8, послѣднему доканчанью 34, утѣху 17, съ хлѣбом 57, цѣлымъ 1, цѣлование 35, цѣлую 35, 47, но: целовал 47, в целовании 55, целовав 59, целовали 12, целуи 36, 38, 42, 52, 55, по целованию 36; цѣну 16, 61, зацѣпок 52.

Корни с начальным [jê~]: приѣздѣ 52, поѣдоут 36, оуѣздѣ 47, поѣхати 31, поѣдетъ 2, 59, оуѣздѣ 1, 3, 10, отѣхаль 5, ѣхати 5, 55, ѣдутъ 19, ѣдетъ 38, наѣзды 52, ѣздити 30, зѣхався 19, из ѣздовыхъ 3, отѣздными 31, ѣздниньское 1, но: соехався 19, 52, едут 19, ездити 30, поехати 30, отѣздными 32; ѣзы 61, но: с езы 57, съ езы 61, съестног(о) 30.

2. Орфограммы с соответственным написанием ъ, е, и при обозначении аффиксальных морфем

Суффикс -ѣи-/ѣй-/: Андрѣю 1, 42, Андрѣевич 55, Одрѣевич(а) 55, Олексѣю 2, Олексѣева 2, Патрекѣи 4, Патрекѣевич 21, Тимофѣи 8, 21, Фотѣя 22, Казначѣев 61, но: Меркурей 6, Василен 9, Григорей 21, Офонасеемъ 3, Дмитрею 6.

Суффикс -ѣиш-/—ѣиш'—/: старѣшом(у) 36, 55, 43, старѣшему 42, 43, старѣшим 36, старѣшого 61, но: старѣшим 19, 61, старѣшому 34, старѣшему 56, старѣшым 59. Суффикс -ѣ-/—ѣ—/: седѣли 13, сидѣл 28, сидѣти 30, охоудѣль 57, велѣль 3, хотѣти 5, 36, 38, 42, 52, 55, видѣння 36, безо повелѣнья 17, заговѣнья 6, имѣти 2, 36, 45, 58, обидѣти 2, 9, 14, 36, 55, но: обидети 9, 10, 33, 38, 52, 55, 58, обидити 14, 18, 36.

3. Орфограммы с меной букв ъ, е, и, обозначающие флексивные морфемы

а) Окончание род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений женского рода: моеѣ 10, вашиѣ вотчины 10, своеѣ вотчины 13, всеѣ ихъ вотчины 16, твоеѣ матери 30, великиѣ княгини 30, своеѣ вотчины 31, твоеѣ дѣдины 45, съ своеѣ 45, с твоеѣ 52 (3), своеѣ матери 61, но: княгини моеѣ 1, м(а)т(е)ри еѣ 1, Володимерьское волости 3, своеѣ купли 3, ис тамги ис Московское и безо всякое хитрости 5, твоеѣ правды 9, вотчины нашиѣ Москвы 9 (3 р.), без всякие хитрости 11, у татарские рати 19, казны моеѣ 20, без моеѣ брат(ь)и 36, молодшиѣ 36, вотчины ми твоеѣ Московские 36, съ своеѣ вотчины 56, о(т) нашиѣ отчины 59; или: без всякии хитрости 13.

б) Окончание им. пад. ед. числа среднего рода: литѣѣ 17, Белогород(ь)ѣ 17, кобыльѣ стадо 17.

в) Окончание дат. пад. ед. числа существительных женского рода после основ на парный твердый согласный: конѣѣ 17, женѣ 2, к нашей вотчинѣ 9, робѣ 9, 35, 36, к Москвѣ 10,

33, 19, къ Коломнѣ 10, к Литвѣ 10, животинѣ 13, к Ордь 15, водѣ 15, 55, ко казнѣ 17, къ Коломнѣ 19, воеводѣ 34, но: Олене 17, к Москве 19, к Мещере 33.

г) Окончание дат. пад. ед. ч. существительных женского рода после основ на парный и непарный мягкий согласный: княгинѣ 3 (1353 г.), 3, 4, 11, 87, 61, 61, 12, 19, 22, дядѣ 3, 59, землѣ 19, 15, 47, черницѣ Софѣ 21, Игуменьѣ 28, суд(ь)ѣ 57, землѣ 59, но: братье твоеи 2, 19, моеи кн(я)гине 17; или: княгини 1, 3, 4, 12, дщери Фетиньи 1, своеи братьи 3, 19, 36, к Рязани 10.

д) Окончание местн. пад. ед. ч. существительных мужского и среднего рода после основ на твердый согласный: при Пращурѣ 59, о моемъ животѣ 1, в... оуѣздѣ 1, 3, въ... оудѣлѣ 2, в доводѣ 2, в городѣ 3, 9, на Сумшинѣ погостѣ 3, в Дмитровѣ 3, в винѣ 3, на Иванѣ 3, о добрѣ или лисѣ 5, 36, 38, по... митрополитѣ 5, при Иванѣ 7, 10, при дѣдѣ 9, 56, 59, в сыновствѣ 31, по холопѣ 59, о нашем добрѣ или лисе 19, в своемъ смыслѣ 19, в Ростовѣ 20, в Юрьевѣ 20, в Новѣгородѣ 20, в селѣ 21, по ее животѣ 22, о вашем добрѣ или о лисѣ 27, в намѣстничствѣ 4, в братствѣ 5, 36, 38, 42, о моем добрѣ 5, 9, на Скорнищевѣ 19, но: на братне удѣле 17, на матернѣ удѣле 17, при дѣде 27, 47, 59, при праждѣ 47.

После основ на парный и непарный мягкий согласный: в Перьяславлѣ 3, 20, на Кержачѣ 3, (в)... княженьѣ 3, в своемъ здоровьѣ 4, при дядѣ 10, на Кержачѣ 17, при нашемъ праждѣ великомъ князѣ Иванѣ Данилович(ѣ) 15, на Студенцѣ 17, на Усть Любосивлѣ 17, при отцѣ 18, 27, 56, при кн(я)зѣ 18, 19, 47, при дядѣ 19, в Володимерѣ 20, при своемъ здоровьѣ 21, 22, в Галичѣ 33, при кн(я)зѣ Иванѣ Ивановичѣ 47, при отцѣ 47, Дмитреевич(ѣ) 56, при князѣ 56, но: при князе 15, 59, в... княженье 11, при кн(я)зе 10, при Дмитріе 47, или: в томѣ докончаньи 6, при великом кн(я)зи 15, 27, на Любосивли 17, в нашемъ розмирьи 30, в докончаньи 35, в целованьи 35, на с(е)рдци 42, при князи 47, въ своемъ здоровьи 1, в кормленьи 2, при о(т)ци 2, 10, на князи 3, на Андрѣи 3, по семѣ докончаньи 3.

После основ на заднеязычный: на Оустюзѣ 20, в Бѣжицкомѣ Версѣ 20, на Волоцѣ 21, в вѣцѣ 3, на Морткѣ 15, при Олзѣ 47, по должникѣ 59.

е) Окончание местного падежа ед. ч. существительных женского рода после основ на парный твердый согласный: в... слободѣ 1, на Яоузѣ 1, на Москвѣ 1, 3, 19, 61, по грамотѣ 2, 17, 18, 30, 42, 55, на Кулавнѣ 2, 3, на Клязмѣ 3, на Пахрѣ 57, на Костромѣ 3, в отч(и)нѣ 3, 56, на сеи сторонѣ 4, с... оч(и)нѣ 5, по исправѣ 5, 9, 38, 43, 55, по твоеи службѣ 5, по думѣ 9, 19, по водѣ 9, по робѣ 59, в ордь 10, на сторонѣ 10, в Перервѣ 29, по Туснѣ 10, на Яоузѣ 12, в Москвѣ 18, 36, 42,

55, по думѣ 19, 47, о водѣ 19, в... отчинѣ 19, на Пруженкѣ 2, в грамотѣ 20, на Сямѣ 20, на Вологдѣ 21, 36, по силѣ 21, в тамзѣ 29, по старинѣ 59, но: по моеи грамоте 17, 19; в твоеи вочине 18, в моеи очине 19, по исправе 10, в Москве 35, или: на усть-Лопасны 17, на усть-Яузы 17, 28.

После основ на мягкий согласный: на Репнѣ 4, на Рокшѣ 4, по земле 9, 15, 52, при царицѣ 10, на Пѣкшѣ 12, по душѣ 20, во Гжелѣ 21, в Суждалѣ 52, но: в Луже 17, не в еѣ воле 61; или: на Вори 1, на оустѣ Поротли 4, въ божьи воли 6, при дѣди 9, о земли 19, на рати 9.

ж) В окончаниях местоимений, числительных: тобѣ 1, 2, 5, 19, 24, 42, 38, 52, 55, 56, 59, тебѣ 11, 42, 38, но: тебе 5, 36, тѣбе 55; себѣ 36, 47, 58, к собѣ 2, 8, 18, собѣ 19, 36, 42, 45, 55, 56, мнѣ 4, 11, 19, 24, 24, 56, 36, 42, 38, всѣхъ 19, всѣмъ 3, 56, всѣми 4, 57, но: всими 1, 24, вси 1, 21, всимъ 1, 24, 31, тѣмъ 3, 31, тѣхъ 11, 19, 45, тѣ 3, 6, при собѣ 1, по тобѣ 9, о тобѣ 11, към 47, 52, 56, чѣм 52, 56; но: чимъ 24, с обѣ половины 9, обѣ оушной 15, инѣ 11, 27.

з) Окончание местного падежа множ. ч. существительных: оудѣлѣхъ 2, при от(г)цѣхъ 5, 7, князѣхъ 7, на нятцѣхъ 9, на поручницѣхъ 9, в станѣхъ 11, при... мытѣхъ 15, при праждѣхъ 19, на полоняницѣхъ 19, в которыхъ городѣхъ 19, пращурѣхъ 59, на мытѣхъ 59, но: кр(е)стьянехъ 5, боярехъ 5, 13, холопехъ 9, на селехъ 17, при... дѣдехъ 19, в людехъ 29, и в мытѣхъ 29, и в волостехъ 35, и в селехъ 35, дѣлехъ 42, оудѣлехъ 61, в... дво-рехъ 61.

и) В конце неизменяемых слов: гдѣ 2, 32, 47, вмѣстѣ 5, 36, 42, 52, вездѣ 9, 16, 24, 35, 38, не надобѣ 9, сквозѣ Тферѣ 9, болѣ в станѣхъ 17, опрочѣ 17, 18, 38, кдѣ 31, индѣ 32, отколѣ 35, 45, нынѣ 55, но: отколе 35, опосле того 9, опроче 11, 20, 35, 42.

Приведенные орфограммы позволяют сказать, что в московских грамотах XIV века (№ 1—15) написания корневых морфем с буквой *ѣ* для гласного /*ê*/ соответствуют этимологии этой гласной и морфологическому принципу орфографии.

Немногие примеры замены буквы *ѣ* буквой *е* относятся к обозначению безударного гласного: по рекѣ Окѣ 10, целовали 2 или падают на обозначение безударных флексий. Под ударением зафиксирован один случай: тебе 5. Чаще такая замена наблюдается в книжной, церковнославянской форме родительного падежа указательных местоимений и прилагательных женского рода.

На протяжении первой половины XV в. (№ 15—56) примеры замены буквы *ѣ* буквой *е* уже имеют место в различных орфограммах: при обозначении корневых, аффиксальных, флексивных морфем.

В грамотах этого периода находим написание *ѣ* вместо *е*

под ударением: ъзы 61. Есть отдельные случаи написания *ѣ* вместо *е* между мягкими согласными: вѣздѣ, тѣбе.

Итак, в XV веке в московских грамотах появляется замена буквы *ѣ* буквой *е* в безударном положении, немногие случаи под ударением связаны с обозначением гласного после [j]. Замена буквы *е* буквой *ѣ* наблюдается между мягкими согласными.

Для московских грамот XVI и XVII вв. Л. Л. Васильев установил различие *ѣ* — *е* под ударением и замену *ѣ* буквой *е* без ударения как орфографическую норму.

Как видим, начиная во всяком случае с середины XV века орфография московских грамот в употреблении букв *ѣ*, *ѣ* отличается от других грамот ростово-суздальского происхождения (см. § 38).

Это отличие можно объяснить или особой историей московского говора, отличной от истории других говоров ростово-суздальского типа, или возможностью интерпретировать орфографию московских грамот конца XV—XVI—XVII вв. не только в историко-диалектологическом плане.

Данные описательной диалектологии и лингвистической географии не позволяют выделить историю московского говора XIV—XV вв. как особую, отличающуюся от истории других говоров Ростово-Суздальской земли. Последовательное развитие категории согласных фонем, парных по твердости-мягкости, последовательное изменение [e] в [o], пятифонемный состав вокализма характеризует все говоры центра, как московский, так и другие владими́ро-поволжские, генетически связанные с ростово-суздальским диалектом⁵³. Складывание старомосковского просторечия относится ко времени рубежа XVI—XVII вв., т. е. ко времени установления фонологической системы с пятифонемным вокализмом в ростово-суздальском диалекте (см. § 38). Поэтому и в фонологической системе старомосковского просторечия не было условий для функционирования особой фонемы /ê/, противопоставленной /e/. Можно с достаточной вероятностью сказать, что установленная Л. Л. Васильевым и другими исследователями орфография московских грамот отражает не факт диалектной системы говоров Ростово-Суздальской земли, а норму произношения, характерного для Владимира, а затем и Москвы как культурного центра (см. Введение, § 3).

§ 40. История фонемы /ê/ по данным новгородской письменности

На основании изучения текстов семнадцати новгородских грамот XIII—XIV вв. (1265—1373 гг.) и трех грамот XV в.

⁵³ См. характеристику диалектной зоны центра в статье К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой «Группировка говоров...». См. также «Русская диалектология», ч. II. М., «Наука», 1964, § 1—5.

(1426—1471 гг.) акад. А. А. Шахматов приходит к выводу, что древненовгородский диалект XIII—XIV вв. имел в своем составе особый гласный звук, который он определяет как дифтонг типа [ie]⁵⁴, обозначаемый на письме буквой *ѣ*.

Этому выводу не противоречат данные, собранные в книге акад. В. В. Виноградова⁵⁵.

Все случаи частой замены буквы *ѣ* буквой *и* принадлежат текстам XV—XVI вв. или самого конца XIV в.⁵⁶

«Данные о *ѣ* новгородских берестяных грамот... свидетельствуют о различии [ê] как особой фонемы и об изменении [ê] в [i] перед мягкими согласными в более поздний период (по данным берестяных грамот XV в.). При этом нет заметных указаний на различия в судьбе этимологического [ê] в ударном и безударном слогах»⁵⁷.

В берестяных грамотах, относимых к XIV веку, кроме этимологически верного написания буквы *ѣ* находим *е* вместо *ѣ* в слове *железного* (№ 4), букву *и* вместо *ѣ* в родительном падеже единственного числа: *ω* грикши (№ 3), написание, которое легко получает морфологическое объяснение — влияние форм слов с твердой основой. В других грамотах, относимых к XIV в., буква *ѣ*, очевидно, морфологического происхождения, появляется в формах: на жерепцѣ (№ 43), во потклѣтъ (№ 40), к Марѣ, с... грамотѣ (№ 53). В слове *здѣсь* написание буквы *ѣ* соответствовало русским (великорусским) нормам в соответствии с *е* в украинском.

Буква *и* написана в форме местного падежа единственного числа: на Волоки, где также возможно морфологическое объяснение.

«Грамоты, относимые к XV в., дают неодинаковые показания по отношению к *ѣ*: одни из них, как и более ранние, употребляют букву *ѣ* этимологически правильно, а в других попадаются написания с буквой *и* на месте *ѣ* ... В грамоте № 17, при написании *сѣмѣна* имеются написания *Тимофию*, *не смием...*, в грамоте № 23: *роздилило*, *Фоми*, в грамоте № 27: *тоби*, № 10 — *нимѣ*»⁵⁸.

В новгородских грамотах на бересте из раскопок 1956—1957 гг. и 1958—1961 года, относящихся к рубежу XI—XII вв. и к XII веку, буква *ѣ* пишется правильно, в грамотах XIII—

⁵⁴ А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895, стр. 149—153, 209—226.

⁵⁵ В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, вып. I. Пг., 1923.

⁵⁶ В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 171—205.

⁵⁷ Р. И. Аванесов. Фонетика. В кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 87—88.

⁵⁸ Р. И. Аванесов. Ук. соч., стр. 89—90.

первой половины XIV века наблюдается несколько случаев замены буквы *ѣ* буквой *е*: *вожѣ*: (в. мн.), но: *вѣже* № 384; *бела* № 322; *ко тѣтоке, деете* № 346; *деже* (род. ед.), *полодеже*, *гривне* (род. ед.), *резазанѣ* № 320; в грамотах, относимых к концу XIV в.—XV в. есть мена букв *ѣ* и *и*: *михи, медвидно, диду, ихалы, сди ее не надияся*—№ 354; *ко мни, скимѣ, приихавѣ, синомѣ, на гумни, на доби*—№ 358; *всихѣ, сидитѣ, сили ниту сидити*—№ 370; *наболися*—№ 385; *здисо, нине*—№ 373; *урядѣся, съ Харѣтономѣ, в ызьѣжьной пышьнѣцѣ, грѣвону, трѣ грѣвоны*—№ 316, в *потклѣтъ, мукѣ колко надобѣ*—№ 363 и др. Такого же типа примеры исследователи находят и в других новгородских рукописях⁵⁹. На основании этих данных можно сделать вывод о сохранении особой гласной фонемы (определяем ее как /ĕ/), противопоставленной двум другим фонемам—/и/ и /е/, в древненовгородском говоре вплоть до рубежа XIV—XV веков. Этот вывод не противоречит представлению о более позднем времени падения редуцированных на северо-западе и севере, чем на северо-востоке и, следовательно, более позднем изменении всей фонологической системы.

Если для северо-востока конечная стадия истории редуцированных датируется исследователями серединой XIV века⁶⁰, то для древненовгородского диалекта такая последняя стадия существования редуцированных может быть отнесена к концу XIV века и, следовательно, перестройка системы вокализма, вызванная падением редуцированных, может быть отнесена ко времени не раньше рубежа XIV—XV века.

Поэтому для реконструкции состояния новгородского вокализма после падения редуцированных особенно важны данные берестяных и двинских грамот XV века. Описание орфограмм с соответственным написанием букв *ѣ*, *е*, *и* в двинских грамотах XV в. дано по изданию А. А. Шахматова⁶¹. Взяты лишь подлинники XV века.

Орфограммы с соответственной меной букв *ѣ*, *е*, *и* для обозначения корневых морфем: *бѣль* 88, 95, 103, 104, 105, 108, 111, 112, 125, 135, *бѣл* 7, 7 (3 р.), 9, *бѣлах* 7 (2 р.), *бѣлки* 15 (2 р.), 20, 24, 29, 31, 32, 93, 28, 72, 23, 68, 42, 73, 75, 77, 86, 98, 2, 1, 3, *бѣлкы* 5, *бѣлкѣ* 16, 19, 110, 127, *бѣлкѣ* III, 121, 122, но: *бель* 68, *берегѣ* (обычно), но: *на берѣгу* 93; *Невѣроновѣ* 26; *вѣрѣтѣю* 75, но: *веретѣю* 114; *верѣтѣи* 7, *верѣтью* 95, *веретии* 28, *веретѣи* 35, 3, *веретѣика* 3, *веретии* 28; *вѣдомо* 5,

⁵⁹ См. В. В. Колесов. Изменение фонемы /ĕ/ в древнерусском языке. «Slavia», 1966, год. XXXV, сеж. 2, стр. 177—187.

⁶⁰ Л. П. Жуковская. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке. «Мат-лы и исслед. по истории русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1960.

⁶¹ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в.; М. Сибирцев, А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV века.

свѣдѣтели 76, *не вѣничи* 91, *перевѣсѣща* 7, *перевѣсѣщѣ* 7, *перевѣсищѣ* 77, 116, 121, но: *перевесища* 28, 103, *перевесишо* 109 и: *перивисѣщахѣ* 34, *перевисища* 104; *без вѣвѣта* 11, 20, 42, 103, *въ вѣкы* 65 (2 р.), 6, 13, 16 (2 р.), 19, 123, *въ вѣк* 88, *въ вѣки* 4, 1, 20, 33, 42, 54, 121, 14, 15, *въ вѣкѣ* 8, 11, 78, *въ вѣчѣвѣи* *тони* 81, 82, но: *вѣкѣ* 11, 110; *многогришныи* 54; *у дѣдова* 7, *дѣдину* 112, *дѣдины* 125, *надѣлка* 76, *дѣлу* 79, *дѣль* 113, *по роздѣлу* 8, *дѣловаи*, *дѣловую* 132, 133, *роздѣлиша* 113, *роздѣлили* 132, 133, *недѣлно* 7, но: *роздилиша* 113; *дѣти* 32, 34, 37, *дѣтѣ* 11, 99, 110, *дѣтемѣ* 8, 127, 125, 132, 16, 17, 18, 123, 21, 23, 24, 27, 29, но: *дети* 112, 135, *детемѣ* 112, и: *дитемѣ* 28; *дѣтеи* 37, 127, 30, 31, 68, 75, 73, 79, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 86, 89, 90, 91, 94, 95, 98, 99, 103, *дѣтѣи* 98, 104, 113, 111, 121, 122, но: *дети* 112, *дет(ь)ми* 129, и: *дители* 110, *дитѣми* 110; *железа* 109, *земли* 83, 104, *землю* (обычно), но: *зѣмлю* 38, *зѣмли* 93, 98, *въ зѣмль* 125; *звѣздиною* 6; *лѣсы* 97, 103, 104, 111, 124, *къ лѣсу* 36, *лѣса* 21, *лѣсами* 33, 122, *лѣсном* 7 (2 р.), *лѣсовати* 113, 116, *въ лѣсѣ* 9, но: *лесахѣ* 92, *лесаи* 135, *въ лѣси* 36, 128, *лѣсехѣ* 80, 81, 82, 108, *лѣшими* 134, *лѣшебныи*, *лѣсы* 104, *лѣсебныи* 111, *полѣшими* 33, 97, 103, 122, 123, *лѣт* 15, *лѣтѣ* 99, *лѣто* 135, *лѣтної* 115, 127, *на лѣтної* *сторони* 111, 112, но: *на литной* *сторони* 110; *мѣна* 7, *въ отмѣну* 77, *вымѣнѣль* 124, *мѣсто* 11, 19, 33, 124, 127, *мѣстѣ* 37, 95, *мѣстехѣ* 12, 98, 103, 105, 112, но: *место* 129, и: *мисто* 54, 110; *мѣжамѣ* 96, *мѣжах* 94, *промѣжо* 6, *мѣжа* 81, 82, 68, 96, но: *межу* (обычно), *межи*, *межам* (обычно), *обѣтоу* 98; *озеро* 111 (5 р.), *въ озерехѣ* 108, но: *с озѣры* 122, 123, *озѣре* 105, *озѣромѣ* 5; *одерень* 29, 80, 89, 104, 109, 115, *одерѣнь* 36, но: *одѣрень* 33, 91, 105, 122, 123, и: *одирѣнь* 28; *онега* (обычно), но *онѣскими* 115, *отвѣтъ* 54; *рѣку* 7, 11, *рѣкы* 33, 122, 123, 125, *рѣка* 111, 113, *рѣкою* 12, *рѣкѣ* 75, 84, 133, *рѣки* 104, 108, 125, 128, *рѣцѣки* 72, *рѣчнуо* 32, *рѣчныи* 124, *рѣчѣки* 112, *въ рѣчѣкы* 5, *оурѣчѣше* 12, *врѣчѣше* 23, *оурѣцише* 1, 5, но: *до реки* 95, *реки* 109, *по речкѣ* 81, 82, и: *рикѣ* 54, *въ рицѣки* 28, *рики* *до рѣки* 95; *рѣпища* 5, *рѣпѣше* 7, 11, 12, *рѣпѣща* 14, 83, но: *репище* 27; *сѣна* 23, но: *сенными* 33, и: *сина* 28; *сѣмянного* 18, 18, 17, 25, 35, 75, 93, *сѣмянныи* 99, *сѣменного* 104, 116, 124, 125, *сѣмянѣ* 1, *сѣйна* 30, *сѣйного* 21, 22, *сусѣди* 117, *сѣльщина* 116, *сѣдили* 117, *сѣдло* 116, *засѣки* 117, *на спѣвѣи* 94, 93, *доспѣло* 86, II, но: *доспеле* 86, II, *свѣта* 9, 116, *сѣяно* 116, *сѣиваль* 84, *сѣльдѣ* 85; *семѣ* (обычно), но: *поль сѣма* *сорока бѣлкѣ* 93, *село* (обычно), но: *сѣло* 97, 98, 5 (2 р.), *сѣла* 103 (2 р.), 116, *на сѣле* 103, *въ сѣль* 116, *пѣскомѣ* 72, *пѣсѣчанои* 72, но: *песчаной* 73, и: *писки* 28; *притеребы* 103, *притеробы* 93, *притерѣбы* 93, но: *притѣребы* 103, 93 (3 р.), *въ притѣрѣбахѣ* 93; *треть* (обычно), но: *трѣтъ* 112, *трѣти* 112; *хлѣбѣ* 117; *цѣлымѣ* 76, 47, 131, *цѣльмѣ* 8; *цѣнѣ* 127; *черен* (с *е* обычно), но *цѣрѣнѣ* 99. *Корни* с начальным [jĕ~]: *ѣзу* 19, но: *езу* 21 (2 р.).

Орфограммы с заменой буквы *ѣ* буквами *е, и* в основах местоимений, числительных: всѣми 104, 125, всѣхъ 16, но: всимъ 106, 110, всихъ 37, 86, 89, 11, 78, всеми 81, 82, 103, **дѣ-вать** 83, дѣсать 19, 15, 90, дѣсати 15, но: десеть 111, тѣмъ 86, 89, 104, тѣх 8, но: тимъ 24, 74, 81, 82, 90, 110, тихъ 15, 90, 22, 24, 74, 98, 116, тимъ 77, 81, 82, чѣмъ 83, ничѣмъ 9, цѣмъ 104, но: чимъ 12, 34, 90, 109, ничимъ 76.

Орфограммы с заменой буквы *ѣ* буквами *е, и* при обозначении флексий.

Окончание род. пад. ед. числа местоимений и прилагательных женского рода: тое 7 (2 р.), тое же земли 11, 18, ѿ тое зимы 15, тое земли 23, 88, тоѣ земли 80, с тоѣ ржи 116, но: ей снѣ 60, ей мужа 103. Окончание род. пад. ед. числа существительных и кратких прилагательных женского рода с твердой основой: стго николь 6, 15, 16, ѿ Вельюшинѣ земли 11, оцинѣ 11, ѿ Лаконѣрмѣ 18, до Гавриловѣ земли 25, но: стго николи 16, Назарови земли 18, ѿ ями 22, оу Гаврили 21, с ьви 27, со стороны 37, оу Михаили 35, с другой стороны 75, с обѣ половины 88, 121, оустъ Ижми рѣки 104, моеи Марини 117. С мягкой основой: горней землѣ 28, землѣ орамои 28, до фоминѣ землѣ 32, оу Климушѣ 80, польпожнѣ 114, но: земли 28.

Окончание дат. пад. ед. числа существительных женского и мужского рода с основой на твердый согласный: женѣ 76, 86, 11, Николь 1, 6, 9 (2 р.), 116, Федорѣ 103 (2 р.), Огрофнѣ 78, тои поскотинѣ 81, 82, о Нашкѣ 79, но: Татиа не 95, сестре 134, или: Николи 2, 6, 7 (3 р.), 8, 10, 11, 12 (2 р.), 14, 13, 15, Кузми 13, старости 15, 117, жони 19, Гаврили дяку 21, к тои старини 131.

Окончание дат. пад. ед. числа существительных женского рода с основой на мягкий согласный: тои землѣ 32, свѣтѣи бѣѣ 120, но: Федосие 95, Овдокѣ 95, и: к тои земли 14, 15, 23, 31, 35, 37, братьи 11, Лукерьи 20, Марьи 76, 78, Оксѣньи 78, Овдокѣи 96, Григорьевѣ дочери 103, мтри 116, Ильи 117, к тои деревни 131, Настасьи 76.

Окончание местн. пад. ед. числа существительных мужского и среднего рода после основ на парный твердый и заднеязычный согласный: при животѣ 6, 7, 11, на судѣ 9, 86, 87, на томѣ селѣ 16, в лѣсѣ 9, 116, в сѣлѣ 116, на нальѣ островѣ 16, 77, на налѣи островѣ 26, на нальѣ островѣ 35, на княжѣ островѣ 85, 87, в островѣ 83, 84, 120, 134, на луготини островѣ 95, на мѣстѣ 19, на заводѣ 72, 95, в отводѣ 103, в лялѣни погостѣ III, в вѣкѣ 8 (2 р.), в вѣкѣ 110, во всемѣ наволоку 9, на маломѣ островкѣ 18, в лялинѣ прилукѣ III, в истокѣ

134, по Михѣевѣ берѣгу 93, но: на томѣ селе 95, на озѣре 105, на томѣ сѣле 103, и: оу кочкомѣ озерѣ 11, оу озерѣ 20, в шутови кути 11, при гумни 11, на островѣ 12, 117, на нальѣ-островѣ 14, 36, на коневѣ островѣ 94, на коневѣ островѣ 95, по Степани 15, оу... погости 19, III, оу глухомѣ погости 20, на овинѣ 19, в подоли 23, в лѣси 35, по Данили 54, по Михаили 54, на заводи 73, 94, в заклади 76, в оумети 124, и в путики 78, на островки 10, 11, в вѣки 11, 15, 54, на Лукыни берѣгы 5, на томѣ сели 35, в сели 116, 2, при своемѣ животѣ 117, на двори 5, в моемѣ уцастьки 78, 108, о карповѣ уцастьки 88, на волочки 120.

Окончание местн. пад. ед. ч. слов муж. и средн. рода после основ на парный и непарный мягкий согласный: на морѣ 113, в полѣ 3, но: в Замикитѣ 7, в чишилови 7, у воротномѣ поли 11, в поли 3, 4, при Васильи 11, в другомѣ конци 11, на рѣпѣщи 12, на заецкомѣ поли 19, на поли 20, 22, в поли 24, на конци 28, в дворици 28, в томѣ орудѣи 86, 11, 61, на казамусѣ на стрержни 91, во очищенѣи 93, в оцищенѣи 110, на Малокурѣи 165, в Кондокурѣи 113.

Во флексии местн. пад. ед. ч. существительных женского рода после основ на парный твердый и заднеязычный согласный: на горѣ 11, 23, 24, 83, 3, на избѣ 19, в Соколовѣ лахтѣ 35, на Юрмолѣ 3, по Ульянѣ 54, на Сюзьми рикѣ 54, по грамотѣ 54, в Кѣхтѣ 79, 83, в Кехтѣ 80, 81, 82, 83, в водѣ 80, по речкѣ 81, 82, в рѣкѣ 83, 84, в Лявлѣ 84, на Ижмѣ 103, на Ижмѣ 104, в Кѣпалѣ 1, по Кудмѣ 105, но: на гори 7, 8, 11, 12, 19, 20, 30, на юрмоли 8, 2, 12, по старинѣ 8, на голови 11, на няри 11 (2 р.), на Шипичинѣ 12, в опшихи 12, по сили 12, по грамотѣ 13, на Косткови гори 15, на другой сторонѣ 17, 18, 31, по сили 15, на горки 20, оу Ями 20, на тои полоски 21, в опшихи 22, в рѣчки 28, на юрмоли 28, на ровдини гори 35, на осинови наволоки 42, на юрьевѣ наволоки 42, по Ографинѣ 54, по Федори 54, по Василисти 54, по Оульяни 54, на Сюзьми рикѣ 54, по старинѣ 74, 89, на ровдини гори 77, по всей моеи ѿщинѣ 78, по грамотѣ 81, 82, по Левкови водѣ 91, на Лодми 97, 98, на Самари 94, по купной грамотѣ 99, на Кургонемѣ 96, на Лодьми 99, на нижней реки 109, в Неноксѣ 109, в половинѣ 110, на литной сторонѣ 110, на великой смръти 110, на лѣтной сторонѣ 111, на верхней сторонѣ 124, в ождорѣи 124, на воинѣ 131.

Окончание местн. пад. ед. числа существительных женского рода после основ на парный и непарный мягкий согласный: на тои землѣ 28, в вѣцюевѣ тонѣ 79, в зимней тонѣ 79, в тонѣ 103, в... тонѣ III, оу печать 124, на тои тонѣ 127, но: в тои деревнѣ 134, и по...дѣи 6 (2 р.), в селюши 7, в лѣсном поли 7, в романовѣ вѣтѣи 7 (2 р.), по племѣни 7, по своей дѣи 7, в... земли 9, на души 9, на гори круглицѣ 12, на тои

земли 15, 16, 18, 19, 27, 30, 37, 72, 73, 84, 94, 103, III, 117, в печати 18, на лужи 19, на клети 19, на лоужи 20, оу Лукерьи 20, на торговли 32, в тони 28, на юрмоли земли 34, на той земли 32, на той пожни 36, на данилови межи 37, 3, по межи 37 (2 р.), по Тоинокурьи 42, по Федосьи 54, по послловици 68, на Онаньи 77, в Нарьи 80, оув Сивцѣвъ тони 80, 81, 82, на той земли 80, по братьи 81, 82, о земли 88 (3 р.), на Нарьи 94, оу тони 112, на няри 117, на той земли 125, на бмци 134, по своей любви 132.

Окончание местн. пад. множ. числа существительных: в лѣсѣхъ 116, лесѣхъ 125, в путикѣхъ 125, но: мѣстехъ 12, 108, в лѣсехъ 81, 82, 108, рублехъ 134, сорокехъ 15, в путикѣхъ 81, 82, 116, в хмелникехъ 90, ручьихъ 34, по своихъ родителехъ 117.

Окончание местоимений, числительных: мнѣ 6, 8, по мнѣ 11, 117, 116 (2 р.), но: мне 85; собѣ 16, 17, 19, 20 и др., к себѣ 84, 104, 111, III, себе 36, 122, 125, 132, събѣ 18, 23, 26, 28, 73, 7, но: соби 28, всѣ 132, 8, 42, но: вси 6, II, онѣ 11, двѣ 105, 86, обѣ 86.

В конце наречий и других неизменяемых слов: подлѣ лы-ву 36, но: подли рѣку 7, 22 (2 р.), 23, подлі власа 10, подли 11, 12, 18, опрочѣ 132, гдѣ 76, 89, 103, вопчѣ 124, развѣ 76, 116, не надобѣ 77, 85, 86, 87, 88, II, надобѣ 84, 120, възлѣ 94, възль 93, но: возли 12, возли озеро 19, возли 24, вмѣсти 98.

Акад. А. А. Шахматов в зависимости от употребления букв *ѣ*, *е*, *и* делит двинские грамоты XV в. на 3 группы: первая, большая группа, знает правильное употребление буквы *ѣ* во всех положениях, кроме конечного открытого слога, где *ѣ* в определенных морфемах заменяется буквой *и*; вторая группа характеризуется меной букв *ѣ* и *е*, причем, что особенно важно, писцы пишут *ѣ* вместо *е* в безударном положении перед мягким и перед твердым согласным. В конечных слогах во флективных морфемах и в этих грамотах известно написание буквы *и* вместо буквы *ѣ*.

Третья группа объединяет грамоты, знающие замену буквы *ѣ* буквой *и*, написание *и* вместо *ѣ* под ударением и без ударения, перед мягкими и перед твердыми согласными.

К наблюдениям А. А. Шахматова добавим, что именно в третьей группе грамот находим написание буквы *ѣ* вместо *е* перед твердыми согласными и отсутствие замены буквы *е* буквой *о*. Сочетанию этих орфографических данных придаем важное значение.

Акад. А. А. Шахматов дает следующую фонетическую характеристику этим фактам: первая группа отражает говоры с *ѣ* = [iê], вторая группа знает изменение *ѣ* в *е*, третья группа связана с говорами, в которых *ѣ* изменился в *и*. По поводу изменения *ѣ* в [и] у акад. А. А. Шахматова не было единого мнения. В отличие от приведенного объяснения из исследо-

вания о языке двинских грамот, в описании морфологии говоров по данным новгородских грамот акад. А. А. Шахматов писал, что «*и* не может быть фонетической заменой *ѣ*»⁶², что «нельзя доказать, чтобы в XIV в., например, были в северной России говоры, изменившие *ѣ* в *и*: исключение могли бы составлять некоторые двинские грамоты..., но, конечно, является вопросом, насколько *и* в данных случаях не служит лишь приблизительной передачей звука *ѣ*...»⁶³.

Интерпретация орфограмм из новгородских текстов с заменой буквы *ѣ* буквой *и* часто основывается на данных современных говоров новгородского типа с рефлексом /и/ на месте древнерусского /ѣ/, т. е. на сопоставлении конечных результатов изменения. Но был ли возможен фонетический переход /ѣ/ в /и/ в системе древненовгородского диалекта конца XIV в. и на протяжении XV в.?

В распоряжении историков русского языка нет никаких оснований для реконструкции непосредственного фонетического изменения /ѣ/ в /и/ в новгородских говорах конца XIV—XV вв. Орфографические факты XV в. и данные современных говоров не свидетельствуют о сужении фонемы верхне-среднего подъема под влиянием мягких согласных, так как /и/ на месте /ѣ/ находим и перед твердыми согласными, так же как и замену буквы *ѣ* буквой *и* в текстах XV в.

Нет никаких данных и об изменениях в фонологических отношениях, которые приводили бы к нейтрализации фонем /ѣ/ и /и/.

Лишь направление в морфологических изменениях, в развитии падежных форм на северо-западе и севере приводило к замене флексии /ѣ/ флексией /и/ в ряде форм. Поэтому считаем, что непосредственного фонетического изменения /ѣ/ в /и/ не было, что этот переход совершился через стадию дифтонга типа [иѣ]. Поэтому в том случае, когда замену буквой *и* буквы *ѣ* находим в орфограммах, обозначающих разные морфемы (корневые, флективные) в разных фонетических условиях (перед твердыми и перед мягкими согласными, под ударением и без ударения), то в таком написании видим отражение фонетического изменения общедревнерусской фонемы /ѣ:/ в дифтонг [иѣ] в говорах древненовгородского диалекта⁶⁴. Фонетическое изменение [ѣ:] в [иѣ] в новгородских говорах

⁶² А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 190.

⁶³ Там же, стр. 225—226.

⁶⁴ Есть неопубликованные, устные сообщения диалектологов о том, что в некоторых современных говорах, связанных генетически с древненовгородским диалектом, различаются звуки [и] в зависимости от их этимологии: звук [и] на месте [ѣ] — более высокого напряженного образования и звук [и] на месте древнерусского [и]. Перед [и] из [ѣ] наблюдается и большая степень смягчения предшествующих согласных. Эти наблюдения делались проф. Р. И. Аванесовым, ст. преп. О. Г. Гецовой во время диалектологических экспедиций.

XV века не имело фонологического содержания: дифтонг [иѐ] имел те же ДП, что и [ѐ] — верхнесредний подъем.

В тех новгородских говорах, которые знают в своих письменных текстах написание буквы *и* вместо буквы *ѣ* только в падежных флексиях, а в остальных морфемах имеют этимологическое написание буквы *ѣ* или замену буквой *е* буквы *ѣ*, эта буква *и* обозначает фонему /и/ морфологического происхождения.

Решение вопроса о том, что в древненовгородских говорах фонема /ѐ:/ не изменялась фонетически непосредственно в /и/, а изменялась в дифтонг типа /иѐ/, находит определенное подтверждение в работах по экспериментально-фонетическому исследованию арханческой системы северновеликорусских говоров.

В говорах с гласным [ѐ] повышенного образования, не переходящим в [о], сохранение противопоставления гласных фонем верхнесреднего подъема и среднего подъема (после падения редуцированных, когда долгота /ѐ:/, поддерживающая различие по напряженности-ненапряженности, утратилась) могло осуществляться лишь в результате дифтонгизации [ѐ:] > [иѐ].

Экспериментально-фонетические данные показали, что фонетической основой противопоставления /иѐ/ и /е/ являются: 1) различное распределение интенсивности на протяжении гласных и 2) наличие-отсутствие начальной фазы верхнего подъема. По длительности дифтонги и монофтонги совпадают. В оппозиции /иѐ/ — /е/ это различие между гласными фонемами «поддерживается сочетаемостью противопоставленных гласных с согласными двух степеней смягчения». Сочетаемость фонем верхнесреднего и среднего подъема «с согласными разных степеней смягчения поддерживает тембральные различия начальных фаз гласных, в которых эти фонемы реализуются. Практически в архаической системе говора противопоставлены целые слоги: [т'е] — [т'иѐ]»⁶⁵.

Важнейший для историка языка вывод специалистов по экспериментально-фонетическому исследованию русских говоров состоит в том, что фонологические различия между русскими говорами, между говорами и литературным языком касаются не отдельных звеньев системы, а пронизывают всю систему, причем не только в фонологическом, но и в фонетическом плане, что обусловлено разными артикуляционными базами. Учитывая медленный темп изменения артикуляционной базы, можно сказать, что черты архаической системы современных говоров новгородского происхождения сложились

⁶⁵ Р. Ф. Пауфошима. Ук. соч., стр. 12.

достаточно рано, что эти черты мы можем возвести к эпохе XIV—XV вв.

Установив определенные звенья фонологической системы в результате интерпретации данных письменных памятников, мы вправе, увидев сходные звенья в фонологической системе современных и древних северо-восточных говоров северновеликорусского наречия, восстановить для периода XIV—XV вв. и физиолого-акустическую базу древненовгородского диалекта.

Вывод о тембрально однородном гласном [ѐ] или [ѐ] повышенного образования, не переходящим в [о], о дифтонгизации /ѐ:/, о развитии разных степеней смягчения согласных перед гласными верхнесреднего и среднего подъема и как следствие этого — о противопоставленности целых слогов — согласуется с ранее сделанным выводом о недостаточном развитии категории согласных фонем, противопоставленных по твердости-мягкости, в древненовгородском диалекте в сравнении с ростово-суздальским. Сочетание согласных с передними и непредними гласными верхнесреднего и среднего подъема в древненовгородском диалекте сохранялось на уровне силлабем и после падения редуцированных.

Весьма важным для историка древненовгородского диалекта являются и наблюдения фонетистов за различным распределением длительности между начальной и конечной фазой дифтонгов. Первый компонент дифтонга [иѐ] может быть весьма кратким — порядка 25% общей длительности гласного или может составлять 40—50% длительности. Судя по наблюдениям О. Брока, первый компонент может занимать и более половины общей длительности гласного⁶⁶. При таком различном распределении длительности между компонентами дифтонгов один и тот же дифтонг [иѐ] акустически может сближаться и с монофтонгом [и], и с монофтонгом [ѐ]. Нельзя ли в этом видеть основу замены буквы *ѣ* буквой *и* в одних новгородских текстах и замены буквы *ѣ* буквой *е* в других новгородских текстах? И в этом случае считать, что во всех говорах древненовгородского диалекта произошла дифтонгизация древнего /ѐ:/, но дифтонг [иѐ] различался фонетически по говорам, и это различие сводилось к различному распределению длительности между компонентами дифтонга?

О возможности такой интерпретации фактов новгородской письменности конца XIV—XV вв. свидетельствуют сходные факты большинства дубровницких рукописей XIV в. и история вокализма в соответствующих сербохорватских говорах.

⁶⁶ См. Р. Ф. Пауфошима. Ук. соч.

По поводу мены букв *ѣ*, *и*, *е* при обозначении звука *ѣ* проф. П. Ивич пишет: «М. Решетар, имеющий огромные заслуги в исследовании истории сербохорватского языка этой эпохи, все же не понял, что явление колебания между *е* и *і* при обозначении рефлекса *ѣ* в действительности указывает на произношение этого звука как среднего между *е* и *і*. Кроме того, когда Решетар писал свои труды, не было известно, что существуют штокавские говоры, сохраняющие подобное качество *ѣ*. В связи с этим Решетар не мог использовать также того факта, что первые ученые, изучавшие эти говоры, на месте рефлекса *ѣ* писали то *е*, то *і*. Только позднее было доказано, что здесь дело в сохранении *ѣ* как особой фонемы, которую недостаточно подготовленные исследователи, будучи в то же время тонкими наблюдателями, воспринимали то как *і*, то как *е*. Естественно, то, что произошло с этими учеными, значительно легче могло случиться со средневековыми писцами».

Появление дифтонга [іе] как рефлекса *ѣ* в сербохорватских говорах проф. Ивич также объясняет необходимостью сохранить индивидуальность фонемы верхнесреднего подъема *ѣ*, находящейся между [e] и [i]. Эту дифтонгизацию *ѣ* в сербохорватских говорах проф. П. Ивич также считает позднейшим процессом, относящимся к эпохе не ранее XIV в., а не сохранением старого состояния⁶⁷.

Среди говоров новгородской группы были, очевидно, и такие, в которых, как и в ростово-суздальских, происходило изменение [e] в [o], нейтрализация фонем /e/ и /ê/ между мягкими согласными, что и послужило фонологической основой замены буквы *е* буквой *о*, а также замены буквы *ѣ* буквой *е* в части двинских грамот и других письменных текстах новгородского происхождения, о чем можно судить по данным акад. В. В. Виноградова⁶⁸.

§ 41. История фонемы /ê/ по данным псковской письменности

Существенно отличаются от данных ростово-суздальской и новгородской письменности факты, извлеченные из памятников Пскова и его области, относящиеся к XIV—XV вв.⁶⁹.

⁶⁷ П. Ивич. Основные пути развития сербохорватского вокализма, стр. 9, 10, 11.

⁶⁸ В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 215—219, 240—245.

⁶⁹ См. А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, ч. 1. Киев, 1884; его же. Важная особенность старого псковского говора. «Русск. филол. вестн.», 1909, т. 62, № 3—4; Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909; его же. Очерки из истории псковской письменности и языка. СПб., 1916—1917; В. В. Виноградов. Ук. соч.; Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта XIV века...

Результаты исследования псковских текстов вызвали оживленные споры: достаточно назвать полемику А. А. Шахматова с Н. М. Каринским, который в своих выводах следовал за своим учителем, акад. А. И. Соболевским⁷⁰. Критически разбирает работы предшественников и Т. Н. Кандаурова.

Но в одном сходятся многие исследователи рукописей псковского происхождения — в интерпретации употребления букв *ѣ* и *е*, *ѣ* и *и*.

Подводя итог предшествующим исследованиям и анализу фактов из Псковского Пролога 1383 года, Т. Н. Кандаурова различает вслед за акад. В. В. Виноградовым два типа употребления букв *ѣ*, *е*, *и* в псковских текстах. Одни памятники, как и первый писец Пролога 1383 года, имеют довольно частую замену буквой *е* буквы *ѣ* под ударением и без ударения, перед твердым и перед мягким согласным, причем первый писец Пролога чаще употребляет букву *е* вместо *ѣ* под ударением и предпочитает замену буквы *е* буквой *ѣ* без ударения. В результате анализа всех фактов этого рода делается вывод о полном совпадении фонем /ê/ и /e/ в группе псковских говоров, удалившихся в своем развитии от новгородских.

В другой части псковских рукописей, как и у второго писца Псковского Пролога 1383 года, употребление букв *ѣ* и *е* имеет иной характер: корневые и формальные морфемы под ударением обозначаются орфограммами с заменой буквы *ѣ* на *е*. Устаревшие формы аориста и местного падежа множественного числа существительных обозначаются орфограммами с заменой буквы *е* на *ѣ*. Написание буквы *и* на месте буквы *ѣ* наблюдается главным образом при обозначении флексии местного падежа единственного числа и в некоторых словах и суффиксах, где написание *ѣ* и *и* может быть объяснено как смешение самих аффиксов.

Окончание /и/ в местном пад. ед. числа после основ на твердый согласный в псковских говорах появилось в результате развития именного склонения в древнейшую эпоху, до функционального объединения [и] и [ы].

Следовательно, для части говоров древнепсковского диалекта предполагается наличие фонемы /ê/ и более широкое распространение фонемы /и/ за счет древнейшей замены флексии /ê/ в определенных формах на флексию /и/.

§ 42. О фонеме /ô/ в диалектах Северной Руси

Отсутствие особой буквы для обозначения фонемы /ô/, отличной от /o/, изолированность слов с фонемой /ô/ в совре-

⁷⁰ А. А. Шахматов. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. «Журнал Министерства народного просвещения», 1919, № 7.

менных говорах затрудняет реконструкцию истории функционирования и развития этой фонемы в русском языке.

После открытия Л. Л. Васильевым древнерусских памятников, где графически передается различие между /ѡ/ и /о/ и исследования им этих памятников XVI в.⁷¹, появилось немного работ по истории /ѡ/ по данным письменных текстов.

Н. Н. Дурново обнаружил четыре рукописи Псковского древнехранилища, различающихся на письме /ѡ/ и /о/. По мнению историков языка, из них две: Евангелие № 2 и Минейя № 542 «могут определенно считаться псковскими, особенно вторая...». Служебник № 86, Карамзинский список IV Новгородской летописи конца XV века — новгородские рукописи⁷².

О фонеме /ѡ/ в древненовгородском диалекте свидетельствуют рукописи, изученные В. В. Колесовым. Он приходит к выводу, что в древненовгородском диалекте конца XV — начала XVI в. наблюдается процесс утраты особой фонемы /ѡ/ и устанавливается позиционная зависимость функционирования /ѡ/ или /о/: фонема /ѡ/ закрепляется в закрытых слогах, фонема /о/ — в открытых.

К сожалению, автор недостаточное внимание уделяет вопросу об историческом изменении самой слоговой структуры слова, в связи с которой он ставит позиционное перераспределение фонем /ѡ/ и /о/. Автор считает закрытыми слоги в словах: *вѡнже, вѡнъ, о кѡм же, крѡвь, плѡть* и в словах: *бѡдрый, дѡбрый, воплѡдись, сѡтникъ, послѡши* и подобных. Но можно ли выделить такую историческую эпоху непосредственно после падения редуцированных, когда в словах типа *бодрый, сотник* первый слог был закрытым? Проходил ли слогораздел после шумного согласного перед сонорным?

Можно думать, что вновь возникшие после падения редуцированных сочетания согласных: «шумный + сонорный», «шумный + шумный» стали относиться к последующему слогу, как отходят они к последующему слогу в современном языке. При таком понимании слоговой структуры слова в словах типа *бѡдрый, сѡтник* фонема /ѡ/ оказывается не в закрытом, а в открытом слоге, и тогда надо искать другие условия функционального изменения /ѡ/.

Но как бы ни понимать место фонем /ѡ/ и /о/ в системе древненовгородского диалекта XV—XVI вв., несомненно, что в системе XIV—XV вв. они были противопоставленными еди-

⁷¹ Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Сборник по русскому языку и словесности, т. I, вып. 2, АН СССР, Л., 1929.

⁷² В. В. Колесов. Эволюция фонемы /ѡ/ в русских северо-западных говорах. «Научные доклады высшей школы. Филол. науки», 1962, № 3, стр. 94—95; В. В. Колесов. /Ѡ/ (о закрытое) в древненовгородском говоре. «Уч. зап. ЛГУ», 1962, серия филол. наук, вып. 61, стр. 149—161.

ницами. Это противопоставление установилось после падения редуцированных, когда окончательно утратились интонационные различия в русском языке и, следовательно, зависимость [ѡ:] от интонации нового акута. Дифференциальным признаком этого противопоставления становится различие этих гласных по подъему: верхнесредний — средний.

Очевидно, гласный [ѡ], развившийся из [ѡ] под новым акцентом, был долгим, но эта долгота в фонологической системе новгородского диалекта после падения редуцированных оканчивалась фонологически несущественной, она не входила в число ДП.

Противопоставление /ѡ/ и /о/ осуществлялось лишь в ударных слогах, так как фонема /ѡ/ могла функционировать лишь под ударением.

Можно предположить, что параллельно с дифтонгизацией [ѡ:], когда [ѡ:] > [иѡ], происходила и дифтонгизация [ѡ:], когда [ѡ:] > [уѡ], в древненовгородском диалекте конца XIV—XV вв.

Параллельность в произношении гласных фонем верхне-среднего подъема известна и современным говорам вологодско-вятской группы с семифонемным составом гласных⁷³.

Противопоставление фонем /ѡ/ — /о/ характеризовало и часть псковских говоров, близких к новгородским.

Изученные письменные памятники ростово-суздальского происхождения не отражают наличие особой фонемы /ѡ/, противопоставленной /о/. По данным «Атласа центральных говоров к востоку от Москвы», фонемы /ѡ/, /ѡ/ сохраняются в системе говоров главным образом в Курловском районе Владимирской области. На картографированной территории находится 11 пунктов с различием /ѡ/ — /е/, /ѡ/ — /о/, из них 7 приходится на Курловский район Владимирской области. Но эти говоры в междуречье Оки и Клязьмы отличаются от говоров на бывшей ростово-суздальской территории и другими чертами, например, мягким цоканьем. Таким образом, письменные тексты и современные говоры не предоставляют фактов для реконструкции противопоставления /ѡ/ — /о/ в ростово-суздальском диалекте XIV—XV вв.⁷⁴

Мы восстанавливаем противопоставление /ѡ/ — /о/ в ростово-суздальском диалекте на основании представления о характере фонологической системы. Большой диалектный материал, собранный для Атласа русских народных говоров, уже составленные карты Атласов убедительно свидетельствуют,

⁷³ О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сб. отд. русск. яз. и словесности АН», 1907, т. 83, № 4.

⁷⁴ Косвенным указанием на фонему /ѡ/ в ростово-суздальском диалекте могут быть такие примеры из ростово-суздальских грамот: вочину 68, вочину 166, 238, вопче 168, 238, вопче 281, на волху на сухую 290, а от волхи 290, так как установлено, что перед начальным /ѡ/ развивался протетический [в].

что фонемы /ê/ и /ô/ в русских говорах функционально, структурно и генетически связаны. Как правило, в говорах имеют место обе фонемы, в настоящее время с разной степенью полноправности, утрата фонем /ê/, /ô/ протекает параллельно.

Можно думать, что когда после падения редуцированных окончательно утратились интонационные различия, то звук [ô:], связанный с интонацией нового акута, в одних говорах преобразовался в самостоятельную фонему /ô/ (монофтонг или дифтонг), противопоставленную /o/, в других утратился вместе с утратой древних интонационных различий.

Противопоставление фонем /ô/ — /o/ стало чертой не общерусской, а диалектной, хотя и широко распространенной.

Утверждение в системе говора нового противопоставления /ô/ — /o/ способствовало сохранению более старого противопоставления /ê/ — /e/ с тем же ДП — верхнесредний — средний подъем. В тех же говорах, где фонологическое противопоставление /ô/ — /o/ не возникло, очень рано утрачивается фонема /ê/.

В Северной Руси к таким говорам относились смоленско-полоцкий диалект и та часть псковских говоров, которая в своем развитии отличалась от новгородских и сблизилась со смоленско-полоцкими.

Письменные памятники, отразившие эти говоры (Смоленская грамота 1229 года в различных списках, первая часть Псковского Пролога 1383 г. и др.), знают частую замену буквы ѣ буквой е или буквой ъ, не ограниченную фонетическими или морфологическими условиями, что свидетельствует о ранней (до XIII в.) утрате фонемы /ê/ и расширении функционирования фонемы /e/ в связи с совпадением /ê/ и /e/ и отсутствием фонетического изменения [e] в [o]⁷⁵.

Таким образом, ранняя утрата противопоставления /ê/ — /e/, проявившаяся орфографически, одновременно показывает на отсутствие противопоставления /ô/ — /o/ в говорах.

Ростово-суздальский диалект в XIV—XV вв. еще сохраняет противопоставление /ê/ — /e/, утрата этого противопоставления происходит позже (не раньше рубежа XV—XVI вв.) и в других фонетических и морфологических условиях. Поэтому с достаточным основанием мы восстанавливаем для ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV—XV вв. фонему /ô/.

В связи с развитием системы согласных фонем, парных по мягкости-твердости, фонемы верхнесреднего подъема /ô/ и /ê/ оказывались непротивопоставленными друг другу по признаку «лабиализованность-нелабиализованность»: фонема

⁷⁵ О связи развития фонемы /ô/, противопоставленной /o/, с наличием или отсутствием передней фонемы /ê/ в славянских языках пишет Л. Мошинский в статье «К фонологии просодических элементов в славянских языках». «Вопросы языкознания», 1965, № 2.

/ô/ функционировала лишь после твердых согласных, фонема /ê/ — после мягких. По сути дела противопоставлялись ударные слоги /с'ê/—/с'ô/. Поэтому, когда в большинстве говоров ростово-суздальского диалекта утрачивается /ê/, заменяясь /o/, фонемой /e/, параллельно утрачивается /ô/, заменяясь /o/. Лишь в тех говорах, где в результате морфологических процессов возникает сочетание «мягкий согласный + /ô/ — /с'ô/», устанавливается фонологическое противопоставление /ô/ — /ê/ с ДП «лабиализованность-нелабиализованность». В таких говорах дольше сохраняются фонемы верхнесреднего подъема.

§ 43. Диалектные различия в области вокализма

Сложившиеся в XV в. частные системы гласных среднего и верхнесреднего подъема в диалектах северной Руси можно представить в следующих таблицах:

Таблица 8

А. РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ Под ударением

Позиция	сг		сгс		сгс'		с'г		с'гс		с'гс'	
	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
Подъем												
Верхнесредний	ô		ô				ê		ê			ê
Средний	o		o				o e		o		o	e

Таблица 9

Без ударения

Позиция	сг		сгс		сгс'		с'г		с'гс		с'гс'	
	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
Подъем												
Верхнесредний							ê		ê			ê
Средний	o		o				o e		o		o	e

Примечания:

1. В говорах с фонемой /ô/ возможно ее распространение и на позиции С'Г, С'Гс, С'Гс' по аналогии.
2. Фонема /ê/ в позиции С'Гс в безударных слогах, возможно, уже стала изменяться в /e/.

Б. НОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ

Таблица 10

Под ударением

Позиция	СГ		СГС		С'Г		С'ГС		С'ГС'		
	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	
Верхнесредний	ô		ô				ê		ê		ê
Средний	о		о		о	е	о	е			е

Без ударения

Таблица 11

Позиция	СГ		СГС		С'Г		С'ГС		С'ГС'		
	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	
Верхнесредний							ê		ê		ê
Средний	о		о		о	е	о	е			е

Примечания:

1. Фонема /ê/ в новгородских говорах произносилась дифтонгически как /ie/. Очевидно, имело место и дифтонгическое произношение фонемы /ô/ — /yo/.

2. В говорах этой группы в результате морфологического воздействия в позиции С'Г на месте древнейшей флексии /ê/ может быть флексия /и/.

3. Фонема /о/ в позициях С'Г, С'ГС была ограничена морфемами типа: /пол'о/, /пол'ом/; под ударением в позиции С'ГС в отдельных говорах она могла быть и в результате фонетического изменения [e] в [o].

Таблица 12

В. ПСКОВСКИЙ ДИАЛЕКТ. АКАЮЩИЕ ГОВОРЫ

Под ударением

Позиция	СГ		СГС		С'Г		С'ГС		С'ГС'		
	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	
Верхнесредний											
Средний	о		о		ô	е	ô	е	ô	е	е

Система гласных верхнесреднего и среднего подъема в окающих говорах псковского диалекта, очевидно, не отличалась от новгородского.

VI. КАТЕГОРИЯ ГЛУХОСТИ-ЗВОНКОСТИ СОГЛАСНЫХ

§ 44. Становление соотносительного ряда согласных, парных по глухости-звонкости, по данным памятников письменности XIV—XV вв.⁷⁶

Актовая письменность XIV—XV вв. северной Руси разного происхождения отражает позиционное варьирование глухих-звонких согласных, а также историческое изменение фонемного состава морфем в связи с оглушением-озвончением согласных.

Приведем типичные примеры:

а) Изменение фонемного состава морфем, а также внутриморфемное варьирование глухих-звонких согласных: опцихи, Дв. гр. № 22; вопць (ср. вобце), Дв. гр. 278, опчим, М. гр. № 9; да тшань Кожевничской, Нов. гр. № 21; ускую, Дв. гр. № 15 (при узок).

б) На стыке предлога и слова (приставки и корня): г десатцким, р.-с. гр. № 226; потписал, р.-с. гр. № 333; г городу р.-с. гр. № 470; г город/цкому, р.-с. гр. № 476; фпрокъ, р.-с. гр. № 302.

в) На стыке корня и суффикса: серешки, р.-с. гр. № 474 (сережек); жерепцевъ, М. гр. № 4 (жеребець); молотшимъ М. гр. № 7 (молодой); душегупца, М. гр. № 15 (душегубець); коропка, М. гр. № 20 (коробокъ); Шапкинь, р.-с. гр. № 168 (ср. Шабкинъ, р.-с. гр. № 168); слоботки, р.-с. гр. № 284 (слобода); на вращкъ, р.-с. гр. № 308 (вражекъ).

г) На стыке слов: да пояс золот, М. гр. № 61.

Характер примеров из актовой письменности северной Руси позволяет сделать вывод, совпадающий с выводом Н. И. Самуйловой о том, что «соотносительность глухих и звонких согласных на конце слов в XIV веке является сложившейся».

Диалектное варьирование в связи с формированием согласных, парных по глухости-звонкости, было связано с модификациями /в/ или /w/ и /г/ или /γ/, а также с возможностью не только регрессивной, но и прогрессивной ассимиляции по участию голоса.

В говорах ростово-суздальского диалекта с /в/, /в'/ губно-зубными в исходной системе (рубеж XI—XII вв.) установ-

⁷⁶ Этой теме посвящено специальное исследование Н. И. Самуйловой «Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке». Канд. дисс. М., 1963.

ливается позиционная мена: [в]//[ф], [в']//[ф']. Об этом свидетельствуют единичные, но весьма показательные примеры мены букв *в*, *ф* уже в ростово-суздальских грамотах начала XV в.: фпрок 302, а с Ведеровы стороны (ср. с Федоровы), р.-с. гр. № 263 и особенно данные современных говоров владими́ро-поволжского типа с последовательной меной [в]//[ф] и [в']//[ф']. Это позволяет включить /ф/ и /ф'/ в число согласных фонем ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV—XV вв.

Новгородский и псковский диалекты с фонемами /w/ и /w'/ в исходной системе к рубежу XIV—XV вв. получают позиционную мему [w], [w'] с [y̆] или сохраняются [w], [w'] в конце слога и слова с последующим отвердением [w'].

О позиционной меме [w]//[y̆] свидетельствуют новгородские и псковские тексты XIV—XV вв. с написаниями букв *в*, *у* в одинаковых орфограммах с написаниями предлога в виде *ув* (см. примеры в § 32).

Говоры ростово-суздальского диалекта и большинство новгородских говоров знают в это время позиционную мему [г]//[к]⁷⁷. Часть новгородских и псковских говоров имеют мему [γ]//[х].

«Прогрессивные ассимиляции по глухости-звонкости развивались в эпоху, непосредственно примыкающую к утрате редуцированных только во внутриморфемных сочетаниях, причем в тех случаях, когда единство их не нарушалось в этимологически родственных формах, в основном в сочетаниях, находящихся в начале морфем: *сторов* < *с(ѣ)дор*ов, Синодальный список Новгородской летописи XIII и XIV вв., *кте* < *к(ѣ)де*, псковское продолжение Саввиной книги и галицко-волинское Евангелие Верковича XIV в. Явление это было диалектным, ограничивалось рамками новгородского, псковского и галицко-волинского диалектов»⁷⁸. Это различие рано приобрело лексико-фонетический характер и в более позднюю эпоху (возможно, уже в XV в.) утратилось.

VII. СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

§ 45. Варьирование согласных, различных по способу образования

Изменения в новых сочетаниях согласных, возникших после падения редуцированных, могли приводить к позиционному варьированию согласных по способу образования, что

⁷⁷ В отличие от Н. И. Самуйловой предполагаем диалектное различие по черте /в/ — /w/ для более древней эпохи (до падения редуцированных). Вслед за А. М. Селищевым предполагаем достаточно древнее, хотя и непосредственное изменение [г] в [γ] в новгородских говорах (см. § 25).

⁷⁸ Н. И. Самуйлова. Ук. соч.

изменяло характер оппозиций по соответствующим ДП, преобразуя исходную систему.

Письменные тексты XIV—XV вв. разной территории фиксируют изменение группы согласных [б'в'] в [б']: р.-с. гр.: обвиниль 450; обинил 167, 260; обиниша 92; Дв. гр.: обиниша 87.

Группы [тс], [дс] изменялись в [ц']: р.-с. гр.: двацат(ь) 322; к вологодским 266; Вологоцкомъ 260; вологоцкой 306; соцкои 294, 297; соцкой 257; Ситцкое 290; Ситцкие 290; милобуцкихъ 290; Вологоцкомъ 290, к вологодским 266; волоцкіе 290; Талитцкие 117, Талитцкую 117; г десѣтцким 266; по Тцнѣ 10; Тцсны 10 (река Цна из *Дьсна*); М. гр.: Бежытцки Верхъ 61.

Подобные примеры отмечаются и в новгородских, двинских, псковских текстах: Н. гр.: останетца 111, судитца 111, новгороцким 115, новгороци 72. Качество /ц'/ в условиях позиционного варьирования, его твердость или мягкость, было, очевидно, таким же, как и в сильной позиции, т. е. в большинстве говоров мягким.

Сочетание взрывного [к] с последующим взрывным согласным изменялось в сочетании фрикативного [х] с последующим взрывным: р.-с. гр.: хто 322, 333, 442, 453 и мн. др., ниhto 334, х тому 436, 470; х Тельцову 470; Оухтюшка 21 (ср. Оуктюшка 22); х тем 205, 302; х той пустоши 257; х козе 290; х Кономице 284; х Кочевинской 215, х кириловскому 286; х Кашину 9; х бору 104; х пустошом 302; х павловскому 470. М. гр.: хто 36, 38, 47, 56; х тому 47; х Коломнѣ 47; х Кичи-Махметю 38; Бахтюгу 61; х Кубенѣ 61; х которому 52; Нов. гр.: хто 21, 50, 90, 93, 122 и др. Дв. гр.: хто 217, 277 и др. Перед звонкими согласными [х] изменялся в [γ], что отразилось в написаниях типа р.-с. гр.: г городу 470, к десѣтцким 266.

Сочетание взрывного согласного с аффрикатой того же места образования изменялось в аффрикату с долгим затвором. Долгота затвора, очевидно, утрачивалась в положении не между гласными, как и в современном русском языке. Примеры: р.-с. гр.: хресци 273 (ср. хрестъци 290); вочину 68; довотчики 192; праведчики 192: [довоч': ик'и], [прав'еч': ик'и]. М. гр.: очины 36; вочину 36 (2 р.) (ср. вочина 36) = [воч':ина].

Изменение [кр] в [хр] и [ч'т] в [ш'т] было лексически ограничено: р.-с. гр.: хресци 273, хр(е)стьяном 277, 112, 463; што 326, 434, 436, 442, 470, 484; штобы 53; Нов. гр.: хрестъ 60, хрестному 60, хрестьянъ 97, што 4, 5, 8, 15, 16. М. гр.: што 38, 45, 43, 51, 56, 58.

Конечное сочетание [с'т] изменялось в [с']: р.-с. гр.: есь ли 464; у кого есь то серебро 30. М. гр.: што есь взял 38; что есь со мною 47.

Сочетания [стн], [здн] изменялись соответственно в [сн], [зн]: р.-с. гр.: с порозны 17 (ср. порозды 17); праздника 10; чесно 27; наместнику 106, 109; наместникъ 109; наместници 110, 266; намѣсници 180 (ср. намѣстник 106). М. гр.: казду 36; намѣсники 56; на Шекстнѣ 57 (написания *здн*, *стн* вместо *зн*, *сн* являются косвенным свидетельством данного фонетического изменения). Нов. гр.: кресному целованью 57.

Изменение [ч'н] в [ш'н] отмечено в одной ростово-суздальской грамоте: еи даю в опришнину два села... 20 (1406 год).

«С отчетливой уверенностью, — пишет акад. С. П. Обнорский, — можно считать *ин* органической чертой Московской области»⁷⁹.

Дальнейшее распространение этой черты в южновеликорусской и северновеликорусской области С. П. Обнорский связывает с московским влиянием.

Позиционное варьирование согласных по способу образования привело к появлению слабых позиций для согласных, противопоставленных по ДП «взрывность-фрикативность», позиций, в которых взрывность или фрикативность согласного теряли значение ДП (см. подробнее об этом в главе IV).

VIII. МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

§ 46. Варьирование согласных, разных по месту образования

Варьирование согласных по месту образования связано было с тенденцией к ассимилятивному воздействию разноместных согласных одного способа образования. Поэтому свистящие перед шипящими изменялись в шипящие, а шипящие перед свистящими в свистящие. Примеры: Нов. гр.: бещестье № 17. «При встрече со следующим звуком *с* — *ч*, *ш*, *ж*, *ц* давали в результате *ц* или *с*» (А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот). Это изменение создавало слабую позицию для фонем, противопоставленных по ДП «дентальность — альвеолярность», оно было однообразно на всей изучаемой территории.

Утрата противопоставления «дентальность-альвеолярность» в кругу аффрикат в связи с цоканьем давала изоглоссу. В XIV—XV вв. мягкое цоканье характеризовало говоры древненовгородского диалекта.

Памятники XIV—XV вв. новгородского происхождения широко отражают мену букв *ц* и *ч*⁸⁰.

⁷⁹ С. П. Обнорский. Сочетание *чн* в русском языке. «Тр. Комиссии по русскому языку», 1931, т. 1, стр. 94.

⁸⁰ Проблема цоканья детально рассмотрена в работе: В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959. Поэтому здесь примеры и их анализ не даются.

§ 47. Утрата долгих согласных на стыке морфем

Письменные тексты XIV—XV вв. разного происхождения широко отражают утрату долгих согласных, возникших после падения редуцированных в результате ассимиляции.

Группа [сс] или [зс] > [с:] > [с];

группа [вв] > [в:] > [в];

группа [кк] > [к:] > [к];

группа [хх] > [х:] > [х];

Р.-с. гр.: с тамгою и с мытом и селы и з бортью 4; своимъ братомъ со княземъ 6 (вместо *с своимъ братомъ со княземъ*); ты выѣхал и своеѣ оч(и)ны 12 (=из своеѣ); и старины 210, 237, 238, 255, 257, 302, 304, 324, 463 (=из старины); великомъ княженѣ и в отч(и)нѣ 3 (=в великомъ...); Вашпане 302 (=в Вашпане); и всѣхъ хрестьянѣ 112 (и всѣхъ хрестьянѣ); и зьмлами 1 (=с зьмлами); с... житом и //солюю (=с солюю) 207; тагалса... старцом (=с старцом) 205; росѣкль (=росѣкль) 281; сторону (=с сторону) 290 (3 р.), 294; своими товарицы (=с своими товарицы) 463; Грастваному (=к Грастваному) 490; воду (=в воду) 155; М. гр.: ни сылатиса 55 (обычно: сьсылатиса).

X. СОЧЕТАНИЯ СОНОРНЫХ И ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 48. О «втором полногласии»

После падения редуцированных в связи с изменением структуры слога (формы типа [в'ѣр'хъ] стали односложными [в'ер'х], а в формах типа [в'ер'ха] возник закрытый слог, который теперь не противоречил общей системе с новыми закрытыми слогами) должна была исчезнуть позиционная мена плавных [р], [р'], [л] со слоговыми плавными [p], [p'], [l].

Сочетание согласных «сонорный + шумный согласный» в предшествующую эпоху отсутствовало. Для всех диалектов были новыми и конечные сочетания сонорных, конечные сочетания шумных согласных с сонорными, начальные сочетания сонорных с шумными согласными. Все эти новые сочетания подверглись изменениям во всех диалектах. Изменения сводились к преобразованию новых сочетаний: а) путем упрощения новой группы согласных: *несл* > *нес*, б) с помощью развития вторичного гласного: *угл'* > *угол'*, *ветр* > *ветер*; в) с помощью развития позиционной слоговости: *лба* > *лба*, *ржи* > *ржи*.

Конкретные формы этих изменений варьировались по диалектам. Так, форма типа *л'на* изменялась в формы: *ил'на*, *ол'на*, *ал'на*. Эти изменения различались по группам лексики и вскоре приобрели лексико-фонетический характер.

С известным основанием в связь с этим общим процессом преобразования новых сочетаний согласных можно поставить и изменения в группе слов с древнерусскими сочетаниями $t\bar{y}t$, $t\bar{y}t'$, $t\bar{y}t$ ⁸¹.

Как известно, после работ А. А. Шахматова явление второго полногласия связывают с развитием долготы у слогового плавного в указанных группах в положении нового закрытого слога и дальнейшим преобразованием долготы слогового плавного, т. е. $t\bar{y}t\bar{y} > t\bar{y}t\bar{y}^b > torot$.

Вслед за А. А. Шахматовым второе полногласие рассматривается как общее восточно-славянское явление, а его непоследовательность объясняется аналогичным воздействием⁸². Нельзя не отметить, что А. А. Шахматов относил наличие долгих плавных, сокращение долгот, развитие редуцированного после плавного перед слогом с неслоговым редуцированным к ранней общерусской эпохе, до падения редуцированных, то есть по А. А. Шахматову $t\bar{y}t\bar{y}^b > t\bar{y}t\bar{y}^b$ (до падения редуцированных), а $t\bar{y}t\bar{y}^b > torot$ (во время падения редуцированных)⁸³.

В новых работах удлинение плавного относят ко времени падения редуцированных и связывают с явлением заменительного удлинения в новых закрытых слогах. При этом данный слог и его поведение не соотносится с состоянием всей фонологической системы языка. Между тем известно, что явление заменительного удлинения характеризовало лишь юго-западные диалекты, вошедшие в состав украинского языка и, следовательно, не может объяснить факты диалектов русского языка. Думаю, что связывая второе полногласие со всеми другими фактами развития новых сочетаний согласных, можно поставить данное явление в связь со всей фонологической системой языка.

Трудно также согласиться, что это явление в своем конкретном лексико-фонетическом проявлении было общим для всех диалектов. А. А. Шахматов приводит список слов со вторым полногласием, и все они территориально приурочены к говорам псковского и новгородского происхождения. Об

⁸¹ Проф. Р. Нахтигал рассматривает «второе полногласие» в ряду со всеми преобразованиями согласных после падения редуцированных. См. Р. Нахтигал. Славянские языки. Перевод со словенск. Н. М. Елкиной. М., ИЛ, 1963, стр. 147—166.

⁸² См. В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 106.

⁸³ А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. СПб., 1903.

этом говорят и факты, приводимые Н. П. Гринковой⁸⁴. Н. П. Гринкова считает второе полногласие явлением диалектным, свойственным северо-западным говорам русского языка. «В основном это — территория, идущая к западу от Белого моря по б. Олонецкой, Новгородской, Ленинградской и Псковской губерниям. Точнее — это районы старой Новгородской области с близко лежащими к ней землями».

Обращает на себя внимание, что именно в говорах новгородского происхождения диалектологи отмечают формы типа: *леда*, *потолока*, в то время как в других диалектах распространены формы аналогического происхождения: *л'да*, *потолка*.

Морфологические изменения по аналогии не безразличны к состоянию фонологической системы, и если в фонологической системе преобразовывались сочетания сонорных с шумными согласными путем развития вторичного гласного, то и новые формы с такими сочетаниями не возникали.

Соответствующие данные письменных памятников также относятся к текстам новгородского и псковского происхождения.

В текстах грамот ростово-суздальского происхождения не найдено ни одного соответствующего примера. Считаю, что явление, известное как «второе полногласие», первоначально фонетическое, связанное с изменением новых сочетаний согласных, а затем оформившееся как лексико-фонетическое, принадлежало древненовгородскому и древнепсковскому диалекту и отсутствовало в ростово-суздальском. Изолированные слова со «вторым полногласием», как *молонья*, получили широкое распространение по говорам. Но компактная группа слов этого типа и в настоящее время фиксируется лишь на северо-западе.

⁸⁴ Н. П. Гринкова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. «Тр. Ин-та русского языка АН СССР», 1950, т. II, стр. 211—227.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ДИАЛЕКТОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ

1. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА НА РУБЕЖЕ XIV—XV вв.

§ 49. Сочетания согласных

В результате падения редуцированных разрушилась та последовательность согласных в фонетическом контексте, которая определилась после праславянских процессов «упрощения групп согласных», когда любая последовательность согласных входила в один слог.

В новой системе, складывающейся после падения редуцированных, сохранялись многие тавтосиллабические сочетания согласных, известные и в системе XI—XII вв. Но возникали и новые группы согласных, из которых не все могли входить в один слог, т. е. не все являлись тавтосиллабическими сочетаниями согласных. Реконструировать для эпохи XIV—XV вв. отношение групп согласных к слогоразделу и связанное с этим отношением деление этих сочетаний согласных на тавтосиллабические и гетеросиллабические — трудная задача. Поэтому мы ограничимся перечислением всех сочетаний согласных, которые характеризовали синтагматический план системы, без их разграничения на тавто- и гетеросиллабические.

При определении позиционной мягкости согласных в сочетаниях согласных исходим из представления о том, что в системе XIV—XV вв. действовал закон обязательного смягчения губных перед мягкими губными, перед мягкими зубными и перед мягкими среднеязычными согласными, зубных перед мягкими губными и перед мягкими зубными согласными. Это представление основывается на орфографии ряда письменных памятников XIV—XV вв. с неэтимологическим употреблением букв ъ и ь (см. § 30, 32 гл. III), а также главным образом на данных о произносительной системе московского просторе-

чия, которая, как и говоры центра, продолжает тенденции развития ростово-суздальского диалекта.

Степень позиционного смягчения могла быть различной, что, как и в современных говорах, могло зависеть от качества согласных, составляющих сочетание и от их морфологического положения.

Однако реконструкция сочетаний согласных с учетом всех возможностей системы не представляется возможным.

В описываемой системе были возможны следующие сочетания согласных¹:

А. Сочетания шумных смычных согласных:

- [п'т'] — птица [п'т'иц'а], лапти [лап'т'и];
[бд] — на стыке морфем: об дуб [обдуп];
[б'д'] — на стыке морфем: обделить [об'д'ел'ит'];
[д'б] — татьба [тад'ба] 49, 66, 76, 125;
[тп] — подпаль [потпал'] «неполноценная белка» 10, 316;
отпустат [отпус'т'ат] 102;
[тп'] — подписать [потп'исат'];
[т'к] — ъедько [ф'ег'ко] 429;
[тк] — къ бродку [убротку] 429; давидко [давытко] 70; слободку [слоботку] 464;
[т'к'] — Ситьки [с'ит'к'и] 326;
[тт] — на стыке морфем: под тобою [поттобою] 66 >
>[пот:обою];
[т'т'] — на стыке морфем: итьти [ит'т'и] >[ит':и];
[дд] — на стыке морфем: от дороги [оддорог'и] 472 >
>[од:орог'и];
[д'д'] — на стыке морфем: от деревни [од'д'ер'ев'н'и] >
>[од':ер'ев'н'и];
[пп] — на стыке морфем: об пол [оппол] >[оп:ол];
[пк] — Осипком [ос'ипком] 337.

Б. Сочетания «взрывной согласный+аффриката» или «аффриката+взрывной согласный».

- [п'ц'] — жеребцы [ж'ер'еп'ц'и] 8, воцць 278; жерепчава [п'ц']; по говорам было [пц];
[п'ч'] — купчую 288, купчины 271;
[ц'к] — Осницкую 47, Ергобоцкой 47, волоцькому 69, городецького 112, новгороцким 115, по говорам [цк];
[ч'к] — рьчка 46, Мичковской 238;
[ч'к'] — рьчкь 324.

¹ Автор не претендует на исчерпывающий обзор всех сочетаний согласных. Источником реконструкции были тексты грамот, которые не содержат достаточно разнообразной лексики со всеми возможными комбинациями согласных.

В. Сочетание «аффриката с долгой выдержкой + взрывной».

[ц':к] — горотцкие 481 [гороц':к'ије] или по говорам [ц:к];
[ц:к] — омуцкому 472 [омуц':кому] или [омуц:кому].

Г. Сочетание «фрикативный согласный + аффриката».

[ш'ч'] — писчаа [п'иш'ч'аја] 323;
[с'ц'] — Лисцевские 4, хресци 273 [хр'ес'ц'и], по говорам [сц];

Д. Сочетание «фрикативный + взрывной согласный».

[вд] — оправдания, овдокимко 338, вдова [вдова];
[вб] — на стыке морфем: в борону [в борону];
[в'б'] — на стыке морфем: вбить [в'б'ит'];
[вг] — в город;
[фт] — в том... [ф том]...;
[фп] — въ правду [ф правду] 89;
[ф'п'] — вписать [ф'п'исат']; вперед [ф'п'ер'от];
[фк] — овкачикъ [офкач'ик] 4; головко 47;
[ф'ц'] — овцю [оф'ц'у], по говорам [фц];
[ст] — ставъ [стаф], без тебе [б'ес тоб'е] 15;
[с'т'] — хрестьяне [хр'ес'т'яне] 463;
[сп] — с путми 19, бесполучетверта 474;
[с'п'] — без пено [б'ес'п'ено] 68, оупения [ус'п'ен'ија];
[ск] — Трясков 32, ис которого 278;
[ск'] — подвозки [подвosc'и] 271;
[зд] — суздальскимъ 436; з Данилом 490;
[з'д'] — отъздят 69 [от'јез'д'ат];
[зб] — ис бортью [из борт'ју] 19, изба, з братьею 487, зборное 407;
[з'б'] — з березой [з'б'ер'озо], избъ [из'б'ѐ];
[зг] — з глумовского 467-а, згорел 481, Кузгорина 236;
[зг'] — зги;
[ж'б] — службы 97, по говорам [жб];
[ш'к] — Ивашко 47, по говорам [шк];
[ш'к'] — сережки 474 [с'ер'еш'к'и], по говорам [шк'];
[ш'т] — што 434, 442, штобы 53, по говорам [шт];
[үг] — г городу [үгороду] 470;
[үд'] — г десятцким [үд'ес'ац'к'им] 266;
[үд] — г дороге, г дубу [үдубу];
[хт] — хто 442, 453, х тому 470;
[хт'] — оухтюшку 61, х Телцову 470;
[хк'] — х Кичи-Махметю 38.

Е. Сочетание «взрывной + фрикативный согласный».

[б'в'] — обвинил [об'в'инил] 189²;
[дв] — дворъ;

² По говорам [б'в'] > [б']: обвинил.

[д'в'] — две [д'в'е];
[тв] — твои, отвод;
[т'в'] — Тверь [т'в'ер'];
[гж'] — такъже [тагж'е], Гжеля;
[кв] — квас, к вашему;
[гв] — гвоздь [гвос'т'];
[пс] — об свою... [оп'с'оју];
[п'с'] — обь сю сторону [оп'с'у сторону] 290;

Ж. Сочетание: «фрикативный + фрикативный согласный».

[вз] — взыщет 162;
[в'з'] — възаль [в'з'ал];
[фс] — въсылают 51 [фсылајут];
[ф'с'] — со въсмъ [со ф'с'ем] 40;
[ф'ш'] — Левшиньского 287, ковшь 4;
или
[фш] — вшол [ф'ш'ол], по говорам [фшол];
[св] — свои, с вашего 59;
[с'в'] — с Витовтом [с'в'итовтом] 15;
[сх'] — без хитрости 59 [б'ес х'итрос'т'и];
[ж'ж'] — на стыке морфем: з житом [ж'ж'итом] 436;
или
[жж] — зжог [ж'ж'ок] 445, [жжок] — по говорам;
[ш'ш'] или [шш]: с Шапкиным [ш'ш'ап'к'иным] или [шшап'к'иным] — по говорам.

З. Сочетание: «взрывной + сонорный согласный».

[бр] — братьею 434, серебромъ 436;
[бр'] — в серебръ [ф'с'ер'ѣбр'ѐ];
[пр] — правои 336, просят 97, продала 1;
[пр'] — приказу 446 [п'р'иказу];
[др] — другуу 47;
[др'] — Дрезна 425 [д'р'езна];
[тр] — хитрости 5, Троянъ 70;
[т'р'] — трясков [т'р'аскоф] 32, Трифон [т'р'ифон] 54;
[кр] — крылошанин;
[кр'] — крепи;
[гр] — грамоту 434, граду 97;
[гр'] — григорьева 72;
[бн] — Дубна 271, рыбное 42;
[б'н'] — Дубнев 404 [дуб'н'оф];
[пн] — копна 47;
[п'н'] — стопьнику 69, пня [п'н'а];
[дн] — судна 271, городному 481;
[д'н'] — докладницу 8, проводники 206, окладник 284;
[тн] — пятно 364, 386 [п'атно];

[т'н'] — лѣтней 336, мытники 53;
 [кн] — к нам;
 [кн'] — к нему 434, книга, княгини 1;
 [гн] — Игнат(ь)ю 470;
 [гн'] — гнѣвашом 338;
 [ч'н] — непорочные 37, булгачно 102³.
 [бл] — Благовещенское 482;
 [б'л'] — рубли 63, рубль 72, блин;
 [шл] — платил, плугъ;
 [п'л'] — щиплятов 333;
 [тл] — котла;
 [т'л'] — котлѣ;
 [дл] — подлужье 348;
 [д'л'] — для... [д'л'а]...
 [кл] — закладницу 8;
 [кл'] — климшинским;
 [гл] — потягло 434, глумовскую 467-а;
 [гл'] — глина;
 [тм] — Батману 336, Ротмарову 47.

* *
 *

[м'г'] — Тамги 271 [там'г'и];
 [мк] — Овдокимкомъ 463;
 [м'ц'] — Семциньское 4, по говорам [мц];
 [нд] — Хиндоболского 290;
 [н'д'] — индикта 97;
 [нт] — Ферафонтова 81;
 [н'т'] — Понтя [пон'т'а] 8, Леонтия 97 [л'евон'т'ија];
 [нк'] — починки 46;
 [н'к'] — поженька 206, Паньковскую 511;
 [нк] — семенъково 496;
 [н'ц'] — концѣ [кон'ц'ѣ] 330;
 [лт] — алытына 19, Алтоушка 8;
 [лт'] — Олтяшь [олт'аш'] 47;
 [лк] — Данилко 463, бѣлка 323;
 [л'к'] — Василково 450 [вас'ил'ково];
 [лг] — Долгыня 481, Долгой 8;
 [л'ц'] — сѣлциным 47, по говорам [л'ц];
 [рб] — горъбатой 299;
 [рб'] — Нарбѣкову 431;
 [рд] — Гордошевичи 3, орды 45;
 [р'д'] — ординьской 36;
 [рт] — четвертой 334, смердѣ [с'м'ерт];
 [р'т'] — портище 1 [пор'т'иш':е] или [пор'т'иш'ч'е];

³ В определенном круге слов [ч'н] изменялось в [ш'н].

[рк] — Назарком 337, ѡзерько 273;
 [рк'] — Маркелом 97;
 [р'г'] — серьга 4;
 [р'г'] — Сергеи [с'ер'г'ѣ] 434;
 [р'ц'] — бурцевым 474, по говорам [рц].

И. Сочетание «фрикативный + сонорный согласный».

[вн] — гривны 474, д(у)ховной 330;
 [в'н'] — душевницѣ 434, деревнѣ [д'ер'ев'н'е] 336;
 [вр] — авральню 434;
 [в'р'] — время [в'р'ем'а];
 [вл] — Павла 463;
 [в'л'] — ловля [лов'л'а];
 [ф'р'] — Ефрема 97, Онофремцовых 464;
 [зн] — казну 36, с Порозны 17;
 [з'н'] — праздника 10, приказник 455;
 [сн] — чесно 27, смѣсной суд 455, сосну 455;
 [с'н'] — намѣснику;
 [ш'н'] — на страшном... 97, по говорам [шн];
 [ш'н'] — в опришнину 20, Мошнина 63, по говорам [шн'];
 [ж'н'] — женьчужьныи 1, по говорам [жн];
 [ж'н'] — пожни 436, по говорам [жн'];
 [см] — смородинной 46;
 [с'м'] — есмь 434 [јес'м'];
 [з'м'] — Кузьмокою 1 [куз'мокоју];
 [хл'] — хлѣбом 446;
 [хр'] — христофоръ 8, похряне 4, хрестъ, хресцы, хрестья-
 номъ, хрестному;
 [хр] — хромъ.

* *
 *

[мж'] или [мж] — Ярогомжу 286;
 [мш'] или [мш] — Климшинским 337, Мшаному болоту;
 [мх] — мху 326, 46;
 [н'ш'] — меншим [м'ен'ш'им] 1, по говорам [н'ш];
 [н'ш'] — данщик 68 [дан'ш':ик] или [дан'ш'ч'ик];
 [лв] — Болванцево 290;
 [лв'] — Молвянинов;
 [лф'] — Олферьевич(ь) 434;
 [лс'] — тягался 450;
 [л'ш'] — к Нелшѣ 481, по говорам [л'ш];
 [р'в'] — первому 181 [п'ер'вому];
 [рв'] — рвинкою [рв'инкоју];
 [рф'] — парфеньевскую 47, 68;
 [рс] — Бурьсукъ 463;

[p's'] — Орсения 63;
[px] — Перхушково 330, Иринархъ 68;
[p'x'] — Перьхин 281.

К. Сочетание: «сонорный + сонорный согласный».

[m'l'] — земля, земля, земляца 8;
[mn] — Домна;
[m'n'] — мнѣ 97, 334, мнишском 434;
[лм] — под холмом 484, холм;
[лм'] — Тутолминъ 327;
[лн] — волна;
[л'н] — новоначалной [нач'ал'ној] 334;
[л'н'] — льняна;
[рл] — Харламъ 8, скорлатное 1;
[р'л'] — черлений 1;
[рм] — бармами 1, корм 38;
[рн] — съзорног (о) 271, Дегтярных 464;
[р'н'] — чернецъ [ч'ер'н'ѣц'];
[нн] — санъному 69; конной 165 [кон:ой];
[н'н'] — иконничъ 242 [икон':ич'а].

Л. Сочетание «шумный или сонорный согласный + j».

[b'j] — воробья, жеребью 233;
[п'j] — прокопьева 238, пью;
[м'j] — Офимьяна 91;
[в'j] — кустовье 152, Евъсевьев 23, 27;
[ф'j] — Софья 98, Остафьева 17;
[т'j] — печатью 154, третья;
[д'j] — дьякъ, угоды 2;
[с'j] — Федосья, Касьяну, съ его...
[з'j] — Изьядин 474;
[ш'j] — пустошью, по говорам и [шj];
[ж'j] — рожью 102, по говорам и [жj];
[ч'j] — ручья 263;
[л'j] — посилице 8, Емельянь 123;
[н'j] — ослушанье 102, попеченье;
[р'j] — Захарья, Юрья; з дочерью 474;
[к'j] — Лукьян 15, 27.

М. Сочетания из трех и более согласных.

[п'с'к] — Борисоглебская 255;
[п'с'тв] — душегубство [душ'егуп'с'тво] 98, 99;
[взв] — взводил 284, възвозъ 54;
[вдр] — в другиъ [вдруг'ијѣ] 464;
[фсп] — въспросил [фспрос'ил] 90;

[ф'с'к] — Марьевского 290, Тупиковская 15;
[ф'с'к'] — Тупиковские [туп'икоф'с'к'ије];

[фст] — вступаецца [фступајец:а] 467и;
[м'с'к] — Уломьского 46;
[м'с'к'] — Уломьские 290, земскими 268;
[ндр] — Кондратов (о) 1, 46;
[н'д'р'] — Ондрюю 1;
[нкр] — Панкрат 47, Панькратъка 73;
[н'с'к] — Игуменская 90;
[н'с'к'] — даньские, масленьскими 98;
[л'с'к'] — суждальские [суж'дал'ск'ије] 441;
[лш'м'] — по Палшмъ 330, по говорам [лшм'];
[лнк] — пополнка 63;
[лж'н] — должником 36 [долж'н'иком], по говорам [лжн'];
[рст] — верьсть [в'ерст] 337;
[р'с'к] — з добромьерского 467а, дворьскому 98, заозерьские 109;
[р'с':к'] — новоторъжских [новотор'с':к'их] 9;
[р'н'ц'] — черныца [ч'ер'н'ц'а] 184 или [р'н'ц];
[рч'м'] — корьчмитовской 257;
[р'ш'к] — Горшково 290 [гор'ш'ково], по говорам [горш'во];

[рtm] — на Шартму 474 [на ш'артму] или [шартму];
[рtk] — Морьтка 15;
[рtk'] — на Морткъ 15;
[р'м'н'] — кормника 102;
[рм'л'] — корьмли 269; на корьмлю 249;
[скв] — сквозь 53;
[скв'] — Москвъ 97;
[ств] — паству 97;
[с'т'в'] — паствил 97;
[спр] — по исправъ 19;
[с'т'р'] — сестрича 446;
[стр] — строителя 463;
[збр] — з братаномъ 278, з братьею 69;
[м'с'т'] — мстица 17; Мьстиславль 10;
[хсн'] — на Шохсне 38;
[с'т'j] — хрестьяне;
[н'т'j] — Сафонтью 470 [сафон'т'jу];
[р'л'j] — за Нерлю 463 [за Н'ер'л'jу].

§ 50. Сочетания согласных и гласных

Эта последовательность определялась качеством твердости или мягкости согласного. Остальные признаки согласных: глухость, звонкость, место или способ образования не были определяющими.

Все твердые согласные могли сочетаться с гласными звуками [y], [ô], [o], [a]. Все твердые согласные, кроме заднеязычных, сочетались с гласным [ы]. Все мягкие согласные сочетались с гласными звуками [и], [ý], [ê], [e], [ô], [â].

Сочетаемость мягких губных и мягких зубных согласных с гласным [ý] была ограничена лексически и морфологически: такие сочетания были возможны на стыке основы и флексии в словоформах типа: [голуб'ý], [з'ат'ý], [гр'ид'ý], [ф'ед'ý], [гус'ý], [кн'аз'ý].

§ 51. Сочетания гласных

Сочетания гласных звуков могли возникать лишь на стыке знаменательных слов, в пределах слова такие сочетания исключались. В начале слова были возможны гласные звуки: [и], [y], [o], [a]: *Иван, утро, окно, Андрей*.

Гласные сочетались с согласными. Качество гласного в речевом потоке определялось прежде всего твердостью и мягкостью соседних согласных (см. § 50).

Все гласные могли сочетаться с любым последующим согласным.

Под воздействием окружающих согласных гласные изменяли свое качество, возникала позиционная мена гласных на протяжении отрезка речи.

С несомненностью можно говорить о позиционной мене звуков [и]/[ы], [ý]/[y], [ô]/[o], [â]/[a], [ê]/[e].

§ 52. Парадигматические отношения согласных

Функционирующая на рубеже XIV—XV вв. система консонантизма ростово-суздальского диалекта характеризовалась следующими оппозициями:

1. Оппозиция с ДП «твердость-мягкость» состояла из следующих пар: п — п', б — б', ф — ф', в — в', м — м', т — т', д — д', с — с', з — з', н — н', л — л', р — р' (=12 пар).

Решающей сильной позицией для противопоставления согласных фонем, парных по твердости-мягкости, стало положение на конце слова, для твердых-мягких переднеязычных также положение перед твердыми губными и заднеязычными, а для /л/ — /л'/ перед всеми согласными. Наличие данных сильных позиций, где твердость-мягкость согласных несомненно не определяется позицией, позволяет говорить о фонематической значимости твердости и мягкости парных согласных перед гласными фонемами /и/, /y/, /o/, /a/ и одновременно интерпретировать ряд гласного, как переменный признак, зависящий от качества твердости или мягкости согласного.

Таким образом, определяются следующие сильные пози-

ции: а) на конце слова, б) перед гласными фонемами /и/, /y/, /o/, /a/, в) твердых-мягких переднеязычных перед твердыми губными и заднеязычными, г) фонем /л/ — /л'/ перед всеми согласными. Отсутствовало противопоставление в слабых позициях:

а) перед гласными фонемами: /e/, /ê/, /ô/,

б) перед фонемой /j/,

в) в позициях ассимилятивного смягчения и отвердения согласных (см. гл. III, § 30).

Противопоставление парных по твердости-мягкости согласных фонем в одних фонетических положениях и утрата, нейтрализация этого противопоставления в других, с несомненностью свидетельствовало о выделении оппозиции с ДП «твердость-мягкость» в системе консонантизма, характеризовало данный ряд согласных фонем как ряд соотносительный и определяло позиционную мену в кругу парных твердых-мягких согласных фонем как мену перекрещивающегося типа. Внепарными по ДП «твердость-мягкость» были: твердые /к/, /г/, /х/ с их позиционными разновидностями [к'], [г'], [х']; мягкие /ш', /ж', /ш':/, /ж':/, /ц', /ч', /j/. По говорам /ш', /ж', /ц' могли стать внепарными твердыми /ш/, /ж/, /ц/.

2. Оппозиция по «глухости-звонкости» составлял следующий ряд согласных: п — б, п' — б', ф — в, ф' — в', т — д, т' — д', с — з, с' — з', ш' — ж' (или ш — ж), ш': — ж':, к — г. Этот ряд к рубежу XIV—XV вв. приобрел характер соотносительного ряда, так как в тождественных фонетических условиях перечисленные парные согласные фонемы противопоставлялись и в тождественных же условиях утрачивали это противопоставление по глухости-звонкости, происходила нейтрализация.

Сильными позициями были: 1) положение перед гласными фонемами, 2) перед /j/, 3) перед /в/, /в'/, 4) перед сонорными /м/, /м'/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /р'/.

Слабыми позициями были: 1) положение на конце слова, 2) положение перед шумными глухими и звонкими согласными.

Позиционная мена парных по признаку «глухость-звонкость» согласных фонем принадлежала к перекрещивающемуся типу. Внепарными были: /м/, /м'/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /р'/, [j], /ц' или /ц/, /ч', /х/.

3. Оппозиция с ДП «способ образования» состояла из следующих частных оппозиций:

3—1. ДП «назальность-неназальность» объединяет 8 пар: /м/ — /б/, /м'/ — /б'/, /м/ — /в/, /м'/ — /в'/, /н/ — /д/, /н'/ — /д'/, /н/ — /з/, /н'/ — /з'/.

3—2. ДП «взрывность-фрикативность» характеризует девять пар: /т/ — /с/, /т'/ — /с'/, /д/ — /з/, /д'/ — /з'/, /б/ — /в/, /б'/ — /в'/, /п/ — /ф/, /п'/ — /ф'/, /к/ — /х/.

Противопоставление /т/ — /с/, /т'/ — /с'/, /д/ — /з/, /д'/ — /з'/ перед /с/ и /с'/ утрачивается.

Противопоставление /к/ — /х/ перед взрывными: /т/, /п/, /к/ нейтрализуется в результате позиционного изменения [кп], [кт], [кк] в [хп], [хт], [хк]. Противопоставление /к/ — /х/ нейтрализуется и перед звонкими взрывными: /б/, /д/, /г/ из-за изменения: [кб] > [гб] > [уб]; [кд] > [гд] > [уд]; [кг] > [гг] > [уг] и соответственно [хб] > [уб]; [хд] > [уд]; [хг] > [уг].

В результате в частной системе противопоставленных согласных с ДП «взрывность-фрикативность» возникают сильные и слабые позиции, появляются и позиции нейтрализации. Однако это не придает всему ряду парных взрывных-фрикативных согласных характер соотносительного ряда, так как здесь нет параллельности изменения всех противопоставленных взрывных-фрикативных согласных фонем: одни пары нейтрализуются в одних условиях, другие — в других, третьи изменяют характер оппозиции без нейтрализации.

Поэтому в этом ряду характеристика фонологических единиц в сильных и слабых позициях индивидуальна.

3—3. Оппозиция с ДП «взрывность-аффрикатность» состояла из пар /т'/ — /ц'/ и /т/ — /ц/, имела слабую позицию перед /с/, /с'/, /ц'/.

По говорам эта оппозиция приобретала вид /т'/ — /ц/, /т/ — /ц/ и утрачивалась перед /с/, /с'/, /ц/.

3—4. Оппозиция с ДП «фрикативность-аффрикатность» включает пары: /с/ — /ц'/, /с'/ — /ц'/ (по говорам /с/ — /ц/, /с'/ — /ц/), /ш'/ — /ч'/ (по говорам /ш/ — /ч'/).

3—5. Оппозиция с ДП «латеральность-вibrантность» включает пары: /л/ — /р/, /л'/ — /р'/.

Фонемы: /г/, /л/, /ж'/ стояли вне оппозиций по способу образования.

4. Оппозицию с ДП «место образования» образуют следующие четыре частные оппозиции:

4—1. Оппозиция с ДП «лабиальность-дентальность» имеет следующие пары: /п/ — /т/, /п'/ — /т'/, /б/ — /д/, /б'/ — /д'/, /м/ — /н/, /м'/ — /н'/, /в/ — /з/, /в'/ — /з'/, /ф/ — /с/, /ф'/ — /с'/ — 10 пар.

4—2. Оппозиция с ДП «дентальность-альвеолярность» имела пары: /с/ — /ш'/, /с'/ — /ш'/, /з/ — /ж'/, /з'/ — /ж'/, /ц'/ — /ч'/ — (по говорам членами оппозиций могли быть /ш/, /ж/, /ц/).

В результате ассимилятивных изменений свистящих и шипящих в этой оппозиции возникли слабые позиции. Противопоставление /с/ — /ш'/, /с'/ — /ш'/, /з/ — /ж'/, /з'/ — /ж'/, /ц'/ — /ч'/ нейтрализовалось перед шипящими и свистящими. Этот ряд парных согласных фонем приобретает в то же время характер соотносительного ряда, так как характеризуется параллельностью изменения своих членов: они в тождественных

фонетических условиях противопоставляются и в тождественных же условиях нейтрализуют это противопоставление.

4—3. Оппозиция с ДП «лабиальность-гуттуральность» включает 6 пар: /п/ — /к/, /п'/ — /к'/, /б/ — /г/, /б'/ — /г'/, /ф/ — /х/, /ф'/ — /х'/.

4—4. Оппозиция с ДП «дентальность-гуттуральность» состояла из 6 пар: /т/ — /к/, /т'/ — /к'/, /д/ — /г/, /д'/ — /г'/, /с/ — /х/, /с'/ — /х'/.

Вне оппозиции по месту образования находились: /л/, /л'/, /р/, /р'/, /л/.

§ 53. Состав ДП согласных фонем

/п/ — твердость, глухость, взрывность, лабиальность.
/п'/ — мягкость, глухость, взрывность, лабиальность.
/б/ — твердость, звонкость, взрывность, лабиальность.
/б'/ — мягкость, звонкость, взрывность, лабиальность.
/в/ — твердость, звонкость, фрикативность, лабиальность.
/в'/ — мягкость, звонкость, фрикативность, лабиальность.
/ф/ — твердость, глухость, фрикативность, лабиальность.
/ф'/ — мягкость, глухость, фрикативность, лабиальность.
/м/ — твердость, назальность, лабиальность.
/м'/ — мягкость, назальность, лабиальность.
/т/ — твердость, глухость, взрывность, дентальность.
/т'/ — мягкость, глухость, взрывность, дентальность.
/д/ — твердость, звонкость, взрывность, дентальность.
/д'/ — мягкость, звонкость, взрывность, дентальность.
/с/ — твердость, глухость, фрикативность, дентальность.
/с'/ — мягкость, глухость, фрикативность, дентальность.
/з/ — твердость, звонкость, фрикативность, дентальность.
/з'/ — мягкость, звонкость, фрикативность, дентальность.
/н/ — твердость, назальность, дентальность.
/н'/ — мягкость, назальность, дентальность.
/л/ — твердость, латеральность.
/л'/ — мягкость, латеральность.
/р/ — твердость, vibrантность.
/р'/ — мягкость, vibrантность.
/ш'/ — глухость, фрикативность, альвеолярность.
/ж'/ — звонкость, альвеолярность.
/ц'/ — аффрикатность, дентальность.
/ч'/ — аффрикатность, альвеолярность.
/к/ — глухость, взрывность, гуттуральность.
/г/ — звонкость, гуттуральность.
/х/ — фрикативность, гуттуральность.

Примечания:

1. ДП «неназальность» не включен в перечень ДП согласных фонем, лабиальных или дентальных, так как он вклю-

чается в другие ДП: взрывность-звонкость или фрикативность-звонкость.

2. Согласные фонемы с полным набором ДП функционировали в позициях максимального различения согласных фонем, где все признаки не определялись позицией.

В позициях нейтрализации отдельных признаков общий состав ДП менялся.

§ 54. О фонемах /ш':/, /ж':/

В связи с утратой взрывного элемента в сочетаниях фонем /ш'/+/'ч'/ или /ж'/+/'д'ж'/ в кругу определенной лексики по говорам ростово-суздальского диалекта возникали внутриморфемные мягкие шипящие: [ш':], [ж':]. В это же время по говорам происходило отвердение кратких шипящих фонем: /ш'/>/ш/, /ж'/>/ж/. В тех говорах, где краткие шипящие отвердели и на стыке морфем в результате ассимиляции свистящих шипящим возникали долгие твердые шипящие, внутриморфемные долгие мягкие шипящие следует определять как особые фонемы. В системе тех говоров, в которых краткие шипящие сохранялись мягкими и на стыке морфем возникали долгие мягкие шипящие, внутриморфемные долгие мягкие шипящие являлись сочетанием кратких мягких шипящих фонем, т. е. [ш':]=/ш'/+/'ш'/, а [ж':]=/ж'/+/'ж'/.

Если в говорах взрывной элемент не утрачивался, то сохраняющиеся сочетания [ш'т'ш'], [ж'д'ж'] следует (как и для древнейшей эпохи) рассматривать как сочетание фонем /ш'/+/'ч'/ и /ж'/+/'д'ж'/.

§ 55. О фонеме /j/

После падения редуцированных возникли новые сочетания звуков с [j]: сочетания сонорных и шумных согласных с [j] и сочетания [j] с последующими сонорными или шумными.

Необязательность [j] перед некоторыми начальными гласными слова была уже и в эпоху древнейших текстов. Таким образом, к рубежу XIV—XV вв. уже нет основания относить звук [j] к протезам. Но в то же время он еще не вошел в систему согласных фонем: для фонемы /j/ трудно найти ДП, которые отличали бы её как разновидность определенной фонемы от других согласных фонем.

§ 56. Парадигматические отношения гласных

Различительная роль гласных осуществлялась путем противопоставления гласных по двум дифференциальным признакам: 1) степень подъема гласного и 2) наличие — отсутст-

вие лабиализации. Ряд гласного не мог быть ДП, так как место образования (ряд гласного всецело определялось фонетическим положением в начале слова, после твердого или после мягкого согласного. Гласные фонемы верхнего подъема /и/, /у/ противопоставлялись по отсутствию или наличию лабиализации; гласный [ы] был разновидностью фонемы /и/, гласный [ү] — разновидностью фонемы /у/.

Гласные фонемы среднего подъема /е/, /о/ развивали противопоставление по отсутствию — наличию лабиализации, в XIV—XV вв. оно ограничивалось положением между мягкими согласными и на конце слова.

Гласные фонемы переднего ряда /и/, /ê/, /е/ или заднего ряда /у/, /ô/, /о/, /а/ различались по степени подъема.

Гласные фонемы верхнесреднего подъема /ê/, /ô/ не развили противопоставление друг другу по «нелабиализованности-лабиализованности», их ДП, связанный с верхнесредним подъемом, утрачивал постепенно значение ДП.

§ 57. Состав ДП гласных фонем

- /и/ — верхний подъем, нелабиализованность.
- /у/ — верхний подъем, лабиализованность.
- /ê/ — верхнесредний подъем, нелабиализованность.
- /ô/ — верхнесредний подъем, лабиализованность.
- /е/ — средний подъем, нелабиализованность.
- /о/ — средний подъем, лабиализованность.
- /а/ — нижний подъем, нелабиализованность.

§ 58. Общая характеристика системы

Изменилась структура слога, отношение групп согласных к слогоразделу. Если в исходной системе (рубеж XI—XII вв.) любая последовательность согласных оказывалась тавтосиллабическим сочетанием, то в новой системе такие отношения не обязательны. Можно предполагать, что сочетания шумных согласных, сочетания шумных согласных с последующими сонорными или [j], группы сонорных согласных, сонорных с [j], как и в современной системе русского языка, составляли сочетания согласных, входящие в один слог. Если подобное сочетание было срединным, то слогораздел проходил перед этим сочетанием, т. е. было: *хрестьяне*: [хр'е — с'т'ja — н'е]; *вздят*: [jê — з'д'ат]; *дерна*: [д'о — рна], *рѣкъъ*: [р'ê — ч'к'ê]; *хитрости*: [х'и — тро — с'т'и], *окладник*: [о — кла — д'н'ик]; *земля*: [з'е — м'л'а] и под. Сочетания одинаковых шумных согласных на морфологическом стыке приставки и корня, предложения и слова склонны были в новой системе к упрощению и после изменения относились к слогаделению так же, как и

внутриморфемные сочетания: *ис старины*: [исстар'ины] > [истар'ины] = [и — ста — р'и — ны].

В связь с этим живым процессом изменения групп согласных на морфологическом стыке следует поставить активное развитие предлогов с новым фонемным составом: *во, со, ко, ото, подо, надо, обо* наряду с *в, с, к, от, под, над, об*.

Сочетания согласных, состоящие из сонорных согласных с последующими шумными, не входили в один слог в том случае, когда они были срединными, отходили к разным слогам: *даньщикъ* [дан' — ш':ик], *бурьсукъ* [бур — сук]; *Перхушково* [п'ер — ху — шко — во] и др.

Изменилась слоговая структура как отдельной словоформы, так и слова как парадигмы словоформ, изменилось отношение слогового строения слова к его морфологическому составу. В предшествующую эпоху (до падения редуцированных) слоговая структура слова (как парадигмы словоформ) сохранялась при формообразовательных и словообразовательных процессах, что и позволяло говорить об автономности слога.

В результате фонемный состав морфемы сохранялся в каждой конкретной словоформе. Исключений было немного.

В новой системе позиционные изменения фонем в слоге часто сопровождают формообразование и словообразование, и как следствие происходит разрыв между фонемным составом одной и той же морфемы в разных конкретных словоформах.

Например: *мѣсто* — *намѣснику* в фонетической транскрипции будет — [м'ѣсто] — [нам'ѣс'н'ику], в словофонематической — /м₁е₃ст₀/ — /нам₁е₃с'н'ику/, в морфофонематической —

/м₁е{ст}o/ — /нам₁е{ст}'н'ику/; *кто* — *кого* — I. [хто] — [кого]; II. /х₄то⁴/ — /кого/; III. /кто/ — /кого/; *гвоздѣ* — *гвоздѣ* — I.

[гвоз'д'а] — [гвос'т']; II. /гвос₃д'a/ — /гвос₃т'2/; III. /гво{зд}a/ — /гво{зд}/.

До падения редуцированных многие начальные сочетания согласных и срединные сочетания были одинаковыми. Если некоторые срединные сочетания согласных, как [зд], [зг], в начале слов отсутствовали, то это было обусловлено не закономерностями звукового строения слога, а отсутствием соответствующих слов. Потенциально возможное начальное сочетание [зд] или [зг] не реализовалось в конкретных словах.

В системе XIV—XV вв. появляются нового типа начальные сочетания согласных, состоящие из сонорных согласных с последующими шумными: *ржи, мху, мианое болото*. Если

⁴ В работе принята словофонематическая и морфофонематическая транскрипция, предложенная проф. Р. И. Аванесовым. Знаком X₄ обозначена фонема, слабая по признаку глухости-звонкости и взрывности-фрикативности.

такое сочетание согласных оказывается в середине слова, оно обязательно разделяется слогоразделом. Появились конечные сочетания согласных.

Произошли существенные изменения в парадигматике фонем. Возникла новая оппозиция согласных фонем по твердости-мягкости. Многие другие оппозиции согласных фонем (по назальности-неназальности, взрывности-фрикативности, латеральности-вибрантности, лабиальности-дентальности, лабиальности-гutturальности, дентальности-альвеолярности) увеличили свой объем, в отдельных случаях значительно. Уменьшился лишь объем оппозиции по «аффрикатности-фрикативности».

Сложилась оппозиция по лабиализованности-нелабиализованности в частной системе гласных среднего подъема. Стала утрачивать свою актуальность оппозиция гласных верхне-среднего — среднего подъема.

Развитие парадигматики привело к изменению состава ДП согласных и гласных фонем, что видно из сравнения перечня ДП фонем в § 18, 19 и в § 53, 57.

Можно сказать, что фонологическая система ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV—XV вв. принципиально отличается от исходной системы, функционировавшей на рубеже XI—XII вв.

Изменилось соотношение вокализма и консонантизма. В новой системе роль согласных фонем несомненно возросла.

Увеличилось число согласных фонем до 34. Оформились соотносительные ряды согласных фонем, парных по «твердости-мягкости» и по «глухости-звонкости». Эти ряды теперь составляют пучок корреляций. Оформились частные системы варьирования согласных по способу и месту образования со своими сильными и слабыми позициями. Позиционные изменения согласных в речевом потоке теперь определяются прежде всего ассимилятивными и в некоторых случаях диссимилятивными процессами в группах согласных, положением в слове и значительно сокращается воздействие гласных: сохраняется лишь смягчение согласных перед /ê/ и /e/.

Новая система консонантизма строится на двух типах позиционной мены; к параллельному типу, известному и в исходной системе, присоединяется тип перекрещивающийся. Это вызывает различие сильных и слабых позиций функционирования согласных фонем. Появляется необходимость различать единицы сильных позиций и единицы слабых позиций. Единицы сильных позиций одинаково выполняют различительную роль в словоформе и морфеме.

Единицы слабых позиций, выполняя различительную функцию в словоформе, теряют ее в морфеме.

Вслед за Р. И. Аванесовым единицы сильных позиций называем сильными фонемами, единицы слабых пози-

ций, с ослабленной различительной функцией — слабыми фонемами. Сильные и слабые фонемы определяют фонемный состав словоформы. Для определения фонемного состава морфемы выделяется еще одна фонологическая единица — фонемный ряд.

В новой системе ростово-суздальского диалекта следует различать сильные и слабые по признаку твердости-мягкости и по признаку глухости-звонкости парные согласные фонемы.

В группах согласных, первый член которых имеет ассимилятивную мягкость или твердость, он определяется как разновидность слабой по признаку твердости-мягкости фонемы. Это относится и к унаследованным внутриморфемным сочетаниям согласных типа [ст], [с'т'], [зд], [з'д']... При характеристике фонемного состава морфемы эти внутриморфемные сочетания рассматриваются как связанные сочетания, обладающие общей мягкостью или общей твердостью.

В группах согласных, первый член которых имеет ассимилятивную глухость или звонкость, при характеристике фонемного состава словоформы он определяется как разновидность слабой по признаку глухости-звонкости фонемы.

При определении фонемного состава морфемы эти внутриморфемные сочетания согласных при отсутствии позиционного варьирования определяются как связанные сочетания фонем с общей глухостью или общей звонкостью.

Для выведения возможных фонемных рядов согласных фонем, парных по твердости-мягкости и по глухости-звонкости, составляющих фонологические единицы «высшего ранга» в системе консонантизма ростово-суздальского диалекта XIV—XV вв., применимы общие формулы, выведенные проф. Р. И. Аванесовым для системы современного русского литературного языка. Эти формулы следующие:

$$t+t' // t_1 // t_2+t'_2 // t_3 \\ d+d' // d_1 // t_2+t'_2 // t_3$$

«Знаком «плюс» в этих формулах показаны нефонетические чередования сильных по твердости-мягкости согласных фонем, представленных в вариантах одной и той же морфемы. Конечно, далеко не все члены этих рядов бывают представлены для одной и той же морфемы... Важно то, что все реально представленные члены фонемного ряда охватываются этими формулами»⁵.

Как уже было сказано, характеристика фонологических единиц сильных и слабых позиций в частных системах согласных фонем, противопоставленных по способу и месту образования, должна быть более индивидуальной.

⁵ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956, стр. 209.

Так, в сочетаниях: *хт, хп, хк, үд, үб, үг* первый элемент в составе словоформы следует определять как разновидность слабой по «глухости-звонкости» и по «взрывности-фрикативности» фонемы, но при определении фонемного состава морфемы эти сочетания, как правило, нельзя определять как связанные, обладающие общими признаками, поскольку они очень редко бывают внутриморфемными.

В сочетаниях [ц+ц] или [ц'+ц'] (фонетически это [ц':] или [ц:] первый элемент следует определять как разновидность слабой по «глухости-звонкости» и по «взрывности-аффрикатности» фонемы.

В сочетаниях [ж'+ж'] или [ш'+ш'] (фонетически это [ж':], [ш':]) первую звуковую единицу в системе с краткими мягкими шипящими следует определять как разновидность слабой по «глухости-звонкости» и по «дентальности-альвеолярности» фонемы. В сочетаниях: [с'+с'], [с+с] (фонетически это: [с':], [с:] первый звук — разновидность слабой по «твердости-мягкости», «глухости-звонкости» и по «дентальности-альвеолярности» фонемы.

В системе вокализма сохраняется как основной один тип позиционной мены — параллельный. Перекрещивающийся тип связан с варьированием [e] // [e], когда в положении между мягкими согласными фонемы /e/ и /ê/ нейтрализуются, а также с нейтрализацией противопоставления /o/ — /ô/ в безударных слогах. Но поскольку само противопоставление /e/ и /ê/ и /o/ — /ô/ в системе утрачивалось, данный случай перекрещивающейся позиционной мены не был существенным. Все виды позиционного варьирования гласных определяются качеством согласных. Зависимость вокализма от консонантизма намечалась и в перспективе развития. Система гласных фонем ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV—XV вв. имела черты переходного состояния от семифонемной к пятифонемной. Уходящими элементами были фонемы верхнесреднего подъема /ê/ и /ô/, нарождающимися — развитие противопоставления по отсутствию — наличию лабиализации у фонем среднего подъема /e/ — /o/.

Нарождающаяся пятифонемная система вокализма в большей степени, чем прежняя, семифонемная, гармонирует с развивающейся новой консонантной системой, в которой центральное место и в функционировании, и в историческом перспективном развитии занимает категория согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

II. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА НА РУБЕЖЕ XIV—XV ВВ.

Фонологическая система новгородского диалекта описывается в сопоставлении с системой ростово-суздальского диалекта.

§ 59. Сочетания согласных

В древненовгородском диалекте XV века, очевидно, уже отсутствовали сочетания: [бм], [б'м'], [дн], [д'н'] в связи с их изменениями в [м:], [м':], [н:], [н':]. Отсутствовали сочетания с согласными [ц'] и [ч']: (п'ц', п'ч', ц'к', ч'к', ц'ц', ч'ч', ш'ч', с'ч', фц', рц', лц'), вместо них членом сочетания выступал [ц''].

Из-за отсутствия согласных [ф], [ф'] в результате оглушения [в], [в'] сокращалось число групп согласных с их участием. Начальные группы «[w]+согласный» изменялись в сочетании «гласного [y]+согласный», а срединная группа «[w]+согласный» в сочетание «ÿ+согласный».

Вследствие общей тенденции отвердения согласных в новгородском диалекте следует считать, что и ассимилятивная мягкость согласных в этой системе была представлена реже. Очевидно, губные отвердевали и в группах согласных, а не только на конце слова.

Специфически новгородской чертой было изменение новых групп согласных: «сонорный+шумный» в последовательность звуков: «сонорный согласный+гласный+шумный согласный», т. е. *в'ер'х* > *в'ер'ех*; *столп* (из *столб*) > *столоп*, *горп* > *гороп*, *бортной* > *боротной*, *повергиши* > *поверегши*, *в'ерст* > *в'ер'ест* и под. В результате эти сочетания или отсутствовали, или были лексически ограничены.

§ 60. Сочетания согласных и гласных

В новгородском диалекте были говоры, в которых исключалось сочетание мягких согласных с последующим гласным [о], в других говорах такое сочетание ограничивалось ударным слогом.

Заднеязычные согласные, сохраняя еще лабиовелярное качество, сочетались с гласным звуком [ы].

§ 61. Парадигматические отношения согласных

Новгородская система не знала многих противопоставлений согласных, известных системе ростово-суздальского диалекта, что приводило к ослаблению различительной роли согласных фонем.

А. В оппозиции с ДП «твердость-мягкость» отсутствовала пара /ф/ — /ф'/, утрачивалось противопоставление фонем /п/ — /п'/, /м/ — /м'/, /w/ — /w'/ в решающей для этой категории позиции — на конце слова. Отсутствие противопоставления «твердых-мягких губных» в абсолютно независимой позиции конца слова затрудняло выделение этого противопоставления и перед гласными /и/, /у/, /а/: здесь скорее выделялись «твердые и мягкие» слоги. Лишь в контексте всей си-

стемы, где было противопоставление /р/ — /р'/, «твердых-мягких зубных» и на конце слова, а поэтому и перед гласными, можно говорить и о противопоставлении «твердых-мягких губных» перед гласными.

Во многих говорах не сложилось противопоставление твердых-мягких фонем перед гласной фонемой /о/, в других говорах это противопоставление ограничивалось ударным слогом.

Дальнейшее развитие системы новгородского диалекта сопровождалось утратой сильных позиций для согласных фонем, парных по твердости-мягкости. Так, утрачивается противопоставление твердых-мягких губных, а по говорам и твердых-мягких зубных перед гласной фонемой /и/.

Среди внепарных согласных сохранялась мягкость /ш'/, /ж'/ во всех говорах⁶.

Б. В соотносительном ряду согласных фонем, парных по глухости-звонкости, отсутствовали пары /ф/ — /в/, /ф'/ — /в'/.

В. В общей оппозиции по «способу образования» частная система согласных фонем, противопоставленная по ДП «назальность — неназальность» приобрела черты соотносительного ряда: для пар /б/ — /м/, /б'/ — /м'/ возникли позиции нейтрализации перед фонемами /м/, /м'/, а для пар /д/ — /н/, /д'/ — /н'/ — перед фонемами /н/, /н'/.

Остальные отличия в системе противопоставлений по способу и месту образования возникали из-за тех ограничений, которые накладывались отсутствием фонем /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, мягким цоканьем, а именно:

1) в оппозиции с ДП «взрывность-фрикативность» отсутствуют пары: /п/ — /ф/, /п'/ — /ф'/, противопоставление /б/ — /w/, /б'/ — /w'/ не могло осуществляться в начале слова перед согласным и в исходе слога перед согласным,

2) был большим объем оппозиции с ДП «фрикативность-аффрикатность», так как сохранялась пара /ж'/ — /д'ж'/,

3) в оппозиции с ДП «лабиальность-дентальность» отсутствовали пары: /ф/ — /с/, /ф'/ — /с'/,

4) в оппозиции «дентальность-альвеолярность» отсутствовала пара /ц'/ — /ч'/,

5) в оппозиции «лабиальность-гutturальность» отсутствовали пары: /ф/ — /х/, /ф'/ — /х'/.

§ 62. Состав ДП согласных фонем

/п/ — твердость, глухость, лабиальность.

/п'/ — мягкость, глухость, лабиальность.

/б/ — твердость, звонкость, лабиальность, взрывность.

⁶ В пинежских говорах (по данным экспедиции ЛГУ) сохраняется мягкость /ш'/, /ж'/ перед гласными переднего ряда и в настоящее время.

- /б'/ — мягкость, звонкость, лабиальность, взрывность.
- /w/ — твердость, лабиальность, фрикативность.
- /w'/ — мягкость, лабиальность, фрикативность.
- /м/ — твердость, лабиальность, назальность.
- /м'/ — мягкость, лабиальность, назальность.
- /т/ — твердость, глухость, дентальность, взрывность.
- /т'/ — мягкость, глухость, дентальность, взрывность.
- /д/ — твердость, звонкость, дентальность, взрывность.
- /д'/ — мягкость, звонкость, дентальность, взрывность.
- /с/ — твердость, глухость, дентальность, фрикативность.
- /с'/ — мягкость, глухость, дентальность, фрикативность.
- /з/ — твердость, звонкость, дентальность, фрикативность.
- /з'/ — мягкость, звонкость, дентальность, фрикативность.
- /н/ — твердость, дентальность, назальность.
- /н'/ — мягкость, дентальность, назальность.
- /л/ — твердость, латеральность.
- /л'/ — мягкость, латеральность.
- /р/ — твердость, вибрантность.
- /р'/ — мягкость, вибрантность.
- /ш'/ — глухость, альвеолярность.
- /ж'/ — звонкость, альвеолярность.
- /ц''/ — аффрикатность.
- /к/ — глухость, взрывность, гуттуральность.
- /г/ — звонкость, гуттуральность.
- /х/ — фрикативность, гуттуральность.

В говорах, в системе которых была и фонема /γ/, эта фонема имела ДП: звонкость, фрикативность, гуттуральность.

В этих говорах фонема /г/ получала еще один ДП — взрывность, а фонема /х/ ДП — глухость.

В диалекте были и связанные фонемы /ч'/, /д'ж'/, которые всегда сочетались с предшествующими фонемами *ш' ж'*: /ш'/ + /ч'/ и /ж'/ + /д'ж'/.

§ 63. Парадигматические отношения гласных

Универсальным ДП гласных фонем была степень подъема гласного. Сохранялось и было актуальным на рубеже XIV—XV вв. противопоставление гласных фонем по четырем степеням подъема. Выделение ДП «лабиализованность—нелабиализованность» является результатом понимания всей системы, ее единиц. Для многих двучленных оппозиций он не определяется. Так, при противопоставлении гласных среднего или верхнесреднего подъема (под ударением) друг другу их фонетическое качество лабиализованности или нелабиализованности оказывается тесно связанным с позицией после твердого или мягкого согласного, особенно это касается сочетаний с твердыми-мягкими губными, т. е. в древненовгород-

ском диалекте XIV—XV вв. как бы продолжали существовать синлабемы [с'ê], [сô], [с'е], [со], если эту частную систему вокализма изолировать от других частных систем той же фонологической системы.

Однако в контексте всей системы, для которой мы определили развитие, хотя и недостаточно продуктивное, согласных фонем, парных по твердости-мягкости, для которой основной единицей является фонема, а не слог, мы должны определить и фонемы /ê/, /ô/, /e/, /o/ с их ДП.

В случае противопоставления /ô/ — /a/ или /o/ — /a/ первые фонемы имеют и лабиализованность в качестве ДП. В оппозиции /y/ — /ê/, /y/ — /e/ вторые члены характеризуются нелабиализованностью как ДП.

§ 64. Состав ДП гласных фонем

- /и/ — верхний подъем, нелабиализованность.
- /у/ — верхний подъем, лабиализованность.
- /ê/ — верхнесредний подъем, нелабиализованность.
- /ô/ — верхнесредний подъем, лабиализованность.
- /e/ — средний подъем, нелабиализованность.
- /o/ — средний подъем, лабиализованность.
- /a/ — нижний подъем, нелабиализованность.

III. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПСКОВСКОГО ДИАЛЕКТА НА РУБЕЖЕ XIV—XV вв.

Эта система была близка системе древненовгородского диалекта и описывается путем сопоставления с ней.

§ 65. Сочетания согласных

В древнепсковском диалекте не было групп, в которые входили согласные [с'], [з'], [ш'], [ж'], вместо них компонентами групп были согласные [с''], [з''], т. е., например, в соответствии с группами: [с'п'], [з'б'], [ш'п'], [ж'б'], которые были в системах ростово-суздальского и новгородского диалекта, в псковском были возможны лишь [с''п'], [з''б']. Отсутствовали сочетания с [р']. В остальном псковская система совпадала с новгородской.

§ 66. Парадигматические отношения согласных

А. В системе псковского диалекта еще более, чем в системе новгородского, было ослаблено противопоставление согласных фонем по твердости-мягкости. Объем оппозиции с ДП «твердость-мягкость» сокращался из-за отсутствия пар: /ф/ — /ф'/, /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, /р/ — /р'/.

ском диалекте утрачивалось противопоставление твердых-мягких губных на конце слова.

Б. Был меньшим и объем оппозиции по глухости-звонкости, так как вместо двух пар: *c' — з', ш' — ж'* имела место одна: *c'' — з''*.

В. Если относить звуки *c''* и *з''* к альвеолярным согласным, то следует считать, что в древнепсковском диалекте отсутствовали пары по «взрывности-фрикативности»: */t'/ — /c'/*, */d'/ — /z'/*, а согласные */t'/*, */d'/* отходили к непарным по данному ДП согласным.

Г. Полностью утрачивалась оппозиция с ДП «дентальность-альвеолярность».

Остальные частные системы противопоставления согласных с их сильными и слабыми позициями были такими же, как и в древненовгородском диалекте.

§ 67. Состав ДП согласных фонем

- /п/ — твердость, глухость, лабиальность.
- /п'/ — мягкость, глухость, лабиальность.
- /б/ — твердость, звонкость, лабиальность, взрывность.
- /б'/ — мягкость, звонкость, лабиальность, взрывность.
- /w/ — твердость, лабиальность, фрикативность.
- /w'/ — мягкость, лабиальность, фрикативность.
- /м/ — твердость, лабиальность, назальность.
- /м'/ — мягкость, лабиальность, назальность.
- /т/ — твердость, глухость, дентальность, взрывность.
- /т'/ — мягкость, глухость, дентальность.
- /д/ — твердость, звонкость, дентальность, взрывность.
- /д'/ — мягкость, звонкость, дентальность.
- /с/ — глухость, дентальность, фрикативность.
- /з/ — звонкость, дентальность, фрикативность.
- /с''/ — глухость, альвеолярность, фрикативность.
- /з''/ — звонкость, альвеолярность, фрикативность.
- /ц''/ — аффрикатность, альвеолярность.
- /н/ — твердость, дентальность, назальность.
- /н'/ — мягкость, дентальность, назальность.
- /л/ — твердость, латеральность.
- /л'/ — мягкость, латеральность.
- /р/ — вибрантность.
- /к/ — глухость, взрывность, гуттуральность.
- /г/ — звонкость, гуттуральность.
- /х/ — фрикативность, гуттуральность.

§ 68. Состав ДП гласных фонем

Вокализм окаяющих псковских говоров совпадал с новгородским.

Акающие псковские говоры в XV веке, очевидно, имели пятифонемный состав гласных: не было гласных фонем верх-

несреднего подъема. Из-за отсутствия результатов фонетического изменения [e] в [o] было весьма слабым противопоставление /e/ — /o/ по нелабиализованности-лабиализованности.

ДП гласных фонем в акающих говорах были:

- /и/ — верхний подъем, нелабиализованность.
- /у/ — верхний подъем, лабиализованность.
- /e/ — средний подъем, нелабиализованность.
- /o/ — средний подъем, лабиализованность.
- /а/ — нижний подъем, нелабиализованность.

§ 69. Сопоставительная характеристика систем

Сопоставление фонологических систем ростово-суздальского и древненовгородского диалекта показывает, что к рубежу XIV—XV вв. они имели существенные различия, которые касались не только отдельных звеньев системы, как наличие или отсутствие мягкого цоканья, не только качества отдельных фонем, как наличие /w/ — /w'/ или /v/ — /v'/, не только частной системы консонантизма, как изменение групп [бм], [дн] соответственно в [м:], [н:] или их сохранение, не только частной системы вокализма, как дифтонгизация [ê:], [ô:] или сохранение монофтонгов [ê], [ô], но пронизывали всю фонологическую систему, затрагивая ее важнейшие, определяющие звенья, взаимно обуславливающие состояние консонантизма и вокализма.

Главное отличие было связано с тем, что в ростово-суздальском диалекте последовательно оформилась корреляция согласных фонем, парных по твердости-мягкости. Оформление в этой же системе соотносительного ряда согласных фонем, парных по глухости-звонкости, образовало в системе пучок корреляций, который и составил центральное звено фонологической системы ростово-суздальского типа.

Развитие фонологической категории твердых-мягких согласных фонем придало ростово-суздальской системе консонантный характер. Возможности этой оппозиции не были исчерпаны к рубежу XIV—XV вв. Можно сказать, что все последующее развитие фонологической системы ростово-суздальского типа (следовательно, и московского типа, включая как московское просторечие, так и русский литературный язык, сложившийся в своей фонетической системе на основе московского просторечия), определялось возможностями дальнейшего развития противопоставления твердых-мягких согласных фонем. Становление коррелятивных согласных фонем, парных по твердости-мягкости и по звонкости-глухости, было закономерно связано с направлением в развитии гласных среднего и верхнесреднего подъема.

Оформление противопоставления гласных среднего подъема по лабиализованности-нелабиализованности способствова-

ло утрате гласных фонем верхнесреднего подъема, приводило к формированию пятифонемной системы вокализма вместо семифонемной.

Именно эти звенья системы имели другой вид в новгородском диалекте. Здесь категория согласных фонем, парных по твердости-мягкости, оказалась не такой продуктивной, что проявилось не только в меньшем числе парных твердых-мягких согласных, а главным образом в условиях их функционирования — в гораздо меньшем числе сильных позиций для этих парных согласных.

Не случайно, что именно в говорах новгородского типа отсутствует до сих пор полная соотносительность у согласных фонем, парных по глухости-звонкости⁷; в этой системе не сложился пучок корреляций по твердости-мягкости, глухости-звонкости.

Отсутствие последовательного противопоставления гласных среднего ряда по лабиализованности-нелабиализованности, сохранение семифонемной системы вокализма, включающей и гласные верхнесреднего подъема, находилось во взаимнообусловленной связи с таким направлением в развитии консонантизма. Таким образом, центральные фонологические различия лежали в области системы твердых-мягких согласных фонем и гласных фонем среднего и верхнесреднего подъема. Остальные различия в структурном плане были несущественными.

Фонологическая система окающих псковских говоров в своих главных чертах совпадала с новгородской.

⁷ См. Р. Ф. Пауфшима. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора: «говору свойственно сохранение звонкости согласных в позиции конца слова» (стр. 11).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЯЗЫКОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ РУСИ

§ 70. О принципах группировки говоров

Дифференциация языка обычно имеет два плана: структурный и территориальный. Структурная дифференциация языка может быть дана с указанием территории, но возможна и без отнесения к территории распространения языка. Так, можно описать все возможные типы вокализма современного русского или древнерусского языка без указания территории их распространения. И такая типологическая характеристика системы языка занимает свое место в его научном изучении.

Диалектная дифференциация языка не может быть построена лишь с учетом его структурных различий, без включения территории.

Проекция элементов системы языка на территорию его распространения может дать изоглоссу или показать ее невозможность, если эта проекция создает пестрый лингвистический ландшафт. Эта проекция может выделить отдельные мелкие очаги распространения того или иного явления на территории.

Так, оканье на территории распространения русского языка дает определенную изоглоссу, отношение [n'есy] — [n'ес] на северной территории выделяет единичные говоры, на южной территории позволяет провести изоглоссу и т. д.

Диалектное членение языка всегда предполагает учет территории распространения данного языка, ее соотношенность со структурой языка.

Группировка говоров является одним из результатов синхронной интерпретации изоглосс.

Диалектное членение языка многостепенно: одни изоглоссы выделяют значительные противопоставленные территории, другие — небольшие, одна и та же территория может иметь разное отношение к диалектному членению. Поэтому при решении вопроса о диалектном членении языка в опре-

деленную историческую эпоху следует всесторонне охарактеризовать выделенные различия.

Прежде всего они должны быть актуальны именно для данной исторической эпохи. Такой синхронный подход осуществлен при группировке говоров современного русского языка¹.

По возможности этот принцип проводится и в настоящей работе применительно к эпохе XIV—XV вв.

Естественно, что актуальными диалектными различиями являются прежде всего языковые новообразования. Территориальное варьирование языкового изменения, протекающего в данную историческую эпоху, несомненно говорит о реальности существования диалектных групп, выделяемых по этой черте.

Но и диалектные различия предшествующей эпохи могут иметь не только историческое значение, а быть достаточно актуальными и для новой эпохи, если они продолжают выделять компактные территории.

Архаические диалектные различия могут учитываться при актуальном диалектном членении языка, если их расположение приближается к расположению диалектных черт — языковых новообразований. В ином случае они важны при исторической интерпретации изоглосс.

Следовательно, общая проблема диалектного членения языка связана, во-первых, с генетической оценкой выделенных для изучаемой исторической эпохи изоглосс. Во-вторых, выделенные изоглоссы должны получить структурную оценку. Хотя известно, что при группировке говоров учитывается прежде всего географическое распределение языковых черт, их возможность выделять компактные языковые территории, способные противопоставляться по данным чертам, но небезразлично для диалектолога и отношение языкового явления, дающего изоглоссу, к общей системе языка, фонологической, грамматической, лексико-семантической.

Различная значимость изоглосс, в зависимости от их отношения к разным сторонам системы языка, уже оценена при характеристике подготовленных Атласов русских народных говоров.

«Общее ознакомление с диалектологическими атласами русского языка (до их углубленного изучения) показывает, что весьма существенно различать изоглоссы по крайней мере двух типов.

1. Изоглоссы фонетических или грамматических явлений (закономерностей), существующих безотносительно (или почти безотносительно, с единичными исключениями) по отноше-

¹ «Русская диалектология». М., «Наука», 1964, гл. «Группировка говоров».

нию к словарному составу, т. е. реализующихся в любой соответствующей лексике, представляющей данное фонетическое положение или грамматическую категорию. К этому же типу изоглосс примыкают и изоглоссы явлений фонетического и морфологического характера, связанные с отдельным словом или небольшим количеством определенных слов...

2. К другому типу относятся изоглоссы различий собственно лексического характера (различные названия одних и тех же понятий) и изоглоссы различий семантического характера (разные значения одного и того же слова).

Изоглоссы двух основных типов совершенно очевидно будут иметь различное значение при решении ряда вопросов. Так, знакомясь с картами подготовленных в настоящее время диалектологических атласов русского языка, мы видим, что именно изоглоссы первого типа выделяют наиболее определенные и четко противопоставленные территории (подчеркнуто мною, — К. Г.), занятые теми или иными разновидностями явлений. Характерно для изоглосс этого типа и то, что выделяемые ими противопоставления немногочисленны и по большей части попарно противостоят друг другу².

Различная значимость изоглосс указанных типов обязательна для всех языков и даже необязательна для всей территории распространения данного языка. На этот факт обращает внимание югославский ученый Павле Ивич: «The number of structural isoglosses can be very high, too, and these isoglosses can also have very different directions, leaving the dialectologist in a helpless struggle with the perplexities of choice. And among «non — structural» isoglosses there are also many which deserve attention for the purposes of dialect classification»³. («Число изоглосс явлений, имеющих структурный характер, может быть весьма большим, но эти изоглоссы могут иметь весьма различное направление, обрекая диалектолога на беспомощную борьбу с трудностями выбора. И среди «неструктурных» изоглосс имеется много таких, которые привлекают внимание при классификации диалектов».)

Но для нашей работы важно, что значение этих двух типов изоглосс прослеживается именно «на территории более древнего расселения славян в Восточной Европе»⁴.

При группировке говоров важно определить и «структуру» самих пучков изоглосс, их взаимоотношения, а также значение каждой изоглоссы, ее характеризующую силу. Эта задача решается в описательной диалектологии. Она, очевидно, будет с определенной степенью точности решена и в истори-

² «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 233—234.

³ P. Ivić. On the structure of dialectal differentiation. «Word», 1962, vol. 18, No. 1—2.

⁴ «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 234.

ческой диалектологии путем постепенной исторической интерпретации изоглосс современного русского диалектного языка. Но по данным письменных памятников невозможно провести точную изоглоссу и показать пучки изоглосс. В исторической диалектологии в настоящее время возможна лишь общая картина размещения диалектных различий на территории. С этой целью данные письменных текстов о месте их написания соотносятся с общен историческими сведениями о славянской колонизации изучаемой территории, о размещении населения, о расположении городов и т. п.

§ 71. Характеристика диалектных различий как элементов системы

Диалектные различия, характеризующие язык русского севера в эпоху XIV—XV вв., занимали различное место в системе, что рассмотрено в § 69 (см. таблицу 13 на стр. 177—178).

§ 72. Генезис сложившихся диалектных различий

Лишь немногие различия, перечисленные в § 71, являются архаизмами, унаследованными из предшествующей исторической эпохи. К их числу относятся: 1) мягкое цоканье, противопоставленное различению аффрикат /ц'/, /ч'/, 2) противопоставление по качеству звонкого губного спиранта: /в/, /в'/ или /w/, /w'/; 3) наличие /г/ или возможность как /г/, так и /г'/.

Все остальные различия для эпохи XIV—XV вв. являются новообразованиями, все они сложились после падения редуцированных и так или иначе связаны с формированием новой фонологической системы после XII—XIII вв. Следует отметить, что и явления, отнесенные к архаизмам, по говорам могли быть новообразованиями. Так, актуальным был процесс перехода [w] в [в], особенно в области соприкосновения ростово-суздальских и новгородских говоров, о чем свидетельствует изменение [вн]>[мн] в этой группе говоров⁵.

§ 73. Территория диалектных различий

На основе указаний в письменных источниках, изученных для восстановления фонологической системы древнерусских северных диалектов, можно в общих чертах определить территорию размещения охарактеризованных диалектных различий.

⁵ См. об изменении [вн] в [мн] в статье А. К. Васильевой «Об изменении сочетания *вн* и *мн* по говорам русского языка.» В сб.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1966.

I. Фонологические различия

	Северо-восточная группа говоров	Северо-западная группа говоров	
	Ростово-суздальский диалект	Новгородский диалект	Псковский диалект
1	Последовательное развитие системы согласных фонем, парных по твердости-мягкости	Сравнительно слабое развитие данной системы	Еще более ослабленная категория твердых-мягких согласных фонем
2	Фонема /г/	По говорам фонемы /г/ и /г'/	
3	Фонемы /в/, /в'/	Фонемы /w/, /w'/	
4	Аффрикаты /ц'/, /ч'/ (по говорам /ц/ и /ч'/)	Аффриката /ц"/	
5	Отсутствие нейтрализации по назальности-неназальности	Возможность нейтрализации данного противопоставления	
6	Фонологизация отношения /е/—/о/ с ДП «нелабиализованность-лабиализованность»	Отсутствие данной фонологизации или ее большая ограниченность	
7	Переходное состояние системы вокализма от семифонемной к пятифонемной	Устойчивое состояние семифонемной системы вокализма	
8	Противопоставленные фонемы /с'—/ш'/, /з'—/ж'/ (по ростово-суздальским говорам /ш/, /ж/)		
		Фонемы /с"/, /з"/	

II. Лексико-фонологические различия

1	Фонема /л/ в соответствии с праславянскими *tl, *dl в группе слов	Сочетания /кл/, /гл/ в этой же группе слов
2	Сочетание /ш'н/ в группе слов	Сочетание /ч'н/ в этой же группе слов

	Северо-восточная группа говоров	Северо-западная группа говоров	
	Ростово-суздальский диалект	Новгородский диалект	Псковский диалект
3	Отсутствие слов со «вторым полногласием» или изолированные слова с таким сочетанием	Развитие явления «второго полногласия», оформление слов типа: <i>верех, столоб, гороб</i> и под.	

III. Морфолого-фонологические различия

1	Появление флексии /'oju/ в творительном падеже единственного числа слов женского рода	Сохранение флексии /'eju/
2	Сохранение флексии /ê/ или замена ее флексией /e/ в связи с общим процессом замены /ê/—/e/	Широкое распространение флексии /и/ на месте древней флексии /ê/
3	Окончание /-ово/ в форме родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода	Окончание /-ого/ или /-оуо/ в этой же форме

В привлеченных к исследованию источниках — новгородских и двинских грамотах XIV—XV вв. — есть многочисленные указания мест их написания или мест, к которым относится содержание грамот.

Дадим перечень этих географических названий.

Это г. Новгород и его область; г. Буйце; «разные места по обоим берегам Северной Двины, начиная со Ступинского села в 32-х верстах южнее Холмогор (духовная Андрея № 70) и кончая Николаевским Карельским монастырем, при впадении Двины в море.

Во-вторых, в местностях по правым притокам Двины, впадающим в нее при устье, а именно по Лодье и Ижме.

В-третьих, в разных поселениях Поморья, а именно расположенных по так называвшемуся в древности Карель-

скому берегу, начинавшемуся от устья Двины и простиравшемуся на запад до устья Нюхчи за Онегой»⁶.

Дадим и более подробный перечень упоминавшихся в двинских грамотах мест: Куростров, Юрмола — часть Курострова, озеро Холья на Юрмоле, Микитино озеро на Курострове, Кочком-озеро между реками Юрой и Вертусом; Ухтоостров, Паритово озеро на Налье острове; Малый остров на Двине; Хлюпино озеро на острове Налье; река Юра, впадает в Двину верстах в десяти от Николаевской церкви; деревня Левковская в 4,5 верстах от Архангельска; Луготин остров на Двине, ниже Ухтоострова; Негостров — остров Северной Двины близ Архангельска; деревня Тайнокурская в 8 верстах от Архангельска; река Маймалса, впадает в Двину близ Архангельска; Косткова гора, в 49 верстах южнее Архангельска, на правом берегу Двины; река Сюзьма; Паритово озеро на Налье острове; Кехта; Лявля — местность на правом берегу Сев. Двины, в 50 верстах выше Архангельска; Княжостров; острова у устья Двины; река Лодья; река Ижма; Поморье; Разуев остров; Земля на Пчеве; земля на Кудье и Малокурье; сёла на Лявля острове; участки за Волоком в Соломбале на Ижме, Лодье и Уне, река Яренга; река Ождорма; Шенкурский погост; сёла на Паденге; деревни в Мидлеше и на Пинежке, участки в реках Сороке и Выче, Шуе, Кеми и на Кильбострове; реки Вирма, Шизна; земли в Уносских островах на Онеге озере; вотчины на реках Жоравье, Выча, Шуя.

Изученные акты северо-восточной письменности имеют многочисленные указания места их написания или мест, к которым относится содержание грамот.

Перечень географических мест по ростово-суздальским грамотам включает следующие наименования: река Шексна и ее притоки: Выксна, Сезьма, Угла, Бонема, Конома, Ирдма, Кономица, Юга, река Порозобица с притоками: Шелекша, Сусла, реки, впадающие в Белое озеро: Шеша, Словенка, Вашкийца, Мара, Мунга, Ковжа, Кивое, Колкач, Белшма; река Тошна — к западу от реки Вологды, западное побережье Кубенского озера, реки Сяма, Янгосаре, Маслена в Вологодском крае; р. Лоста, приток р. Лежи; р. Кистьма — правый приток реки Мологи; р. Печюга — левый приток р. Нерль; р. Уводь — левый приток реки Клязьмы. Озера: Белое озеро, Кубенское озеро, Уломское озеро, Словенское озеро, Ивицкое озеро, Вашкинское озеро, Вашпанское озеро, Микшино озеро, Бонемское озеро, Люпоозеро, Литоозеро, Березничное озеро.

Это территория с городами: Владимир, Гороховец, Стародуб, Суздаль, Переяславль, Ростов, Углич, Кострома, Соль Галичская, Волок Словенский, Белоозеро.

⁶ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века.

§ 74. О характере языковой дифференциации на изученной территории

Характеристика диалектных областей Северной Руси, восстановленная для периода XIV—XV вв., находит опору в современной группировке русских говоров по данным лингвистической географии.

При группировке современных говоров выделены ареалы с совмещением следующих изоглосс:

I. а) различие твердых и мягких губных согласных на конце слова; б) мена *в//ф, в'//ф'*; в) отсутствие мены *л//љ*; г) отсутствие цоканья и его следов; д) последовательное изменение *е* в *о* перед твердыми согласными, е) общность судьбы *е* и *ѣ* между мягкими согласными, а в отдельных говорах в предупредных слогах перед твердыми согласными; ж) пятифонемный состав гласных.

Такие говоры выделяются по данным опубликованного «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», они соответствуют Владимирско-Поволжской группе по квалификации Московской диалектологической комиссии 1915 года, особенно ее Ярославской подгруппе (по делению Н. Н. Дурново). Эти черты характеризуют и более широкую зону — диалектную зону центра⁷.

II. Второй ареал говоров совмещает такие черты: а) только твердые губные согласные на конце слова, б) мена *в//ѳ* или *ш//ѳ*, в) мена *л//љ* или *л//љ*, г) цоканье или его следы, д) непоследовательное изменение *е* в *о* перед твердыми согласными, а также отдельные говоры с отсутствием результатов фонетического изменения *е* в *о*, е) различная судьба *е* и *ѣ*, ж) сохранение семифонемного состава гласных в отдельных говорах.

Территория говоров с совмещением всех или групп перечисленных черт выделяется по данным неопубликованных Атласов русских народных говоров к северо-западу и северу от Москвы. Она соответствует Новгородской, Поморской, Олонецкой, Вологодско-Вятской группам по классификации МДК 1915 года. При всем различии этих групп они характеризуются распространением указанных черт.

Выделение именно таких ареалов на территории северо-великорусского наречия не является случайным, оно соответствует древнему противопоставлению ростово-суздальского и новгородского диалектов. Поэтому с точки зрения исторического развития языковые образования, выделенные на территории Северной Руси для рубежа XIV—XV вв., можно назвать диалектами и определить их как ростово-суздальский, новго-

⁷ Имеем в виду новую группировку русских говоров по данным лингвистической географии. Она предлагается в кн. «Русская диалектология».

родский и близкий к нему псковский диалекты. Эти диалекты выделяет и проф. Р. И. Аванесов⁸.

Но одновременно нельзя не заметить, что с точки зрения изучаемой эпохи — рубежа XIV—XV вв. — ростово-суздальский и новгородский диалекты были достаточно самостоятельны, обособлены и были способны при благоприятных исторических условиях развиваться в самостоятельные языки. В это время еще нельзя говорить о господствующей, центральной роли диалекта Ростово-Суздальской земли.

Развитие языка в историко-диалектном отношении: диалектное членение языка, взаимоотношение диалектов, связь истории языка с историей народа, как и развитие языка в историко-структурном отношении, имеет свои ведущие, главные элементы для каждой исторической эпохи.

В рассматриваемую эпоху два исторических центра: Новгородская и Ростово-Суздальская земля прежде всего определяли характер Северной Руси и тенденции ее развития. Основная территория складывающейся великорусской народности в это время находилась в Ростово-Владими́ро-Суздальском княжестве⁹.

Значительная часть южной, юго-западной и западной, в будущем великорусской, территории отходила к владениям Великого княжества Литовского. В течение XIV века в зависимости от Литвы попадает и Псков.

Главные экономические, политические и культурные связи были между Ростово-Суздальской землей (Опольщиной) и Новгородом, крупнейшим торгово-ремесленным городом и центром феодальной республики. Рязанская земля и Смоленская земля, которые также стали территорией великорусской народности, в XIII веке занимают промежуточное положение: первая — между Ростово-Суздальской землей и Черниговским княжеством, вторая — между Полоцком и северо-восточной Русью¹⁰.

Самостоятельность и обособленность диалектов северной Руси в изучаемый период соответствует значительной самостоятельности и своеобразию в других сферах жизни: политической и культурной¹¹.

⁸ Р. И. Аванесов. Вопросы истории русского языка... В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 155—191.

⁹ «Очерки истории СССР», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1956, карта № 1.

¹⁰ Л. В. Черепнин. Исторические условия формирования русской народности до конца XV века. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 7—105.

¹¹ «История русского искусства». Под общ. ред. И. Э. Грабаря (и др.). М., Изд-во АН СССР, т. I, 1953; т. II, 1954; «История русской литературы», т. II, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958; «История русской литературы», т. II, ч. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945; А. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937.

Опираясь на культурно-исторические и социально-политические данные, мы можем заключить, что и выделенные для рубежа XIV—XV вв. диалекты следует рассматривать еще как диалекты древнерусского языка, языка древнерусской (общевосточнославянской) народности¹².

Отсюда следует вывод, что развитие системы языка и историческое изменение диалектного членения языка, изменения во взаимоотношениях диалектов, возникновение новых языков в результате диалектной перегруппировки и подобные исторические процессы могут во времени не совпадать.

В истории русского (великорусского) языка образование новой фонологической системы с ее общими и различительными признаками предшествовало образованию новой диалектной структуры, характеризующей собственно русский (великорусский) язык в отличие от древнерусского.

Отношения «равноправности» с возможностью развития в самостоятельные языки между древненовгородским и ростово-суздальским диалектами меняются в следующую историческую эпоху, с конца XV века, когда в связи с развитием русского централизованного государства, возвышением Москвы как центра, покорением Новгорода и Пскова, ростово-суздальский диалект становится ведущим диалектом языка великорусской народности. На протяжении XVI—XVII вв. формируется старомосковское просторечие — живая основа нормализованной формы русского языка.

На основе древненовгородского диалекта в дальнейшем складываются группы периферийных говоров северновеликорусского наречия русского языка: Новгородская, Поморская (Архангельская), Олонецкая, Вологодско-Вятская.

Проф. Р. И. Аванесов пишет, что и в настоящее время «говоры севера европейской части СССР весьма близки друг к другу. Однако, распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково». Некоторые различия между указанными группами говоров намечаются в XV—XVI вв.¹³

Таким образом, диалектная структура русского (великорусского) языка складывается первоначально как диалектная зона центра на базе ведущего ростово-суздальского диалекта и диалектная область периферийных северных говоров на ос-

¹² О необходимости разграничивать социально-исторический и структурный аспект исследования языков и диалектов пишет Ф. П. Филин в кн. «Образование языка восточных славян» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 166); «Язык (и диалект.— К. Г.) — историко-лингвистическая (или социально-лингвистическая) категория».

¹³ Р. И. Аванесов. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 181.

нове древненовгородского диалекта. Вхождение акающего диалекта в состав русского языка значительно осложнило диалектную структуру русского языка.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Знак	Значение
·а а· ä	— Точка над буквой гласного обозначает позиционное изменение гласного по ряду (продвижение в более переднюю зону образования) после мягкого, перед мягким и между мягкими согласными.
ê ô	— Знак ^ над буквой гласного обозначает напряженный характер гласного, связанный с его верхнесредним подъемом.
о: ш:	— Знак : после буквы обозначает долготу звука.
(иe, уo) ÿ	— Знаки ( ) для обозначения дифтонгов. — Знак ~ над буквой обозначает неслоговой характер звука.
п', б'	— Запятая справа вверху после буквы согласного обозначает мягкость согласного.
с" з" ц"	— Знак " после буквы согласного обозначает шепелявый характер мягких небных согласных, возникающих в результате неразличения с' — ш', з' — ж', ц' — ч'.
р	— Знак ° под буквой согласного обозначает слоговой характер согласного.
Скобки [ ]	— В скобки [ ] заключается звук речи, фонетическая транскрипция слова.
Скобки //	— В скобки // заключается фонема, фонематическая транскрипция слова.
Скобки ///	— В скобки /// заключается графема.
Римские цифры I, II, III	— Цифра I ставится перед фонетической транскрипцией, цифра II — перед словофонематической и цифра III — перед морфофонематической транскрипцией.
Знаки /т ₁ /; /д ₁ /	— Знаки для фонемы, слабой по признаку твердости-мягкости, но сильной по признаку глухости-звонкости.
Знаки /т ₂ /; /д ₂ /	— Знаки для фонемы, слабой по признаку глухости-звонкости, но сильной по признаку твердости-мягкости.

/тз/	— Знак для фонемы, слабой по признаку твердости-мягкости и по признаку глухости-звонкости.
з {ст}	— Знак для связанных фонем с общим признаком твердости-мягкости и глухости-звонкости.
е и	— Точка под буквой обозначает повышенное образование гласного.
ѣ ѥ	— Знак = под буквой обозначает сильную позицию редуцированных гласных.
ѣ ѥ	— Знак ^ под буквой обозначает слабую позицию редуцированных гласных.
С, Г	— Буква С в таблицах обозначает «согласный», а буква Г — «гласный».

ИСТОЧНИКИ И ИХ УСЛОВНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ

1. Г. Ев. Галичское Евангелие 1357 года. Рукопись Государственного исторического музея, собрание Патриаршей библиотеки, № 68.
2. Д. гр. Двинские грамоты по изданию «Грамоты великого Новгорода и Пскова». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
3. Дв. гр. Двинские грамоты XV века по изданию и исследованию А. А. Шахматова: «Исследование о двинских грамотах XV века», чч. 1—2. СПб., 1903 («Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3), а также по изданию М. Сибирцева и А. А. Шахматова «Еще несколько двинских грамот XV века», т. I. («Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, 1909).
4. М. в. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. X, XI («Сб. отд. русск. яз. и словесности АН», 1921—1922, т. ХСІХ, № 2, 3).
5. М. гр. Московские грамоты XIV—XV вв. по изданию «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
6. М. Ев. Московское Евангелие 1358 года. Рукопись Государственного исторического музея, собрание Патриаршей библиотеки, № 69.
7. Н. гр. Новгородские грамоты XV века по изданию «Грамоты великого Новгорода и Пскова». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
8. Нов. гр. Новгородские грамоты XIV—XV вв. по кн. А. А. Шахматова «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» («Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895).
9. О. Е. Остромирово Евангелие. Изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843.
10. П. Ев. Переяславское Евангелие 1354 года. Рукопись Государственного исторического музея, Синодальное собрание, № 67.
11. П. Пр. Псковский Пролог 1383 года. Рукопись Центрального гос. архива древних актов Министерства внутренних дел за № 172.
12. Р-с. гр. Грамоты из архивов Кирилло-Белозерского, Феропонтова и Спасо-Евфимьева монастыря (подлинные до 1505 г.) по изданию «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1958.

1. Аванесов Р. И. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности. В сб.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
2. Аванесов Р. И. Заметки о говоре села Семеновского на р. Водле. В кн.: «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
3. Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестн. Моск. ун-та», 1947, № 1.
4. Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.
5. Аванесов Р. И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. «Доклады и сообщения филол. фак-та Моск. ун-та», 1947, вып. 2.
6. Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка. В сб.: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1963.
7. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. М., Учпедгиз, 1945.
8. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., Учпедгиз, 1949.
9. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956.
10. Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1958.
11. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, чч. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1957.
12. Бернштейн С. Б. К истории слога в праславянском языке. В сб.: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1963.
13. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961.
14. Бодуэн де Куртенэ И. А. Фонетические законы. В кн.: «Избр. труды по общему языкознанию», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1963.
15. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1963.
16. Брандт Р. Ф. Лекции по истории русского языка. М., 1913.
17. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сб. отд. русск. яз. и словесности АН», т. 83, № 4, 1907.
18. Бувальцева М. Н. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Канд. дисс. М., 1955.
19. Васильев Л. Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV—XVII вв. «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1905, т. 10, кн. 2.
20. Васильев Л. Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквой *е* в памятниках XVII века... «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1910, т. 15, кн. 3.
21. Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. «Сб. по русскому языку и словесности», т. I, вып. 2. Л., Изд-во АН СССР, 1929.
22. Виноградов В. В. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, вып. 1. Пг., 1923.
23. Виноградов В. В. Методы изучения рукописей как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях акад. А. А. Шахматова. «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1922, т. XXV.
24. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1958.
25. Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова. М., Изд-во АН СССР, 1962.

26. Геровский Г. И. Древнерусские написания *жч, жс* и *з* перед передними гласными. «Вопросы языкознания», 1959, № 4.
27. Гецова О. Г. Говор села Катагощи Захаровского района Рязанской области. Канд. дисс. М., 1952.
28. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М., ИЛ, 1959.
29. Горшкова К. В. Из истории консонантных диалектных различий русского языка. «Научн. доклады высшей школы. Филол. науки», 1964, № 4.
30. Горшкова К. В. О методах изучения письменных памятников как источников исторической фонетики русского языка. «Вестн. Моск. ун-та», филология, журналистика, 1963, № 4.
31. Горшкова К. В. О фонетической интерпретации данных письменных памятников. «Вестн. Моск. ун-та», филология, журналистика, 1964, № 3.
32. Горшкова К. В. Основные тенденции развития фонетической системы русского языка. «Русский язык в школе», 1964, № 5.
33. Горшкова К. В. Развитие вокализма в белозерских говорах Вологодской области. «Научн. доклады высшей школы. Филол. науки», 1958, № 4.
34. Горшкова К. В. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. «Вопросы языкознания», 1964, № 5.
35. Горшкова К. В. Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. «Славянская филология», вып. 5. Изд-во МГУ, 1963.
36. Гринкова Н. П. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. «Тр. Ин-та русск. яз. АН СССР», 1950, т. II.
37. Добромыслова А. Н. К вопросу о корреспонденции *о—е* в творительном падеже женского склонения. «Вестн. Моск. ун-та», 1963, № 1.
38. Еремин С. А. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ. «Сб. отд. русск. яз. и словесности АН», 1922, т. ХСІХ, № 5.
39. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. «Вопросы языкознания», 1964, № 6.
40. Жуковская Л. П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV века (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.). «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 8.
41. Жуковская Л. П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке. (По материалам Галичского евангелия 1357 года.) «Материалы и исследования по истории русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1960.
42. Захарова К. Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1959.
43. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии. «Вопросы языкознания», 1963, № 6.
44. Зеленин Д. К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1954, вып. VI.
45. Зиндер Л. Р. О звуковых изменениях. «Вопросы языкознания», 1957, № 1.
46. Иванов В. В. Из истории волоколамских говоров XV—XVIII в. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1960, т. XIX.
47. Ивич П. Основные пути развития сербохорватского вокализма. «Вопросы языкознания», 1958, № 1.
48. Ivić P. On the structure of dialectal differentiation. «Word», 1962, vol. 18, No 1—2.
49. История русского искусства. Под общ. ред. И. Э. Грабаря [и др.]. Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953; т. 2. М., 1954.
50. История русской литературы, тт. I—III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
51. История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945.
52. Калнынь Л. Э. К истории коломенских говоров. «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. VII.
53. Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1956, т. XIII.
54. Калнынь Л. Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., Изд-во АН СССР, 1961.
55. Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV века. (О языке Псковского пролога 1383 года). «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 8.
56. Каринский Н. М. Очерки из истории псковской письменности и языка. Чч. I—2. Пг., 1916—1917.
57. Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
58. Карский Е. Ф. Белоруссы, т. II. Варшава, 1908.
59. Князевская О. А. К истории русского языка северо-восточной Руси в середине XIV века. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.). «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 8.
60. Колесов В. В. Изменение фонемы /ě/ в древнерусском языке. «Slavia», 1966, гоđ. XXXV, seš. 2, стр. 177—187.
61. Колесов В. В. К фонологическому объяснению северо-русского цоканья. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании». М., 1965.
62. Колесов В. В. О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье. «Вопросы языкознания», 1964, № 4.
63. Колесов В. В. /O/ (о закрытое) в древненовгородском говоре. «Уч. зап. Ленингр. ун-та», 1962, серия филол. наук, вып. 61, № 302.
64. Колесов В. В. Эволюция фонемы /ô/ в русских северо-западных говорах. «Научн. доклады высшей школы. Филологические науки», 1962, № 3.
65. Конечна Г. Ассимиляция и диссимиляция. «Вопросы языкознания», 1958, № 3.
66. Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., Изд-во АН СССР, 1963.
67. Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья. «Вопросы языкознания», 1964, № 1.
68. Кузнецов П. С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 2.
69. Кузнецов П. С. О дифференциальных признаках фонем. «Вопросы языкознания», 1958, № 1.
70. Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.
71. Ломтев Т. П. Классы позиций согласных фонем в современном русском языке, различающиеся по соотношению релевантных и нерелевантных дифференциальных признаков. В сб.: «Славянская филология», вып. V. Изд-во МГУ, 1963.
72. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
73. Ляпунов Б. Несколько слов по поводу замечаний проф. А. И. Соболевского. «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, ноябрь.
74. Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
75. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Перевод с франц. А. А. Зализняка. М., ИЛ, 1960.

76. Материалы для изучения великорусских говоров, вып. X, XI. «Сб. отд. русск. яз. и словесности АН», СПб., 1921—1922, т. XCIX, № 2, 3.
77. Мошинский Л. К. Фонология просодических элементов в славянских языках. «Вопросы языкознания», 1965, № 2.
78. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во АН СССР, 1951.
79. Нахтигал Р. Славянские языки. Перевод со словенского Н. М. Елкиной. М., ИЛ, 1963.
80. Обнорский С. П. Переход *e* в *o* в современном русском языке. В кн.: А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
81. Обнорский С. П. Сочетание *чн* в русском языке. «Тр. Комиссии по русскому языку», 1931, т. 1.
82. Орлов А. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
83. Орлова В. Г. Губные спиранты в русском языке. «Тр. Ин-та русского языка АН СССР», М.—Л., 1950, т. 2.
84. Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959.
85. Орлова В. Г. К вопросу об интерпретации изоглосс. «Вопросы языкознания», 1961, № 1.
86. Очерки истории СССР, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1956.
87. Очерки по фонетике северно-русских говоров. М., «Наука», 1966.
88. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., Изд-во АН СССР, 1955.
89. Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века. (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии). «Вопросы языкознания», 1963, № 1.
90. Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке. «Вопросы языкознания», 1961, № 1.
91. Пауфощима Р. Ф. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», вып. II. М., Изд-во АН СССР, 1961.
92. Пауфощима Р. Ф. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Канд. дисс. М., 1965.
93. Petrovič E. Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române. București, 1956.
94. Пожарицкая С. К. Типы вокализма первого предупредительного слога после мягких согласных в северно-великорусских говорах. Канд. дисс. М., 1963.
95. Псковские говоры, 1. Псков, 1962 (Псковск. пед. ин-т им. С. М. Кирова).
96. Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», М., 1955, № 8.
97. Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1964.
98. Самуйлова Н. И. Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке. Канд. дисс. М., 1963.
99. Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. «Slavia», Praha, 1928, гоđ. VII, seř. 1.
100. Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.
101. Сибирцев М., Шахматов А. А. Еще несколько двинских грамот XV века. «Исследования по русск. яз.», т. II, вып. 5. СПб., 1909.
102. Сидоров В. Н. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. «Изв. ОЛЯ», 1951, т. 10, вып. 2.
103. Сидоров В. Н. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», М., 1952, № 2.
104. Сидоров В. Н. Редуцированные гласные *ъ* и *ь* в древнерусском языке XI в. «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1953, т. 2.
105. Скобликова Е. С. О судьбе этимологического *ѣ* в первом предупредительном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы. «Материалы и исследования по русск. диалектологии», т. III. М., 1962.
106. Соболевский А. И. Важная особенность старого псковского говора. «Русск. филол. вестник», 1909, т. 62, № 3—4.
107. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907.
108. Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка, ч. 1. Киев, 1884.
109. Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1901.
110. Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. «Русск. филол. вестник», 1886, № 4.
111. Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
112. Тихомирев М. Н. Древнерусские города. Изд-во МГУ, 1946.
113. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
114. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Перевод с нем. А. А. Холодовича. М., ИЛ, 1960.
115. Турбин Г. А. Шепелявень мягких зубных согласных в уральских говорах. В кн.: «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г.», М., 1965.
116. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.
117. Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV века. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
118. Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. М., Изд-во АН СССР, 1953.
119. Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в., чч. 1—2. СПб., 1903. (Исследования по русскому языку, т. 2, вып. 3).
120. Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. В кн.: «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.
121. Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. СПб., 1903.
122. Шахматов А. А. Курс истории русского языка, ч. 1, изд. 2. СПб., 1911—1912.
123. Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. «Журнал Министерства народного просвещения», 1912, № 7.
124. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11).
125. Шерба Л. В. Методы лингвистических работ А. А. Шахматова. «Изв. отд. русск. яз. и словесности АН», 1922, т. XXV.
126. Эшби У. Росс. Введение в кибернетику. Перевод с англ. Д. Г. Лахути. М., ИЛ, 1959.
127. Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Предмет. Источники. Метод	7
I. Предмет	7
§ 1. О предмете описательной и исторической диалектологии русского языка	7
II. Источники исторической диалектологии по данным исторической фонологии	9
§ 2. Современные говоры	9
§ 3. Письменные памятники	16
§ 4. Характеристика письменных текстов — материала исследования	31
III. Метод	36
§ 5. Вопросы диахронической фонологии	36
§ 6. Вопросы исторической лингвогеографии	48
<i>Глава первая. Фонологическая система древнерусского языка на рубеже XI—XII вв. . . . .</i>	<i>53</i>
I. Состав звуковых единиц	53
§ 7. Состав согласных	53
§ 8. Физиолого-акустическая классификация согласных	54
§ 9. Состав гласных	54
§ 10. Физиологическая классификация гласных	54
II. Позиционная мена звуков	55
§ 11. Звуковая структура слога	55
§ 12. Сочетания согласных в слоге	56
§ 13. Сочетания согласных с гласными в слоге	60
§ 14. Система вокализма и просодические элементы	61
III. Фонетические единицы системы	63
§ 15. Типы позиционной мены и характер звуковых единиц в системе древнерусского языка	63
§ 16. Различительная функция согласных. Оппозиции согласных	63
§ 17. Различительная роль гласных. Оппозиции гласных	66
§ 18. Состав ДП согласных фонем	67
§ 19. Состав ДП гласных фонем	67
§ 20. О фонологической характеристике [ш'т'ш'] и [ж'д'ж']	67
§ 21. О фонеме [j]	68
§ 22. Историческое своеобразие системы XI—XII вв.	69
§ 23. Падение редуцированных	71
<i>Глава вторая. Фонологическая система на рубеже XI—XII вв. в ее территориальном варьировании . . . . .</i>	<i>72</i>
§ 24. Ростово-суздальские диалектные черты	72
§ 25. Новгородские диалектные черты	72
§ 26. Псковские диалектные черты	75

§ 27. Консонантные диалектные различия на севере Руси на рубеже XI—XII вв.	76
§ 28. О вокалистических диалектных различиях	76
<i>Глава третья. Формирование консонантной фонологической системы русского языка после падения редуцированных . . . . .</i>	<i>79</i>
I. Согласные фонемы, парные по твердости-мягкости	79
§ 29. Появление сильных позиций для твердых-мягких согласных фонем в ростово-суздальском диалекте	79
§ 30. Появление слабых позиций для твердых-мягких согласных фонем в ростово-суздальском диалекте	83
§ 31. Внепарные по твердости-мягкости согласные фонемы	84
§ 32. Развитие категории твердости-мягкости согласных в новгородском и псковском диалектах	85
II. Лабиовелярность согласных фонем	90
§ 33. Взаимодействие оппозиции по твердости-мягкости с лабиовелярностью согласных	90
III. Гласные фонемы переднего и непереднего образования	92
§ 34. Позиционная мена гласных по ряду образования	92
IV. Гласные фонемы среднего подъема	92
§ 35. Фонологизация отношения между [e] — [o] в ростово-суздальском диалекте	92
§ 36. Лабиализация [e] в новгородском диалекте	101
§ 37. Лабиализация [e] в псковском диалекте	105
V. Гласные фонемы верхнесреднего подъема	106
§ 38. История фонемы /ê/ по данным ростово-суздальской письменности	106
§ 39. История фонемы /ê/ по данным московских грамот XIV—XV вв.	120
§ 40. История фонемы /ê/ по данным новгородской письменности	124
§ 41. История фонемы /ê/ по данным псковской письменности	134
§ 42. О фонеме /ô/ в диалектах Северной Руси	135
§ 43. Диалектные различия в области вокализма	139
VI. Категория глухости-звонкости согласных	141
§ 44. Становление соотносительного ряда согласных, парных по глухости-звонкости, по данным памятников письменности XIV—XV вв.	141
VII. Способ образования согласных	142
§ 45. Варьирование согласных, различных по способу образования	142
VIII. Место образования согласных	144
§ 46. Варьирование согласных, разных по месту образования	144
IX. Геминаты	145
§ 47. Утрата долгих согласных на стыке морфем	145
X. Сочетания сонорных и шумных согласных	145
§ 48. О «втором полногласии»	145
<i>Глава четвертая. Фонологические системы диалектов Северной Руси . . . . .</i>	<i>148</i>
I. Фонологическая система ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV—XV вв.	148
§ 49. Сочетания согласных	148
§ 50. Сочетания согласных и гласных	155
§ 51. Сочетания гласных	156
§ 52. Парадигматические отношения согласных	156

§ 53. Состав ДП согласных фонем	159
§ 54. О фонемах /ш':/, /ж':/	160
§ 55. О фонеме /j/	160
§ 56. Парадигматические отношения гласных	160
§ 57. Состав ДП гласных фонем	161
§ 58. Общая характеристика системы	161
II. Фонологическая система древненовгородского диалекта на рубеже XIV—XV вв.	
§ 59. Сочетания согласных	166
§ 60. Сочетания согласных и гласных	166
§ 61. Парадигматические отношения согласных	166
§ 62. Состав ДП согласных фонем	167
§ 63. Парадигматические отношения гласных	168
§ 64. Состав ДП гласных фонем	169
III. Фонологическая система псковского диалекта на рубеже XIV—XV вв.	
§ 65. Сочетания согласных	169
§ 66. Парадигматические отношения согласных	169
§ 67. Состав ДП согласных фонем	170
§ 68. Состав ДП гласных фонем	170
§ 69. Сопоставительная характеристика систем	171
Глава пятая. Языковая дифференциация на территории Северной Руси	
§ 70. О принципах группировки говоров	173
§ 71. Характеристика диалектных различий как элементов системы	173
§ 72. Генезис сложившихся диалектных различий	176
§ 73. Территория диалектных различий	176
§ 74. О характере языковой дифференциации на изученной территории	180
Транскрипция	183
Источники и их условное обозначение	184
Библиография	185

Клавдия Васильевна Горшкова

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ РУСИ

Тематический план 1967 г. № 95

Редактор *В. Г. Демьянов*

Переплет художника *С. Б. Генкиной*

Технический редактор *И. Л. Тимашева*

Корректоры *М. М. Петкевич, М. И. Эльмус, В. П. Кададинская*

Сдано в набор 20/V 1967 г. Подписано к печати 30/V 1968 г.
Л-95788 Формат 60×90/16 Физ. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 12,77. Изд. № 199
Зак. 509 Тираж 3000 экз. Бумага тип. № 3 Цена 92 коп.

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы, Административный корпус.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
57	18 снизу	Сочетались глухие и звонкие шумные согласные	Сочетались глухие или звонкие шумные согласные
103	8 сверху	А. И. Аванесова	Р. И. Аванесова
132	12 снизу	[г'е] — [г'не]	[г'е] — [г'не]

Зак. 509